

9 (с126Л)

П-29

ПЕТЕРБУРГ
ПЕТРОВСКОГО
ВРЕМЕНИ

9(с 126Л)
П-29

Институт Истории Академии Наук СССР
Ленинградское отделение

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

9(с-Л)
П29

ПЕТЕРБУРГ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Очерки

под редакцией А. В. Предтеченского

Российский фонд культурного
и природного наследия
библиотека

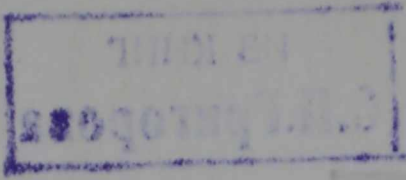
Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство
1948

13 НОЯ 2009

Исторический музей
Библиотека

Библиотека
1571

Handwritten signature

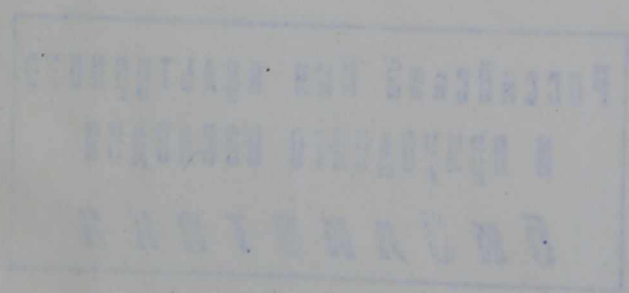

Петербург петровского времени

Сборник статей под ред. А. В. Предтеченского

Этот сборник статей, посвященных Петербургу петровского времени, является первым из трудов по истории Ленинграда, подготовляемых Ленинградским отделением Института истории Академии наук СССР. Статьи посвящены вопросам возникновения Петербурга, его населения, экономики и культурной жизни. Статьи составлены почти исключительно по материалам, уже вошедшим в научный оборот. Положенный в основу статей материал позволяет поставить ряд отдельных вопросов, до сих пор мало освещенных в литературе о Петербурге петровского времени. Научно-популярное изложение статей делает сборник доступным для широких кругов культурных советских читателей. В сборнике даны только те иллюстрации, которые сделаны современниками, рисунки более позднего происхождения в книге не помещались.

Отзывы о настоящем сборнике просьба присылать по адресу: Ленинград, Торговый пер., 3, Лениздат.

Handwritten signature or mark.

А. В. Предтеченский

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Земли, расположенные в районе Ладожского озера и Невы, на берегах которой был основан Петербург, являлись исконными русскими землями. Они входили в состав Водской пятины Новгорода. Русскими людьми были построены здесь города Ям, Копорье, Орешек, Ивангород. Когда в XV веке Новгород был присоединен к Москве, эти земли вошли в состав Московского государства. Но в следующем столетии, в результате неудачной для русских ливонской войны, единственный принадлежащий Московскому государству выход к Балтийскому морю через побережье Финского залива был потерян. В конце XVI века финское побережье снова стало русским: по Тявзинскому миру (1595), которым закончилась русско-шведская война, Ям, Копорье, Ивангород и другие города возвращались России. Но во время шведской интервенции в начале XVII века финское побережье опять подпало под власть шведов и по Столбовскому миру (1617) осталось за Швецией.

Утрата выхода к Балтийскому морю нанесла серьезный ущерб политическому и экономическому развитию России. К концу XVII столетия необходимость овладения берегами Балтийского моря стала настолько острой, что нельзя было больше медлить с разрешением этой важнейшей политической задачи. Начатая Петром I Северная война имела целью возвращение России тех ее земель, без обладания которыми ее дальнейшее развитие могло остановиться. Маркс так говорит об этом:

«...Никто не мог себе представить великую нацию, оторванную от морских побережий и устьев ее рек... Россия уже не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции северной России... Петр завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для развития его страны».

Отчетливо сознавая эту необходимость, Петр начал подготовку к войне. Прежде всего ему было нужно заручиться поддержкой тех европейских государств, которые, подобно России, испытывали на себе тяжесть политического и экономического господства Швеции в Северной Европе.

В 1698 г. Петр, вызванный из Вены сообщением о стрельцком бунте, возвращался в Россию. На пути он встретился в Рава (в Галиции) с польским королем Августом II. Польский король жаловался на непрочность своего положения («много поляков противных имеет») и просил Петра оказать ему помощь в случае необходимости. Петр ответил согласием и в свою очередь просил Августа II помочь «отомстить обиду, которую учинил ему рижский губернатор Дальберг в Риге». Польский король обещал Петру свою поддержку. Этим разговором, происходившим на вечере у генерала Флемминга и носившим, повидимому, совершенно неофициальный характер, все дело и ограничилось. Никаких письменных обязательств оба монарха друг другу не дали. Однако разговор в Рава положил начало русско-польскому союзу, оформленному в следующем году. В Москву приехал уполномоченный польского короля Карлович, в результате переговоров с которым в Преображенском 11 ноября 1699 г. был заключен «наступательный союз противу Швеции», к которому в том же году присоединилась и Дания. Во время переговоров в Преображенском был намечен театр военных действий: предполагалось, что он охватит территорию между Рижским заливом и Ладжским озером, при чем в Лифляндии и Эстляндии будут действовать польские войска, а в Ингерманландии¹ и Карелии — русские. В договоре Петр обеспечил за собой право не начинать войны, пока не будет заключен мир с Турцией. Когда в Москву пришло известие, что русский уполномоченный в Константинополе Е. И. Украинцев подписал мирный договор, Петр тотчас же объявил Швеции войну. 22 августа 1700 г. из Москвы, направляясь к Нарве, выступил первый отряд под командованием И. И. Бутурлина, вслед за которым двинулись остальные войска. К концу сентября сосредоточение русских войск под Нарвой закончилось, и в ночь на 2 октября обстрелом русского лагеря шведами из Нарвы было положено начало военным действиям.

Выбор Петром направления на Нарву был продиктован всей совокупностью стратегических и политических соображений. Захват Нарвы, а вместе с нею и всей реки Наровы, мог обеспечить быстрое завоевание Ингерманландии и Карелии, т. е. осуществить важнейшую задачу, поставленную Петром. Овладение Нарвой и Наровой разобщало шведские войска;

¹ Так шведы называли старую русскую Ижорскую землю (по-фински она называлась Ингрия).

Петр I.

Бюст работы Карло Бартоломео Растрелли, 1723 г. Бронза.
Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

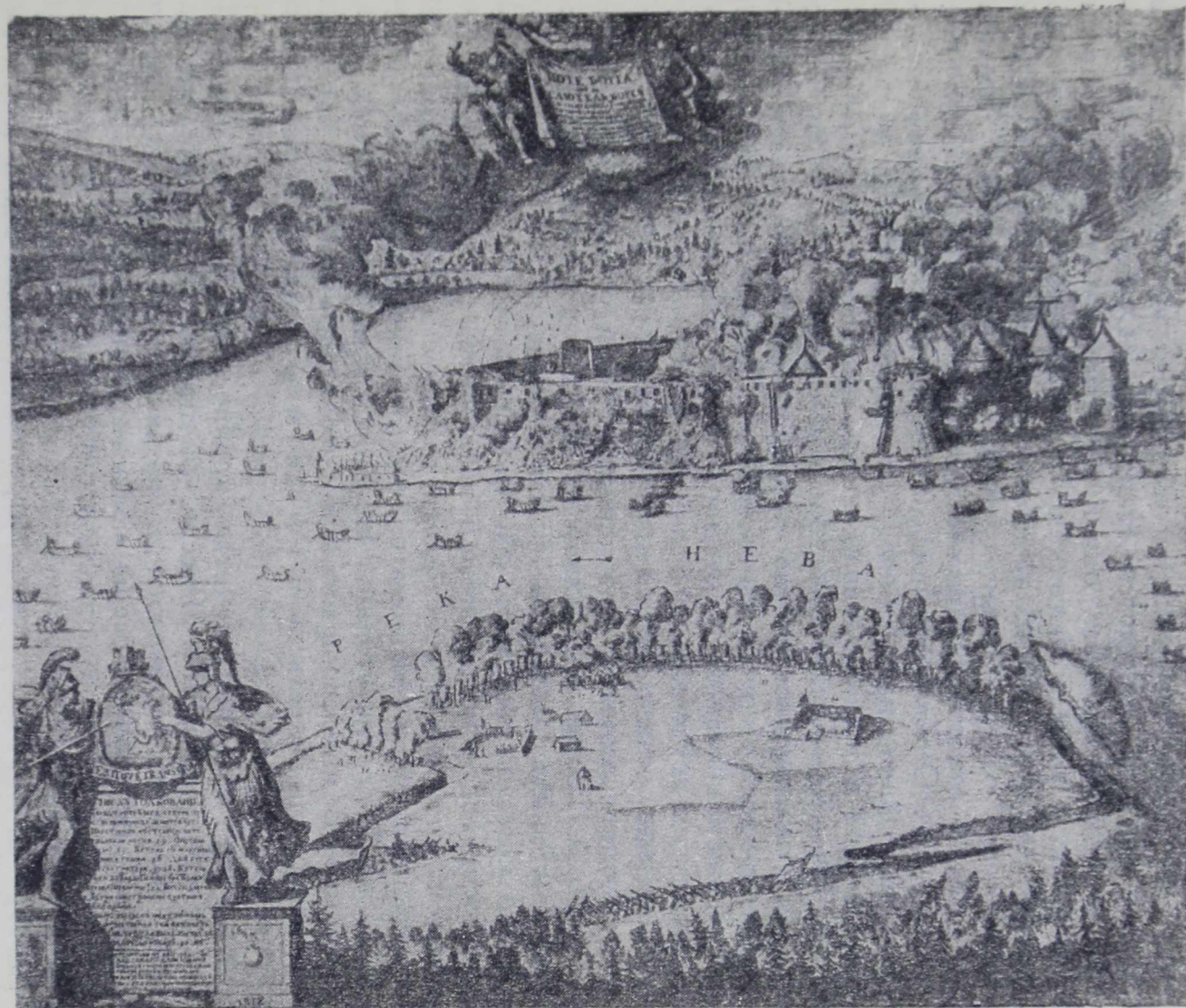
действующие в Эстляндии, от тех, которые были расположены в Карелии. Кроме того, укрепившись путем овладения Наровой на западе Ингерманландии, русские получали свободу действий на ее восточных и южных границах, которые были открыты для наступления и потому не требовали подготовительных мероприятий военного порядка. Эти причины заставили Петра выбрать для первого удара Нарву. Сделал он это вопреки противодействию своих союзников, опасавшихся вторжения русских в Лифляндию. Паткуль, который, как известно, был одним из самых активных деятелей подготовки Северной войны, писал саксонскому поверенному в делах¹ в Москве Лангену, что Петра не следует пускать дальше Наровы и Пейпуса, что если он захватит Нарву, то ничто не помешает ему овладеть Лифляндией и Эстляндией; Петру «надобно доказать историей и географией, что он должен ограничиться одной Ингерманландией и Карелией».

Неудача русских под Нарвой и поражение Августа II в Лифляндии внесли изменения в отношения между союзниками и вместе с тем в ход войны. Август II должен был отказаться от мысли помешать русским действовать в Лифляндии. Выйдя фактически из войны и предоставив Петру вести борьбу одному, он уже не мог воспрепятствовать русским перенести военные действия в Лифляндию. Вместе с тем Петр должен был до времени расстаться с мыслью об овладении Нарвой. Однако он не отказался от намерения открыть военные действия в Ингерманландии. Карл XII, уверенный в том, что с Петром после Нарвы покончено, не только не перенес войны на территорию России, что надолго сковало бы силы Петра, но даже не оставил в Ингерманландии войска, достаточного для ее обороны, если бы Петр все же решился перейти в наступление. Эта ошибка Карла XII дала Петру возможность наступать в Ингерманландии. Только теперь для прикрытия своей армии с западной стороны он был вынужден перенести военные действия из-под Нарвы значительно южнее. К зиме 1701—1702 гг. у Петра наметился план войны на ближайшее время: главные силы его армии наступают в районе Невы и Ладожского озера, отдельный же отряд Б. П. Шереметева действует в Лифляндии.

После поражения под Нарвой необходимость добиться серьезного успеха над шведами в Ингерманландии становилась для Петра тем острее, что международный престиж России оказался сильно поколебленным. Надо было доказать Европе, что Россия не настолько слаба, чтобы не быть в состоянии поддерживать силой оружия свои притязания на отторгнутые у нее в «смутное время» области. А Европа не только сомневалась

¹ Польский король Август II был в то же время и саксонским курфюрстом.

Взятие Нотебурга 1702 г.

Гравюра Андрея Шхонебека, 1703 г. Собрание Музея истории и развития Ленинграда.

в этом, она была убеждена, что России нанесен непоправимый удар, после которого ей долго не удастся оправиться. Знакомство с некоторыми документами убедительным образом свидетельствует об этом.

В 1701 г. в Фрейштадте (Германия) выходил ежемесячник под названием «Секретные письма необыкновенных людей о замечательных предметах политического и ученого мира». Заголовки некоторых из этих писем говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются. Например: «О поражении москвитян под Нарвой и почему они никогда не станут твердой ногой в Лифляндии и не в состоянии будут ничего сделать против Польши», «О том, что осада и освобождение Нарвы во многом похожи на осаду Вены турками и что победа шведов в некоторых отношениях важнее для христиан победы их под Веною», «... О том, что понесенное московским царем поражение есть божье наказание за его высокомерие и дерзость, порожденные в нем сопровождавшим его до сих пор счастьем» и т. п. Издатель листка всячески стремился преувеличить успех шведов, умалить достоинство русского войска и пытался доказать, что дело «русских варваров» безнадежно проиграно. Откровенная ненависть к русским и злобствующее торжество по поводу их неудачи веет с каждой из тех страниц листка, в которых идет речь о русско-шведской войне. В 1701 г. в Вену с дипломатическими поручениями был послан Петром князь П. А. Голицын. В одном из своих донесений в Москву он писал: «Непременно нужна нашему государю хоть малая виктория, которою бы имя его по-прежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются». Донесения других петровских дипломатов, отправленных в 1701, 1702 и 1703 гг. в другие столицы Европы, были столь же малоутешительны. В них сообщалось о неблагоприятном отношении европейских правительств к России и о дурном впечатлении от поражения под Нарвой.

Зная все это, Петр считал крайне необходимым поднять поколебленный престиж России, а потому очень тщательно и серьезно стал готовиться к кампании в Ингерманландии. Принятые им срочные меры военно-административного и экономического характера позволили ему приступить к военным действиям с несравненно большими шансами на успех, чем под Нарвой. Пора «младенческого игранья» (такова была характеристика поведения русских в подготовке и проведении Нарвского сражения, данная «Журналом» Петра) кончилась, и Петру предстояло серьезное дело.

По мысли Петра, центром военных действий в Ингерманландии должна была стать Нева. Имея в виду прочно утвердиться в Приневском крае и захватить Неву, он принял

ряд мер, свидетельствующих о наличии у него широко задуманного и тщательно разработанного плана. С начала 1702 г. на Олонецкой верфи и на Сяси было приступлено к строительству кораблей, без которых нечего было и думать о достижении какого-либо успеха на Ладожском озере и Неве. Около Ладоги находился шведский отряд генерала Крониорта. Петр приказал П. М. Апраксину наступать на Крониорта, тесня его к западу. Апраксин выполнил это поручение, дойдя в августе 1702 г. до реки Тосны, но потом был вынужден отступать до реки Назии. В августе же флотилия Ивана Тыртова атаковала шведскую эскадру вице-адмирала Нумерса в Ладожском озере и вынудила ее уйти Невой и Финским заливом в Выборг. Шереметев еще летом 1702 г. получил приказание вторгнуться в Лифляндию, что он и сделал, разбив шведов при Гумельсгофе. После возвращения Шереметева в Псков он в сентябре был вызван вместе со своим отрядом в Ладогу. Еще до Шереметева в Ладогу пришел во главе своего войска князь Н. И. Репнин. Сам Петр весной 1702 г. отправился в Архангельск с целью принять ряд оборонительных мер против возможного наступления шведских морских сил с севера, что после нападения шведского флота на Архангельск в 1701 г. представлялось вероятным. В августе 1702 г. Петр с отрядом войск и двумя построенными в Архангельске большими кораблями по знаменитой «Осударевой дороге», проложенной в лесах и болотах от деревни Нюхча до Повенца на протяжении 160 верст, прибыл в Ладогу.

Итак, к осени 1702 г. все меры к обеспечению удачи замысла Петра были приняты: архангельские укрепления и рейд Шереметева в Лифляндию внушали уверенность, что с севера и запада шведов опасаться нечего; морские силы шведов в Ладожском озере перестали быть угрозой; около Ладоги сосредоточилась большая армия, готовая к наступлению, первой стадией которого явились действия Апраксина против Крониорта. 26 сентября русские войска выступили в поход.

Начало наступления увенчалось блестящим успехом — 11 октября пал Нотебург. Петр торжествовал: реванш за Нарву был взят, и теперь шведы должны будут убедиться в том, что русская армия не только не потеряла своей боеспособности, но стала гораздо сильнее, чем за два года до того. Стратегический выигрыш заключался в возможности для Петра двигаться вниз по Неве, не опасаясь за свой тыл. Политическое значение овладения старым русским Орешком (Ореховом) было весьма велико. Петр это живо чувствовал; на медали, выбитой по случаю взятия Нотебурга, было вычеканено: «Был у неприятеля 90 лет», а в объяснительном тексте к чертежу осады Нотебурга, написанном самим Петром, говорилось: «Таковым образом через помочь божию отечественная крепость возвращена, которая была в неправдивых неприятельских руках 92 [года]».

Медаль в память взятия Нотебурга.

Серебро. Русская работа, 1703 г. Лицевая сторона. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

Однако развить немедленно свой успех Петр не мог. Он сам признавался, что победа далась ему нелегко («зело жесток сей орех был»), а потому надо было прежде всего привести в порядок материальную часть армии (во время осады и штурма Нотебурга было выпущено около 15 тысяч снарядов и истрачено более 4 тысяч пудов пороху). Для снабжения армии боевыми и всякими другими припасами следовало ждать вскрытия Невы, которая к концу Нотебургской операции была накануне ледостава.

Кроме того, Петр ждал прибытия новых подкреплений. Все эти обстоятельства заставили его отложить поход вниз по Неве до весны 1703 г. Но вместе с тем затягивать развитие наступления было опасно: морские силы шведов могли войти в устье Невы, а шведские войска, опираясь на крепость Ниеншанц, находившуюся почти у самого устья (при впадении Охты в Неву), имели возможность предпринять контрнаступление. Допустить это — значило бы аннулировать только что одержанный успех. Вот почему Петр ранней весной 1703 г. возобновил наступление. Главной задачей его теперь было овладение Ниеншанцем и обеспечение Невы от проникновения в нее шведов с моря.

Шведская крепость Ниеншанц была основана в самом начале XVII в. Яков де-Лагарди, находясь во главе шведского войска, действовавшего в «смутное время» между Выборгом, Кексгольмом и Невею, предложил шведскому королю, в целях закрепления за Швецией уже завоеванной территории, основать на Неве крепость недалеко от ее устья. Мысль де-Лагарди была поддержана, и в 1611 г. на месте Ниеншанца уже находилось укрепление с 500 человек войска. Нева была старой торговой дорогой, а потому не было ничего удивительного в том, что около крепости в скором времени возник торговый поселок. Видимо, он начал быстро расцветать, ибо жители обратились к шведскому правительству с просьбой защитить их от конку-

ренции городов, пользовавшихся привилегиями. В ответ на это в 1632 г. Ниеншанцу были даны торговые привилегии. Выступление жителей Ниеншанца свидетельствует о том, что город вовсе не был захолустьем, а имел основания занять видное место в ряду торговых городов Швеции. Что он через сравнительно короткое время такое место занял, можно видеть из условий Кардисского договора 1661 г. Одна из статей его предоставляла русским свободу торговли в Стокгольме, Риге, Выборге, Ревеле, Нарве и Ниеншанце. То, что Ниеншанц занял место рядом с крупными и пользовавшимися славой шведскими торговыми городами, говорит о его большом экономическом значении. Кексгольмские купцы охотнее приезжали со своими товарами в Ниеншанц, чем в Выборг, а торговцы Ниеншанца к концу XVII в. приобрели известность своим богатством.

Военное значение крепости Ниеншанц, замыкавшей Неву почти у самого ее устья, было ясно шведскому правительству. В XVII в. производились неоднократные съемки плана самой крепости и окружающей местности. Составлялись проекты постройки укреплений и производились работы по их возведению. В 1675 г. большой план расширения Ниеншанца был утвержден Карлом XI, а в 1679 г. король издал постановление о том, чтобы каждый трудоспособный крестьянин Карелии и Ингерманландии в течение месяца работал на укреплениях Ниеншанца. В 1698 г. был составлен новый план крепости и города.

Судя по этому плану, крепость имела 5 бастионов, два рavelина, валы внешнего укрепления. К началу Северной войны крепость имела вид пятиугольника и находилась на возвышении. По некоторым данным, валы ее имели 9 сажен высоты и 6 сажен толщины. Диаметр площади, занятой собственно крепостью, не превышал 500 сажен. Новые внешние укрепления объемом превосходили самую крепость. На валах было установлено, по одним данным, 50, по другим — 78 орудий трехфунтового и

Медаль в память взятия Нотебурга.
Серебро. Русская работа, 1703 г. Обратная сторона. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

бóльшего калибра. Численность гарнизона крепости доходила до 600 человек. По другую сторону Невы против Ниеншанца было также возведено укрепление, состоявшее из вала высотой в сажень и рва. К крепости примыкал город, отделенный от нее рекой Охтой. Сообщение с крепостью происходило посредством двух подъемных мостов. Охта была в те времена настолько полноводна, что в нее заходили морские корабли. В городе было до 400 домов, расположенных на двух вытянутых в длину продольных улицах, пересекавшихся пятью поперечными. В полуверсте от города вверх по Охте находились казенные и частные амбары с хлебом и другими продовольственными припасами. Одной ржи здесь было, по словам пленных, более 2 тысяч бочек.

И все же, несмотря на внимание, уделяемое шведским правительством Ниеншанцу, дело с расширением его укреплений и превращением его в крепость, не меньшего, чем Нотебург, значения, тормозилось. План, составленный в 1698 г., т. е. накануне войны, показывает, что укрепления были еще далеки от своего окончания. Работы над возведением внешнего вала велись так, что доделывать его пришлось уже в момент приближения русских войск. Гарнизон и артиллерийское вооружение крепости были явно недостаточны для того, чтобы она могла стать мощным оборонительным пунктом. Причины такого небрежения к крепости, обнаружившегося к концу XVII в. со стороны шведского правительства, лежат, видимо, не в беспечности шведов. Дело было в том, что в конце XVII в. у шведов возникла мысль о постройке новой крепости ниже по Неве, у самого ее устья, на том месте, где был позднее основан Петербург. В 1698 г. анонимный шведский автор еще одного плана Ниеншанца в объяснительной записке к нему писал, что он предполагает «подать всеподданнейшее мнение как о том, должно ли Ниен или Нотебург принять за настоящую точку защиты, или же крепость построить при впадении Невы в Балтийское море». Следовательно, Ниеншанц перестал удовлетворять тем военным задачам, какие ставились шведами при его основании. Шведские военные инженеры пришли к мысли о необходимости переноса крепости в другое место. Очень вероятно, что этот проект был выдвинут впервые не в 1698 г., а раньше. Если это так, то становится вполне понятным, почему шведское правительство не позаботилось сделать из Ниеншанца крепость первого класса значения. Пока же разрешался вопрос о переносе крепости в другое место, началась война, и тогда было уже поздно думать о расширении укреплений Ниеншанца. К тому же и Карл XII после Нарвы не верил в возможность перехода русских в серьезное наступление. Вот почему Ниеншанц оказался мало подготовленным к защите и взятие его русскими войсками далеко не потребовало от них тех усилий, с какими были связаны осада и взятие Нотебурга.

Падение Ниеншанца «Журнал» Петра описывает следующим образом. 23 апреля 1703 г. Б. П. Шереметев во главе корпуса пехоты численностью в 16 тысяч человек направился к Ниеншанцу. На следующий день, не дойдя 15 верст до крепости, он выслал вперед двухтысячный отряд с разведывательными целями. Отряд подошел к самой крепости и после короткой стычки с неприятельской заставой занял место у внешнего вала. 26 апреля к Ниеншанцу подошел Шереметев и расположился около него лагерем. Немедленно же начались осадные работы. Шведы вели по осаждающим непрерывный орудийный огонь, но особенного вреда не наносили. В тот же день из Шлиссельбурга прибыл Петр с караваном барок, на которых находилось 16 трехпудовых мортир, 48 пушек крупного калибра, бомбы, фашины, шанцевый инструмент и т. п. 28 апреля Петр с семью ротами Преображенского и Семеновского полков на 60 лодках отправился вниз по Неве «для осматривания невского устья и для занятия оною от прихода неприятельского с моря». В эту разведку Петр впервые имел возможность познакомиться с местом основания новой крепости и города. Оставив на острове Витусаари (позднее Гутуевский) заставу из трех рот, он 29 апреля вернулся в лагерь под Ниеншанцем. Ко времени возвращения Петра осадные работы были закончены и батареи возведены. 30 апреля Шереметев послал к коменданту Ниеншанца парламентеров с предложением сдаться. После отказа шведов с вечера 30 апреля началась артиллерийская стрельба, продолжавшаяся до рассвета 1 мая. На рассвете шведы заявили о согласии сдаться. Начались переговоры о сдаче. К полудню они были закончены. По условиям сдачи в руки русских переходили вся артиллерия и военное имущество крепости. Гарнизон и жители города отпускались в Выборг. 2 мая после благодарственного молебна «за оную полученную над неприятелем победу о взятии крепости, а наипаче, что желаемая морская пристань получена» русские войска вошли в крепость и город, а шведский гарнизон и городские жители были выведены из Ниеншанца и поставлены у Невы, откуда 9 мая они были отпущены в Выборг.

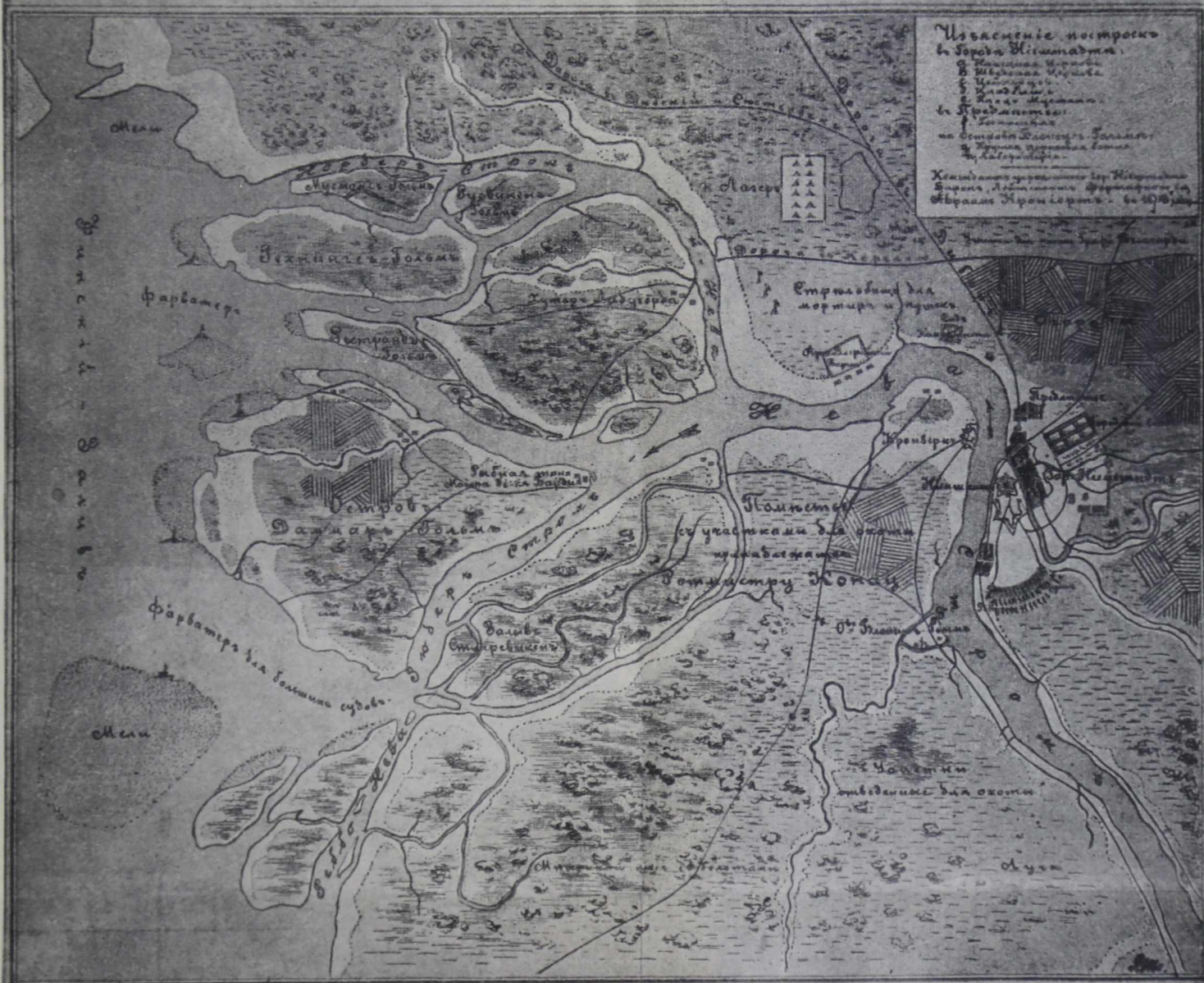
Таким образом, вся ниеншанцкая операция, начиная с выступления корпуса Шереметева и кончая капитуляцией крепости, отняла всего 8 дней. Подавляющее превосходство русских сил определило столь быстрый успех. Но легкость, с какой досталась в руки Петра крепость, ни в какой мере не означала, что Нева уже прочно закреплена за русскими. Шведская угроза со стороны моря продолжала висеть над тем сухопутным войском, какое появилось близ устья Невы. Петр это превосходно понимал, что он и доказал своей разведкой взморья, произведенной накануне взятия Ниеншанца. Его опасения подтвердились. Вечером 2 мая к Петру прибыл посланный от начальника

заставы на Витусаари с извещением, что на взморье появилась шведская эскадра, состоявшая, как выяснилось впоследствии, из 9 судов под командованием Нумерса. Шведский адмирал двумя пушечными выстрелами дал знать о своем прибытии гарнизону Ниеншанца, о судьбе которого он, конечно, не знал. С целью обмануть шведов, Шереметев приказал ответить двумя же выстрелами из русского лагеря и повторять этот сигнал ежедневно утром и вечером. Шведы поддались обману и спокойно оставались на взморье. 6 мая от шведской эскадры отделились бот «Гедан» и шнява «Астрель», направились к Неве и стали в ней недалеко от устья. В тот же день русский отряд на 30 лодках под командованием Петра и А. Д. Меншикова («понеже иных, на море знающих, никого не было», как замечает «Журнал») двинулся к устью Невы. На рассвете 7 мая произошел ожесточенный бой между русским отрядом и двумя шведскими кораблями, в результате которого оба корабля были взяты в плен и доставлены в Ниеншанц. Это была первая морская победа русских, важность которой была вполне оценена Петром, велевшим выбить в ее честь медаль с надписью «Небываемое бывает». Петр и Меншиков стали кавалерами ордена Андрея Первозванного, а офицеры и солдаты были награждены золотыми медалями. Вид сражения и изображение обоих шведских кораблей были по распоряжению Петра награвированы Шхонебеком.

Успех, одержанный русскими, на первое время развязал руки Петру. Нумерс, правда, не ушел со взморья (он оставался там до октября), но пленение двух кораблей передвигавшимся на лодках сухопутным войском, происшедшее на глазах у всей шведской эскадры, не могло не заставить шведского адмирала быть весьма осторожным. Рассчитывая на пассивность Нумерса, Петр тотчас же отправил Шереметева к Копорью. 8 мая Шереметев выступил, а 27 мая Копорье было уже взято. Еще раньше (14 мая) шведы потеряли Ямы, взятые отрядом генерала Вердена. Отправляя Шереметева к Копорью и поручая Вердену захватить Ямы, Петр торопился прикрыть только что завоеванные места со стороны Эстляндии на случай, если бы шведы стали наступать с запада. Но выполнение этой задачи решало только половину дела. Нумерс все же оставался у взморья, и никакой уверенности в том, что он не сможет получить усиления и после этого не перейдет к активным действиям, у Петра не было. Кроме того, у реки Сестры находился отряд Крониорта, который в любую минуту мог появиться на Неве. Это заставляло Петра принять меры к тому, чтобы Нева оказалась укрепленной сильнее, чем она была укреплена шведами, и чтобы ее нельзя было потерять столь же легко, как выпустил ее из своих рук противник. Петр немедленно занялся этим делом.

Планъ местности
 занимаемой нынѣ С^т Петербургомъ, снятый въ 1698 году
 до завоеванія ея Петромъ Великимъ,
 съ показаніемъ существовавшихъ на ней шведскихъ укрѣпленій.

Этотъ планъ снимался мною съ стараго шведскаго чертёжа, снятаго Ц. И. Шварцемъ въ 1757 году
 архитекторомъ В. В. Шварцемъ. С^т Петербургъ, 6 Мая 1872 г.

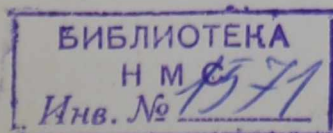

Планъ местности, занимаемой нынѣ С.-Петербургомъ, снятый въ 1698 г. до завоеванія ея Петромъ Великимъ, съ показаніемъ существовавшихъ на ней шведскихъ укрѣпленій.
 Скопированъ архитекторомъ Р. Е. Шварцемъ въ С.-Петербургѣ въ мае 1872 г. со стараго шведскаго чертёжа, снятаго Ц. И. Шварцемъ. Литографированное изданіе А. Ильина. Архивъ Академіи наукъ СССР.

В «Журнале» Петра читаем: «По взятии Канец (Ниеншанца) отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от природы), в котором положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место — остров, который назывался Луст-Эланд (т. е. Веселый остров), где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санктпитербурх...». Таковы скудные сведения о закладке новой крепости на Неве, сообщаемые единственным официальным и авторитетным источником («Журнал» редактировался самим Петром). Приведенная запись не оставляет сомнений в том, что вопрос об основании новой крепости не был решен до взятия Ниеншанца, т. е. до 2 мая 1703 г.¹ Это вполне понятно: невозможность превращения Ниеншанца в сильный укрепленный пункт могла обнаружиться только после осмотра крепости Петром и лицами, участвовавшими в ее взятии. Осмотр убедил их прежде всего в малых размерах Ниеншанца, очевидно недостаточных для замыслов Петра. Далее, место оказалось «не гораздо крепким от природы». Вероятнее всего, этими словами выражалось то, что Ниеншанц с восточной и северо-восточной сторон не имел никаких водных преград (с юга он примыкал к Неве, а с запада — к Охте). Удаленность крепости от моря могла быть установлена Петром еще во время его поездки к Витусаари 28 и 29 апреля. Она явилась дополнительным доводом в пользу необходимости искать места для новой крепости. Все эти соображения заставили Петра пренебречь получением «желаемой морской пристани», славой Ниеншанца, как торгового центра, его экономическими связями с балтийскими городами и побудили царя организовать поиски такого места, какое в первую очередь обеспечивало бы военные нужды.

«По нескольких днях найдено к тому удобное место», — так записано в «Журнале» Петра. Очевидно, что после военного совета обследование невыхских берегов, начатое еще до падения Ниеншанца, продолжалось. Петр остановил свой выбор на Луст-Эланде. Для целей обороны Невы место было очень удобно. Остров находился у самого разветвления реки на два рукава, и крепость, возведенная на нем, могла держать под об-

¹ Подтверждающим свидетельством в пользу того, что Петр даже сразу после взятия Ниеншанца не считал его судьбу предрешенной, может служить факт переименования его в Шлотбург (по-голландски — город-замок), произведенного в день вступления в него русских войск. В письмах от 2 мая 1703 г. Петр обозначает место написания Шлотбургом, а в письме Августу II от 5 мая пишет: „Из Ниеншанца, ныне Шлотбург именованного“. Было бы странно переименовывать город и крепость, уже обреченные на то разрушение, которое их постигло через короткое время.

стрелом шведов, откуда бы они ни появились. С трех сторон остров был окружен широкими просторами Невы, с четвертой — его отделял от соседнего острова Койвусаари (будущей Петербургской стороны) пролив, хотя и узкий, но все же могущий служить оборонительным рубежом. Что касается близости острова к морю, то хотя по Неве и находились другие острова, но все они были расположены ниже разветвления Невы, а потому уступали Луст-Эланду в выгоде стратегического положения. Размеры Луст-Эланда были почти одинаковы с размерами Ниеншанца, и с этой стороны новая крепость преимуществ перед Ниеншанцем иметь не могла. Но стратегические выгоды острова с лихвой искупали этот недостаток. Петр, видимо, сразу оценил значение Луст-Эланда и приказал немедленно же начать работы по возведению на нем крепости.

В «Журнале» Петра и в «Книге Марсовой» дата закладки крепости указана одна и та же — 16 мая. Эта дата была принята за день основания Петербурга и в течение 182 лет не возбуждала никаких сомнений. В 1885 г. появилось известное исследование П. Н. Петрова «История Санкт-Петербурга», в котором автор заявил, что днем основания крепости следует считать не 16 мая, а 29 июня. В пользу своего положения Петров выдвинул три довода: 1) 16 мая Петр находился на Сяси, а без него не могло состояться такое важное событие, как закладка Петербурга; 2) все документы, написанные на Неве за май и июнь 1703 г., помечены Шлотбургом и только 1 июля впервые появляется помета «из Санкт-Питербурха» (на письме Петра Ф. М. Апраксину)¹; 3) 29 июня в торжественной обстановке — с тостами и пушечной пальбой, в присутствии самого царя и новгородского митрополита Иова — происходила закладка церкви Петра и Павла; эта закладка и есть основание крепости. Предложение П. Н. Петрова считать днем основания Петербурга не 16 мая, а 29 июня вызвало возражения и породило целую полемику. Автору справедливо указывали, что он смешал два факта: закладку крепости и ее наименование. За Петровым остается бесспорная заслуга установления точной даты наименования крепости, но дата начала ее постройки (16 мая) соображениями Петрова не колеблется, так как никаких прямых доказательств в пользу ее ошибочности он привести не смог. Значительно позже выхода исследования Петрова появилась брошюра князя Н. В. Голицына «К 200-летию основания Петербурга. Петербург или Петрополь? Новое свидетельство об основании Петербурга» (СПб., 1903). В ней было при-

¹ В действительности первое упоминание Петербурга относится даже не к 1 июля, а к 30 июня — на письме Т. Н. Стрешнева Петру из Москвы имеется помета: „Принято с почты в Санкт-Питербурхе июня 30 день 1703-го“ (Письма и бумаги Петра Великого, т. II, стр. 565).

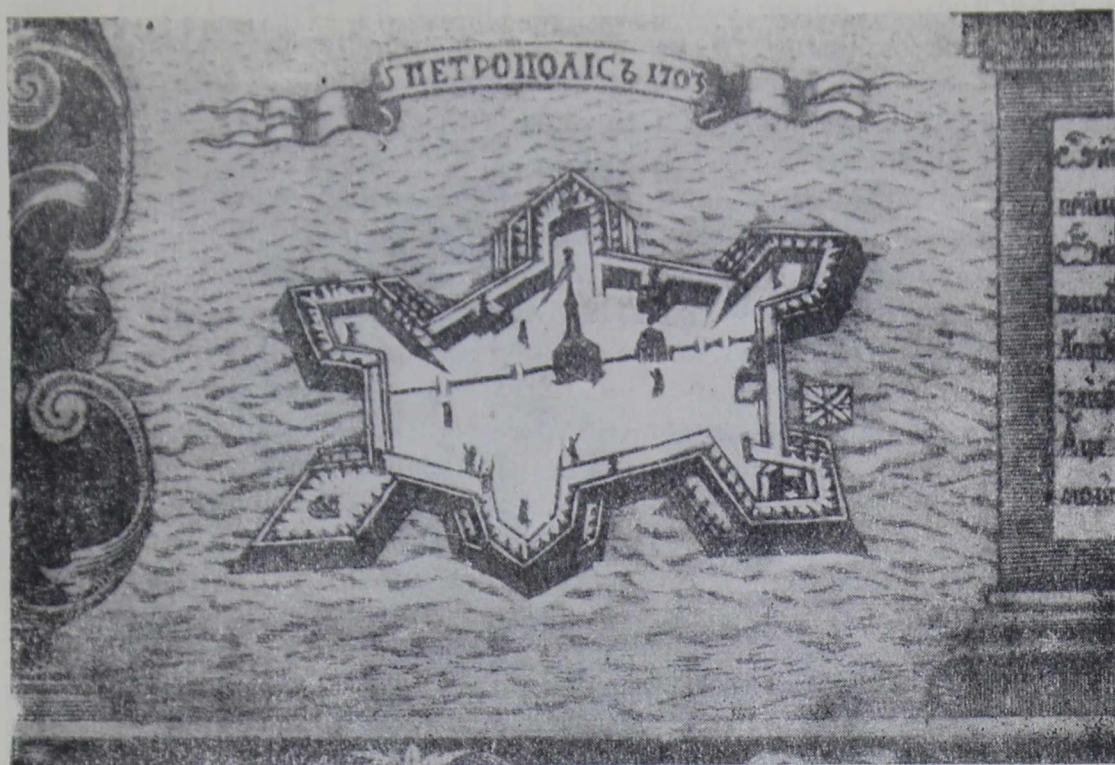

Основание Петербурга.

Бронзовый барельеф работы Карло Бартоломео Растрелли. Надпись: Petro-
polis Fund 1703. (Петербург основан в 1703 г.). Государственный Эрмитаж.
Галерея Петра Великого.

ведено прямое документальное свидетельство о времени наименования крепости. Ф. А. Головин, сопровождавший Петра в его походе на Неву, в письме от 25 июня 1703 г. писал П. Н. Готовцеву, который состоял в литовском войске при жмудском генеральном старосте князе Г. Огинском: «Войска великого государя стоят ныне в Ингрии и чинят непрестанные на отвращение неприятеля паники... И делают две крепости зело изрядные, чтоб неприятелю приступу к тому не было». А в письме от 16 июля Головин сообщал тому же Готовцеву: «Сей город новостроющийся назван в самый Петров день Петрополь, и уже онога едва не с половину состроили». Письма Головина не оставляют сомнения в дате наименования крепости, но в то же время они являются новым подтверждением того, что постройка крепости началась до 29 июня.

Крепость получила название Санкт-Питербурх, — так она названа в «Журнале», в «Книге Марсовой» и почти во всех документах, написанных или полученных в ней после 29 июня. Только в нескольких случаях встречается название Петрополь: письмо Петра Г. Огинскому от 16 июля помечено Петрополем, на проекте договора Петра с Августом II имеется скрепа Ф. А. Головина: «Статьи, которые посланы по указу великого государя 1703, июля в 16 день, от Петрополя», в письме князя Б. А. Голицына Петру от 17 августа Петербург называется Питерпол да в только что приведенном письме Головина Готовцеву сообщается, что крепость названа Петрополь. На гравюре «Новый способ арифметики, феорики или зрительные» (Москва, 1705) было воспроизведено изображение крепости с надписью над ним: «S. Петрополисъ, 1703». Надо думать, что название Петрополь никогда не носило официального характера и бытовало лишь короткое время. Нет оснований предполагать, что Петр когда-либо серьезно задумывался над возможностью назвать новую крепость Петрополем. Переименование им Нотебурга, Ниеншанца, Ям на голландский манер заставляет думать, что для вновь построенной крепости он не имел причин сделать исключение и назвать ее не по-голландски, а греко-византийским названием, заимствованным с языка, всегда остававшегося чуждым Петру. Мысль о названии крепости именем того святого, в честь которого получил свое имя Петр, была для Петра не новой. Еще в 1697 г. Петр назначил боярина А. С. Шеина командовать войсками, отправляемыми в Азов. Ему было поручено построить на северной стороне Дона против Азова крепость, которая стала называться крепостью святого Петра. Через шесть лет опыт был повторен, и основанная на берегах Невы крепость получила такое же название, но только не по-русски, а по-голландски, что не может вызывать удивления после путешествия Петра за границу.

Петрополис.

Деталь гравюры на меди „Новый способ арифметики, феорики или зрительные“ Ф. Никитина, 1705 г. Первое гравированное изображение Петербурга. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

Как было сказано, Петр даже после успеха, одержанного на взморье над шведами, не мог быть уверен в том, что Нумерс не попытается атаковать русских на берегах Невы. Одним из средств защиты против этого и должна была стать новая крепость. Но ее постройкой вполне надежная оборона на Неве еще не обеспечивалась. У Петра совсем не было флота, который мог бы отразить шведское нападение. Поэтому Петр поторопился уехать в Лодейное Поле, где еще в феврале 1703 г. была основана кораблестроительная верфь. 11 мая Петр отправился из Шлотбурга к Шлиссельбургу и 17 мая был в Лодейном Поле, как это явствует из записей «Журнала бомбардирской роты», опубликованного Н. Г. Устряловым. Оставался Петр там очень недолго: 20 мая он уже был снова в Шлотбурге. Сведений о том, что делал Петр в Лодейном Поле, в нашем распоряжении нет. Надо полагать, что он ограничился лишь общим осмотром верфи, на которой работы еще не успели развернуться, и отдал некоторые необходимые распоряжения, оставляя более активное участие в руководстве кораблестроительными работами на будущее время, когда исчезнет угроза нападения Кроншорта и будет налажена постройка крепости. Этим, вероятно,

и объясняется скорое возвращение Петра на Неву. Таким образом, закладка крепости произошла в отсутствие Петра, что вполне объяснимо, если принять во внимание напряженную обстановку, создавшуюся на Неве и требовавшую принятия быстрых мер.

Работы по постройке крепости начались с быстротой, подсказывавшейся обстоятельствами, при которых она была заложена. К работам привлечены были в первую очередь солдаты, находившиеся в лагере под Шлотбургом. Их было около 15 тысяч человек. Вероятно, все они, исключая тех, которых невозможно было отпустить по условиям жизни военного лагеря, были направлены на земляные работы. Но, конечно, одними солдатами, собранными Петром для замышляемых им активных военных действий, ограничиться было невозможно. Поэтому сразу же пришлось принять меры к обеспечению постройки крепости рабочей силой. Для этой цели была использована часть рабочих, занятых укреплением Шлиссельбурга, куда набирали людей по земскому наряду 6 февраля 1703 г. Кроме того, к постройке были привлечены рабочие и из других мест. 25 июля 1703 г. А. Д. Меншиков, назначенный петербургским губернатором, писал Петру: «Городовое дело управляется как надлежит. Работные люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибавляются. Чаем, милостью божьей, что то предреченное дело будет пред поспешествовать. Только то бедно, что здесь солнце зело высоко ходит». Количество людей, занятых на постройке крепости, официальный источник определяет в 20 тысяч человек. В «Ведомостях» от 4 октября 1703 г. было напечатано: «Его царское величество по взятии Шлотбурга в одной миле оттуда ближе к восточному морю на острове новую и зело удобную крепость построить велел, в ней же есть 6 бастионов, где работали 20 тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на свое государское именование прозванием Петербургом обновити указал».

Работы велись с большим напряжением. Г. И. Головкин писал Петру из Петербурга 17 августа 1703 г.: «Городовое дело строится истинно с великим прилежанием». О результатах этого «великого прилежания» можно судить по приведенному выше письму Головина Готовцеву, в котором тот сообщал, что к 16 июля крепость возведена почти наполовину.

В своем первоначальном виде крепость была выстроена в виде земляных верков, имевших форму шестиугольника с шестью бастионами. За постройкой их наблюдали: сам Петр, князь Ю. Ю. Трубецкой, А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин, К. А. Нарышкин, Н. М. Зотов. Впоследствии, когда были возведены каменные бастионы, они стали называться по именам лиц, наблюдавших за их постройкой. Посередине крепости был прорыт сквозной канал для ослабления напора воды на верки при

А. Д. Меншиков.

Портрет работы Таннауэра, 20-е гг. XVIII в. Государственный Эрмитаж.
Галерея Петра Великого.

западных ветрах. По нему подвозились строительные материалы внутрь крепости.

Постройка крепости шла успешно. Петр находился на Неве с конца мая до начала осени, и одно его присутствие обеспечивало быстрые темпы работы. Возведение ее наполовину в течение двух месяцев могло удовлетворить самым высоким требованиям и Петр получал возможность теперь заняться подготовкой операции против Кроншорта, присутствие которого вблизи Невы не могло не причинять ему беспокойства. Когда Кроншорт сам перешел к активным действиям и приблизился к Неве, став у реки Сестры, Петр решил нанести ему давно задуманный удар.

7 июля Петр выступил к мосту на реке Сестре с отрядом, состоявшим из двух пехотных и четырех конных полков общей численностью до 8 тысяч человек. На следующий день утром драгунский полк под командованием полковника Рене атаковал мост и, несмотря на жестокий огонь 13 неприятельских пушек, овладел мостом и переправой. Вслед за драгунами на противоположный берег Сестры перебрались и остальные русские полки. Кроншорт начал отступать. Дорога, по которой шли отступавшие, была настолько узка, что русские не могли развернуть фронт. Только через две версты показалось открытое место, на котором произошел бой. Теснимый русскими, неприятель в беспорядке кинулся к лесу, в котором много шведских солдат было зарублено. Потери шведов достигали 1 тысячи человек, с нашей стороны было около 150 убитых и раненых. Петр, находившийся во время сражения с Кроншортом на линии огня и сам предводительствовавший войском, придавал, повидимому, большое значение одержанному им успеху. Он написал о победе над Кроншортом разным лицам около десятка писем и велел напечатать известие о ней в «Ведомостях». Кроншорт отступил к Выборгу, и Петр мог быть уверен, что на ближайшее время со стороны Финляндии шведы угрожать ему не будут.

Вернувшись на Неву, Петр пробыл здесь недолго. 24 июля он был уже в Лодейном Поле, где оставался до конца сентября. Теперь все внимание его было устремлено на быстрейшее завершение постройки флота. Пока он руководил этим делом в Лодейном Поле, работы над крепостью велись с прежним напряжением. Вскоре людям, строившим ее, пришлось испытать на себе все отрицательные стороны природных условий вновь осваиваемого края. В августе (точная дата отсутствует) 1703 г. князь Н. Репнин писал Петру: «Зело, государь, у нас жестокая погода с моря, и набивает в нашем месте, где я стою с полками, воды аж до самого моего станишку, и ночесь в Преображенском полку в полночь и у харчевников многих сонных людей и рухлядь их помочило. А жители здешние сказывают, что в нынешнем времени всегда то место заливают». В дальнейшем

борьба с наводнениями стала одной из важнейших задач строителей Петербурга. Другим важным событием в жизни военного лагеря на Неве был приход голландских торговых кораблей в августе 1703 г. Они пришли за лесом, ожидая увидеть здесь шведов, с которыми у них, повидимому, существовали коммерческие отношения. Убедившись, что место шведов заняли русские, голландцы не смутились и обратились с просьбой к находившемуся тогда при постройке крепости Меншикову позволить им нагрузить лесом 12 кораблей. Меншиков не мог не увидеть в этом посещении голландцами только что захваченных русскими мест события, таящего в себе широчайшие возможности. Ничто не могло доставить большей радости Петру, чем установление связей с европейскими государствами через Балтийское море.¹ Судьба ему благоприятствовала: еще никакого намека на город на Неве не было, еще даже постройка крепости не закончилась, а уже открывались возможности завязать торговые связи с голландцами. Меншиков предложил гостям войти в Неву, на что они, видимо, охотно соглашались, но этому воспротивился Нумерс, боявшийся, что русские захватят голландские корабли, вооружат их и используют против шведской эскадры. Голландцам пришлось уйти ни с чем, но начало связей было положено, и можно было рассчитывать на повторение визита при более благоприятных обстоятельствах. Долго ждать себя голландцы не заставили. В ноябре 1703 г. в Неву пришел голландский корабль, нагруженный солью и вином. Меншиков принял шкипера Выбеса весьма радушно и наградил его 500 золотых. Приход корабля Выбеса был отмечен в «Ведомостях» (15 декабря 1703 г.) как значительное событие.

Постройка крепости была к середине сентября закончена. Теперь отпадала всякая необходимость в укреплениях Шлотбурга, которые до времени сохранялись Петром. После окончания работ над новой крепостью и расквартирования в ней гарнизона сохранение Шлотбурга представляло немалую опасность. Никто не мог поручиться за то, что шведы не попытаются атаковать русских, и тогда никем не защищаемый Шлотбург легко перешел бы в их руки, что создало бы серьезную угрозу для войска Петра. Поэтому Петр отдал распоряжение разрушить укрепления Шлотбурга. В память того, что на этом месте находилась взятая русскими шведская крепость, Петр велел поставить четыре самых высоких мачтовых дерева.

---

¹ Голландский поверенный в делах в Москве фон дер Гульст писал своему правительству еще 23 мая 1703 г., что Петр назначил премию в 500 червонцев первому шкиперу, который из Голландии или из другого места приведет в Шлотбург корабль. 300 червонцев назначено шкиперу второго корабля и 100 — шкиперу третьего.

Во время пребывания Петра в Лодейном Поле там было заложено 6 фрегатов и 9 шняв (всего до конца 1703 г. на Олонецкой верфи состоялась закладка 43 кораблей различных типов). В Петербург Петр вернулся с одним фрегатом и 6 ластовыми судами, заложенными на верфи за несколько месяцев до того. Фрегат, на котором Петр пришел из Лодейного Поля, получил многозначительное наименование «Штандарт», «в тот образ, понеже тогда четвертое море присовокуплено», как отмечается в «Журнале» Петра. До того на царском флаге — штандарте — был изображен двуглавый орел, держащий в клювах и когтях карты трех принадлежавших России морей. Теперь к этим трем морям присоединилось четвертое. Новому символу Петр придавал, повидимому, большое значение. Гюйсен сообщает, что во время его пребывания в Петербурге в Петропавловской крепости по праздникам и торжественным дням на одном из бастионов подымается желтый флаг с орлом, держащим в когтях изображение четырех морей.¹

Присутствие на Неве только что спущенных на воду кораблей делало положение русских более устойчивым. Но имеющихся сил было все же недостаточно, чтобы атаковать эскадру Нумерса, продолжавшую стоять на взморье и запиравшую вход в Неву. Поэтому Петр не предпринимал никаких активных действий против Нумерса и выжидал дальнейших событий. В начале октября 1703 г. Нумерс снялся с якоря и пошел на зимовку в Выборг. Этим тотчас же воспользовался Петр и на яхте вышел на взморье для поисков места сооружения морской крепости с целью преградить неприятельским кораблям вход в Неву. Остров Котлин являлся наиболее подходящим для этого местом, созданным самой природой. Но в короткий срок (нужно было опасаться того, что весной шведы снова попытаются проникнуть в Неву) укрепить остров так, чтобы весь южный фарватер находился под обстрелом русских батарей, было невозможно. Поэтому Петр ограничился на первое время возведением на мели около острова двухэтажного форта. Наменив место для этого и отдав распоряжения по поводу подготовительных работ, он вернулся обратно к Неве, а оттуда направился в Воронеж. Из Воронежа Петр прислал Меншикову, которому поручалось главное наблюдение за строительством Петербургской и новой морской крепостей, модель форта. В качестве фундамента соорудили огромный деревянный ящик и опустили его на дно в том месте, где кончалась мель, идущая от

¹ По предположению П. Н. Петрова, Гюйсен (воспитатель Алексея Петровича) был автором книжки, вышедшей в Лейпциге в 1713 г. под названием: „Точное описание новопостроенных его царским величеством Петром Алексеевичем у большой реки Невы и Балтийского моря крепости и города С.-Петербурга...“ Книжка эта в 1860 г. издана в русском переводе под названием: „Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах“.

южного берега Финского залива к Котлину. На фундаменте возвышалась деревянная башня, на которой должны были быть поставлены пушки. Вместе с тем на мысе Котлина, лежащем против вновь построенного сооружения, была возведена деревянная батарея. Таким путем южный фарватер замыкался с обеих сторон и становился весьма трудно проходимым для шведского флота: орудия форта и котлинской батареи простреливали его насквозь. Работы по возведению форта продолжались в течение всей зимы. К весне 1704 г. они закончились. На форту была установлена артиллерия, и 7 мая в присутствии Петра произошло торжественное освящение новой морской крепости, названной Кроншлотом. Значение ее для защиты входа в Неву было очень велико. Недаром же Петр в инструкции коменданту Кроншлота от 3 мая 1704 г. писал: «Содержать сию цитадель с божьей помощью, аще случится, хотя до последнего человека... Зело надлежит стеречься неприятельских брандеров. При приближении к крепости нейтральных кораблей давать по ним предупредительный выстрел, чтобы опустили паруса и бросили якорь; в случае неповиновения открывать огонь».

Итак, к маю 1704 г., т. е. через год после закладки крепости на острове Луст-Эланде, самые важные и срочные мероприятия по защите Невы и очищению от неприятеля ее окрестностей были закончены. Все они еще далеко не обеспечивали полной неуязвимости вновь приобретенных мест, и впереди предстояла еще очень серьезная борьба за них. Кроме того, война со шведами велась и на других театрах, и исход ее определялся успехами русской армии не только в Ингерманландии. Но после окончания постройки крепости, победы над Кронортом и постройки Кроншлота Петр мог почувствовать себя значительно увереннее. Естественно было обратиться к мысли об осуществлении планов гораздо более широких, чем постройка на одном из невских островов небольшой по размерам крепости, не имевшей никакого иного значения, кроме чисто военного. Иными словами, Петр теперь не мог не задуматься над расширением начатого им строительства до размеров, соответствовавших его замыслам.

Известные до сих пор источники не дают материала для разрешения вопроса о том, в какой хронологической и логической связи находилось первоначальное строительство крепости и города. Но это относится только к первому году строительства. Уже во второй половине 1704 г. для Петра было совершенно ясно, что Нева станет местом основания не только нового города и порта, но даже новой столицы. Об этом неопровержимо свидетельствует письмо Петра Меншикову от 28 сентября 1704 г. с Олонецкой верфи. Петр писал: «Мы чаем кончае во втором или третьем числе будущего месяца отсель

поехать и чаем, аще бог изволит, в три дни или четыре быть в столицу (Питербурх)». С уверенностью можно сказать, что мысль о новой столице зародилась у Петра раньше даты письма Меншикову, — самая форма высказывания убеждает в этом. Таким образом, не позднее лета 1704 г. роль Петербурга определялась с полной ясностью. Это обстоятельство не могло не отразиться на планах строительства города и на целом ряде подробностей, связанных с его первоначальной историей. Вместе с тем оно побудило Петра, может быть, с еще большей энергией взяться за дело обеспечения безопасности нового города, над которым продолжала висеть серьезная угроза.

Тотчас же после освящения Кроншлота Петр начал собираться в поход на Кексгольм, где были сосредоточены крупные шведские силы. Войско русских было разделено на отдельные отряды, последовательно выходившие из Петербурга. 19 мая 1704 г. последними ушли Преображенский и Семеновский полки под командованием самого Петра. Но едва прошел Петр пять верст, как к нему явился нарочный от П. М. Апраксина, находившегося в устье Наровы, с извещением, что на море показались значительные морские силы противника, а в Нарве ждут Шлиппенбаха. Вместе с тем Апраксин сообщал, что сил у него мало. Петр немедленно же отказался от намерения идти на Кексгольм и со всем выступившим из Петербурга войском направился к Нарве. В Петербурге командующим остался Р. В. Брюс с шестью полками пехоты и с нерегулярной конницей. Вскоре после ухода Петра под Нарву Брюс послал по Выборгской дороге конный отряд для разведывания сил противника. На реке Сестре отряд обнаружил 8 тысяч шведов под командованием генерал-поручика Майделя. Отбившись от шведов, отряд прискакал в Петербург с известием, что за ним идут шведы. Брюс принял срочные меры к защите Петербурга. В ту же ночь (на 12 июля) он возвел укрепления на Березовом острове у берега Невы, поставил на них орудия и сосредоточил на Большой Неве весь имевшийся в Петербурге флот. Утром 12 июля Майдель приблизился к Неве против того места, где были ночью возведены укрепления. На начатый им обстрел русские ствечали дружным огнем с батарей и судов. После четырехчасовой артиллерийской дуэли Майдель отступил и занял позиции за рекой Сестрой. Брюс мог считать, что непосредственная опасность для города, защищаемого очень незначительными силами его, миновала.

Но дело осложнилось тем, что одновременно с сухопутными силами на Петербург начал наступление шведский флот. 12 июля в виду Котлина сосредоточилась неприятельская эскадра, состоявшая из 40 больших кораблей. От нее отделилось до полусотни лодок для высадки десанта на Котлине. Русские имели здесь небольшой отряд. Он настолько энергично защищался,

что шведы вынуждены были повернуть обратно, ничего не добившись. После этого они пытались атаковать Кроншлот. Двое суток продолжалась бомбардировка форта, не причинившая ему никакого ущерба. После и этой неудачи шведская эскадра удалилась.

Отряд Майделя, пробыв некоторое время около реки Сестры, в первых числах августа снова двинулся к Петербургу и расположился недалеко от развалин Ниеншанца. Здесь Майдель начал приготовления к переправе через Охту, очевидным образом готовясь к нападению на Петербург. 6 августа Брюс получил от него письмо с предложением сдать Петербург. В случае отказа Майдель грозил взять его силой. Брюс тотчас же ответил Майделю письмом, в котором с ядовитой вежливостью писал: «Зело мне дивно, что господин генерал-поручик мне предлагает иже от моего всемилостивейшего государя и царя приказанную мне крепость Санкт-Питербурх вдобре уступить. Тако да позволит господин генерал-поручик в своей земле лежащие крепости и места отойтить, такое искание получитьи и впредь таким писанием ко мне и прочим меня да пощадит. Напоследи, како господин генерал-поручик позволит вышеупомянутые воинские промыслы у крепости Санкт-Питербурха употреблятьи. При том же обнадеживаю, что благоприят будешь». Майдель недолго раздумывал над тем, как ему поступить после столь выразительного ответа. В ночь на 9 августа он отступил по дороге на Кексгольм и в 1704 г. больше уже не возобновлял своих попыток наступать на Петербург.

Осень и зима 1704 г. прошли для Петербурга относительно спокойно. Петр, учитывая опыт минувшего лета, поторопился перевести в Петербург еще до закрытия навигации построенные на Олонецкой верфи корабли. Летом 1704 г. было построено и вооружено свыше 40 судов, из которых большинство было мелкими. В октябре они вышли из Лодейного Поля и после двух недель тяжелого плавания при морозе и противном ветре прибыли в Петербург. Отдаленность Олонецкой верфи от Петербурга и трудные условия проводки кораблей по Ладожскому озеру и Неве побудили Петра к постройке кораблестроительной верфи в самом Петербурге. С этой целью 5 ноября 1704 г. начались работы по возведению на левом берегу Невы (на месте нынешнего Адмиралтейства) Адмиралтейской верфи. Адмиралтейство должно было служить не только своему прямому назначению, т. е. быть местом постройки судов, но и явиться новым пунктом обороны Петербурга. Поэтому оно было построено как крепость и в течение всего XVIII в. выполняло функции крепости. Зимой 1704—1705 гг. велись подготовительные работы по возведению новой крепости. Развернулись они лишь летом и осенью 1705 г.

Убедившись в хорошо организованной обороне Петербурга,

шведы перестали нападать на него теми незначительными силами, которые имелись в их распоряжении. Очевидно, хмель нарвской победы над русскими долгое время не мог рассеяться, и шведы все еще недооценивали способности русских к сопротивлению. Неудачи 1704 г. могли их многому научить, и к кампании 1705 г. они подготовились более тщательно. Действиям шведов, предпринятым летом 1705 г., предшествовала попытка Майделя в январе 1705 г. овладеть Котлином, еще раз убедившая шведское командование в необходимости более серьезной подготовки к борьбе за Неву. Отряд численностью в тысячу человек был послан Майделем к Котлину. Перебираясь с финляндского берега через замерзший пролив, отряд сбился с дороги и в поисках ее дал себя обнаружить русским. Приготовившись к защите, русские отразили нападение, и шведы должны были уйти.

Собранный в Петербурге еще осенью 1704 г. русский флот к весне 1705 г. занял место между Кроншлотом и Котлином, закрывая собой фарватер. На Котлинской косе были высажены пехотные полки Толбухина и Островского с двумя пушками. Утром 4 июня разведывательные русские корабли обнаружили приближение крупных шведских сил в составе 22 вымпелов под командованием адмирала Анкерштерна. Как впоследствии показали пленные шведы, Анкерштерн предполагал прорваться мимо Кроншлота на Неву и атаковать Петербург. Одновременно с ним Майдель с 10-тысячным отрядом должен был совершить нападение на город с суши. Рассчитывая на превосходство своих сил, шведы были настолько уверены в победе, что Анкерштерн и Майдель назначили встречу друг с другом в Петербурге. Вице-адмиралу К. Крюйс, командовавшему всеми морскими и сухопутными русскими силами, собранными у Кроншлота и на Котлине, предстояла нелегкая задача воспрепятствовать попыткам шведов войти в Неву. Брюс должен был отразить нападение Майделя. 4 июня шесть неприятельских кораблей подошли к Кроншлоту, но, встретив сильный огонь русских, повернули обратно. На следующий день военные действия шведов начались с попытки высадить десант на Котлине. Направившись к месту расположения полка Толбухина, шведы стали высаживаться на берегу. Толбухин приказал своим людям залечь и, не выдавая своего присутствия, подпустить неприятеля на близкое расстояние. Внезапно открытый им огонь из ружей и пушек привел шведов в смятение, и они бросились назад, оставляя убитых и пленных. Неудачная попытка высадиться на Котлин заставила шведов в этот день больше не предпринимать никаких боевых действий. 6 июня неприятельская эскадра обстреляла русские корабли и Кроншлот, не причинив никакого ущерба. После этого до 10 июня шведы бездействовали. За это время Крюйс получил от Брюса

подкрепления артиллерией и кораблями и приготовился к отражению новых атак шведов, в неизбежности которых он был уверен. 10 июня шведы снова подошли к линии нашего флота и открыли по нему сильный огонь. Но, как и раньше, он был весьма мало эффективен. В то же время Крюйс предпринял контратаку силами галерного флота, причинившую шведам значительный урон. Шведская эскадра вынуждена была отойти на исходные позиции. В последующие дни шведы несколько раз пытались атаковать русские корабли и укрепления Котлина, но постоянно терпели неудачу.

Столь же безрезультатны были попытки Майделя захватить Петербург с суши. Стойкая защита русских кораблей и Кроншлота от нападений эскадры Анкерштерна удержала в первое время Майделя от наступательных действий. Лишь 19 июня он приблизился к Неве и стал от нее на расстоянии пяти верст. Брюс уже заранее приготовился к защите, возведя оборонительную линию по берегу Малой Невки почти до взморья и поставив особый отряд на левом берегу Невы против Ниеншанца. 23 июня шведы переправились через Большую Невку на остров Кивисаари (Каменный), но к утру следующего дня вынуждены были его покинуть после ожесточенного орудийного и ружейного огня русских. Оттуда Майдель перешел к Ниеншанцу, в котором оставил часть своего отряда, а сам двинулся по направлению к Шлиссельбургу. Под Ниеншанцем произошел бой, кончившийся неудачно для шведов. Успешнее были действия Майделя. Он в 12 верстах от Шлиссельбурга переправился на левый берег Невы и начал возводить на месте переправы укрепления. Брюс двинул против Майделя все имевшиеся в его распоряжении войска, усиленные резервами из Котлина. Одновременно принимались меры к тому, чтобы не допустить Майделя двигаться в глубь страны в южном и восточном направлениях. Но до этого дело и не дошло: войска Брюса атаквали шведов у места переправы, отбросили их на правую сторону Невы и здесь нанесли им решительное поражение. Майдель после этого ушел к Шлиссельбургу и пытался его атаковать, но потерпел неудачу. Убедившись в своей бессилии взять Петербург либо прямым ударом, либо обойти его, он отправил свою пехоту в распоряжение Анкерштерна, а сам с оставшейся у него частью войска отступил к Выборгу и в течение всего 1705 г. не показывался под Петербургом.

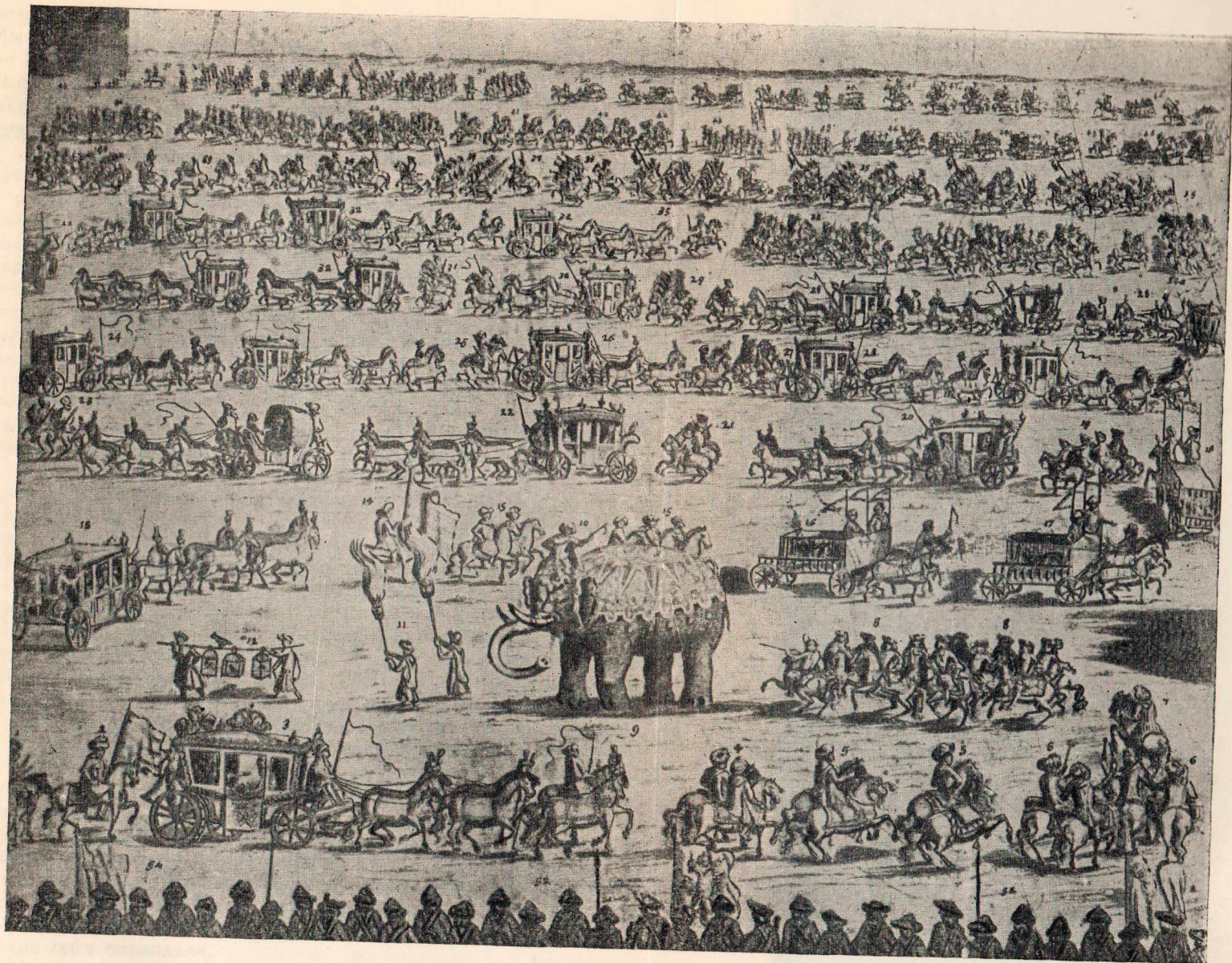
В противоположность Майделю, Анкерштерн отнюдь не расстался с мыслью нанести удар русским у Котлина. Отойдя к Бьёрке и став там на якорь, он стал готовиться к новому нападению. Крюйс, зная о приготовлениях противника, принимал энергичные меры к защите. 14 июля 1705 г. 20 шведских кораблей подошли к Котлину с севера и с юга и начали

обстрел его батарей. Русские отвечали сильным огнем, заставившим шведов отступить на некоторое расстояние. Однако шведы приблизились снова, выслали мелкие суда с десантом, предполагая высадить его на северной стороне Котлина. Дойдя до начала отмели у острова, шведы вошли в воду и бросились к берегу. Не зная, что отмель у самого острова кончается, они попали на глубокое место и стали тонуть. В то же время с Котлина их обстреливали картечью и ружейным огнем. Потерпев сильный урон, шведы повернули назад, с трудом добрались до лодок и быстро поплыли к своим кораблям. Эта попытка овладеть Котлином обошлась им в 600 человек убитыми, пленными и ранеными. На следующий день Анкерштерн снова подошел к Котлину, но, встреченный сильным огнем с батарей, быстро удался. Шведская эскадра до осени находилась в виду Котлина, но ни на какие активные действия более не отваживалась.

Боевые действия у Котлина летом 1705 г., обнаружившие силу русской обороны, были по справедливости расценены Петром как крупный успех. В Амстердаме был издан план морского сражения в 1705 г. у Котлина с надписью и пояснениями на голландском языке. Можно не сомневаться в том, что это издание было делом рук Петра, ибо вряд ли могли голландцы задаваться целью популяризировать русские успехи. В тексте, сопровождавшем план сражения, было сказано, что шведы поставили своей задачей овладеть Котлином, разрушить Кроншлот и уничтожить русский флот. Для этого они три раза безуспешно атаковали русских и дважды пытались высадить десант, но оба раза были отбиты с большими для них потерями. Петр не мог не использовать столь большую удачу русских, как отражение нападения шведов, предпринятого ими при безусловном количественном и качественном превосходстве. Показать Европе растущую мощь русской военной силы путем опубликования документа, бесспорного в своей убедительности, было столь важно, что Петр не мог пренебречь этой возможностью.

К осени 1705 г. было почти закончено строительство Адмиралтейской верфи и крепости. Обширное пространство длиной в 120 и шириною в 61 сажень, отделенное от земли Адмиралтейского острова каналом, было застроено эллингами, мастерскими, амбарами и другими зданиями, предназначенными для кораблестроения. Три береговые стороны Адмиралтейства окружал вал с пятью бастionsами, перед которым был вырыт сухой ров и поставлены палисады. Когда из-под Котлина осенью 1705 г. флот пришел на зимовку в Петербург, с кораблей сняли до ста пушек и установили на валу, а все Адмиралтейство обнесли кругом рогатками. Петербург усилился еще одной крепостью. Укрепления ее значительно уступали по своей

Торжественный въезд в Петербург персидского посла.
Гравюра 1714 г. Собрание Музея истории и развития Ленинграда

мощности Петропавловской крепости, но в то же время они были вполне достаточными, чтобы защищать Петербург от мелких отрядов противника, если бы он пытался наступать с левого берега Невы, возможность чего после летней переправы Майделя через Неву была вполне реальной.

Действия шведов на суше и на море летом 1705 г. свидетельствовали, что они не перестают думать об отвоевании у русских Невы и Петербурга. Каков будет дальнейший ход войны, куда переместится главнейший ее театр, этого Петр знать, конечно, не мог. Но что Петербург надо продолжать укреплять, дабы он никогда не мог оказаться в руках неприятеля, это Петру было ясно. Поэтому он весной 1706 г. начинает строительство каменных бастионов Петропавловской крепости. 3 мая состоялась закладка Меншиковского бастиона, проведенная в весьма торжественной обстановке. Это положило начало возведению каменной крепости, растянувшегося на очень долгое время — вплоть до 1740 г. Надо полагать, что причиной такой неторопливости было исчезновение угрозы шведского нападения с суши, выяснившееся в ближайшие 2—3 года, и значительное ослабление шведской морской опасности после перехода Балтийского флота от обороны к нападению, что произошло в скором времени. Перестройка крепости сводилась к возведению каменных эскарпов, каменных же казарм, жилых помещений, пороховых погребов. Вместе с тем бастионы были подняты на бóльшую высоту и расположение верхов несколько изменено. Ко времени приезда Гюйсена в Петербург, т. е. к 1710 г., работы по перестройке крепости уже настолько подвинулись, что он мог отметить нынешнее «удивительное» состояние ее. В 1707 г. началась постройка кронверка по другую сторону протока, отделяющего крепость от соседнего с ней острова (будущей Петербургской стороны). К августу 1708 г. были насыпаны валы кронверка и построены блиндажи. Около 80 пушек стояло на бастионах. Одновременно с работами по перестройке Петропавловской крепости производилось укрепление Котлина. На нем были возведены постоянные сооружения, заменившие собою ранее существовавшие временные. В их числе была крепость св. Александра, построенная по проекту Крюйса на косе острова. Котлинские укрепления, предназначенные «для воспрепятствования учинению на сей остров десантов», как показало ближайшее будущее, вполне себя оправдали.

Неудачные действия шведского флота в 1705 г. и меры, непрерывно принимавшиеся Петром к усилению русских морских сил, заставили командование шведов соблюдать осторожность. В 1706 г. неприятельские корабли не решились ни на один сколько-нибудь рискованный шаг, хотя они и держались

в виду Котлина. Поведение их было столь скромным, что даже очень сдержанный Крюйс не без гордости писал Петру в декабре 1706 г.: «... Неприятели в 1705 г., будучи в довольном уведомлении, имели себе намерок вашего царского величества морскую флоту разорить, которое чрез помощь Божию им не удалось. А в нынешнем 1706 г. знатно, что они довольно уведомлены о добром уставе и готовности, тако ж что вашего царского величества флоты прибыло против 1705 г. И видя они, что вашего царского величества корабли прежде их в готовности при Кроншлоте стоят в таком добром определении, их неприятельские мысли единожды исчезли, что они не посмели приступить чинить». Столь же пассивно вел себя шведский флот и в 1707 г. Крюйс, никогда не действовавший опрометчиво, чувствовал себя настолько уверенно, что летом 1707 г. несколько раз выходил в крейсерство к берегам Финляндии. Нападать на шведов он еще не решался, но все же считал возможным более не отсиживаться за укреплениями Кроншлота и Котлина.

В 1706 г. Карл XII предпринял поход в Саксонию, где он рассчитывал закончить слишком затянувшуюся борьбу с Августом II. Этот поход удалял на далекое расстояние от Ингерманландии главные шведские силы. Петр воспользовался этим для проведения операции, необходимость которой была совершенно ясна и раньше, но которая откладывалась из-за близости главных сил шведов к Неве, что требовало постоянного присутствия здесь значительной армии. Речь идет о походе на Выборг. Крепость эта являлась опорным пунктом шведов во всех их действиях против Петербурга, и овладение ею было совершенно необходимым шагом к обеспечению безопасности города. Узнав о походе Карла XII в Саксонию, Петр тотчас же послал Брюсу приказание, «дабы он артиллерию и прочую препаарацию к Выборгскому походу готовил», как было сказано в «Журнале» Петра. Вместе с тем к Петербургу стягивались войска, составившие к началу похода армию численностью в 20 тысяч человек. 4 октября эта армия, предводительствуемая самим Петром, вышла из Петербурга. 12 октября она подошла к укреплениям Выборга и здесь до 27 октября простояла почти в полном бездействии из-за отсутствия артиллерии, еще не подвезенной из Петербурга. Две недели стояния под Выборгом убедили Петра в невозможности взять крепость без помощи флота, и он начал склоняться к мысли об уходе. Когда же пришло известие, что артиллерия не может быть доставлена вследствие падежа лошадей и распутицы, решение об отступлении было принято окончательно. 4 ноября Петр был уже в Петербурге.

Неудача Выборгского похода была не единственной из числа постигших Петра в 1706 г. В декабре, находясь на пути

из Петербурга в Нарву, Петр получил сообщение о мире между Августом II и Карлом XII, заключенном в Альтранштадте 13 октября 1706 г. Август II отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского и разрывал союз с Петром. Теперь России предстояло воевать с Швецией один на один. Эта перспектива настолько встревожила Петра, что он обратился к посредничеству европейских держав для переговоров о мире с Карлом XII. Петр готов был идти на значительные уступки, однако до очень точно и определенно указанного им предела. Когда Гюйсен в числе других дипломатических агентов Петра, посланных в европейские столицы, ехал в 1707 г. в Вену, ему была дана инструкция. В ней говорилось, что шведам в крайнем случае можно отдать Дерпт и Нарву, но «о Питербурхе всеми мерами искать удержать за что-нибудь, а о отдаче оногo ниже в мысли иметь». Совершенно понятна непримиримость Петра в вопросе о Петербурге: уступка его шведам обесмысливала все дело, начатое Петром и стоившее стране громадных жертв. Карл XII, понимая значение утверждения России на Неве, требовал отдачи всех без исключения завоеванных русскими земель и заявлял, что он скорее пожертвует последним жителем своего государства, чем согласится оставить Петербург в руках России. На этом пункте переговоры сорвались, и война продолжалась.

Карл XII не торопился, однако, переходить к активным военным действиям против Петра. Только в 1708 г. шведская армия начала свой поход в Россию. Петр воспользовался этим временем для ряда оборонительных мероприятий, предпринятых им на весьма широком пространстве — от Балтийского моря до Украины, так как никто не мог знать, какое направление изберет Карл XII в своем движении на Россию. В отношении Ингерманландии были приняты следующие меры. Ей угрожали войска Левенгаупта, расположенные у Риги, и сильный отряд Либекера, стоявший в окрестностях Выборга (Либекер заменил незадачливого Майделя). Петр распорядился о стягивании сил к Пскову, Новгороду, Дерпту, о снабжении их припасами, о посылке отдельных отрядов для «разорения» Эстляндии и Лифляндии. На финляндскую границу Ингерманландии были посланы конные отряды для несения сторожевой службы; армия, стоявшая на Неве, усилена, флот пополнился десятками новых судов. Главное командование всеми сухопутными и морскими силами в Ингерманландии принадлежало Ф. М. Апраксину. Продолжающаяся пассивность шведов давала возможность русским совершать довольно смелые морские и сухопутные рекогносцировки, во время которых они доходили до Выборга и Борго. Главные силы той и другой стороны оставались пока в бездействии.

1 августа 1708 г. Либекер выступил из Выборга к Петербургу. 22 августа он перешел реку Сестру и 27 августа остановился в окрестностях села Колтуши. В тот же день у Котлина появился шведский флот в составе 22 кораблей. Через несколько дней шведы, двигаясь от Колтушей на восток, вышли на Неву почти против места впадения в нее реки Тосны. Тотчас же они начали переправу на левый берег, помешать которой безуспешно старались русские. От Тосны Либекер начал движение к Дудеровой мызе. Апраксин, не рискуя выступить против Либекера в генеральном сражении (русские «в главный бой за малолюдством вступить опасались», — так было записано в «Журнале» Петра), ограничивался небольшими стычками, задерживавшими следование шведских войск. Скоро у Либекера обнаружился острый недостаток продовольствия, в связи с чем среди шведских солдат началось дезертирство. Оказавшийся еще более незадачливым, чем его предшественник, Либекер решил уходить из-под Петербурга, даже не попытавшись добиться какого-либо успеха. Пройдя еще дальше на запад, он в начале октября остановился недалеко от места впадения Луги в Финский залив. Здесь стоял шведский флот, находившийся под командованием Анкерштерна. Либекер просил разрешения шведского адмирала посадить своих людей на корабли. Анкерштерн согласился на это, но потребовал, чтобы обоз и лошади были оставлены. Перестреляв и переколов свыше 5 тысяч лошадей, шведы начали посадку на суда. Апраксин не дал им довести это дело до конца: он напал на оставшиеся не перевезенными пять батальонов неприятельской пехоты и разгромил их. Сильно поредевшие ряды войска Либекера, без обоза и лошадей, быстро покинули русский берег залива и высадились в Бьёрке. Так бесславно закончился еще один поход шведов на Петербург.

Но он оказался последним. Следующий год принес русским Полтавскую победу, резко изменившую весь ход войны и до самого ее конца удерживавшую шведов от попыток даже приблизиться к Петербургу. Петр с необычайной быстротой оценил значение Полтавской победы для судьбы Петербурга. В письме Апраксину от 27 июня 1709 г. он писал: «Ныне уже совершенно камень в основание Санктпитебурха положен с помощью божией», — а сообщая Ф. Ю. Ромодановскому о разгроме остатков шведской армии у Переволочной, он приписал такие строки: «...Ныне уже без сомнения желание вашего величества еже резиденцию вам иметь в Питербурхе, совершилось через сей упадок конечной неприятеля». Когда же в 1710 г. русскими войсками был взят Выборг, безопасность Петербурга можно было считать окончательно обеспеченной. Теперь перед Петром открывалась возможность без помехи продолжать строительство новой столицы, не прекращавшееся даже в самое

Адмирал Ф. М. Апраксин.
Портрет работы неизвестного художника XVIII в.
Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

опасное для нее время. Энергия, с которой Петр принялся за это дело, позволила Петербургу в скором времени занять выдающееся место среди городов Европы.

* * *

Мысль об основании новой столицы на берегах Невы была впервые высказана Петром осенью 1704 г. Имеющиеся материалы не дают возможности точнее определить время зарождения у Петра планов постройки около Петропавловской крепости города и превращения его в столицу. Вряд ли Петр мог думать о новом городе на Неве до того, как он сам побывал там, т. е. до апреля 1703 г. Следовательно, мысль о новой столице на только что отвоеванных от шведов местах возникла у Петра между апрелем 1703 г. и осенними месяцами 1704 г. Но если к этому времени должно быть отнесено зарождение мысли о превращении в столицу именно Петербурга, то идея о новой столице вообще, без точного представления о ее местоположении, должна была возникнуть у Петра гораздо раньше. Столь серьезный шаг, как перенесение столицы из Москвы в новое место, мог быть предпринят Петром в результате длительных и сложных соображений, вызванных обстоятельствами большой важности. Однако за короткий промежуток времени между апрелем 1703 г. и летом 1704 г. ни в Москве, ни в едва начинавшем строиться Петербурге не произошло ничего такого, что могло бы породить у Петра решение основать новую резиденцию. Не может быть сомнений в том, что это решение возникло у Петра не только до появления русских на Неве, но еще до начала самой войны. Следовательно, вопрос о превращении строившегося вокруг Петропавловской крепости города в столицу Российского государства должен быть рассмотрен в такой последовательности: 1) когда и отчего пришел Петр к мысли о необходимости перенесения столицы из Москвы? 2) какие обстоятельства заставили его избрать местом новой столицы Петербург?

Русские источники, могущие осветить поставленные вопросы, скудны. Ни в известных до сих пор официальных документах, ни в письмах Петра и его сотрудников, ни в русской мемуарной литературе эти вопросы почти не затронуты. Видимо, для Петра и его сотрудников вопрос о перенесении столицы из Москвы в другое место настолько назрел, что подвергать необходимость этого мероприятия обсуждению они не считали нужным и потому в своей официальной или частной переписке его не затрагивали. Если вокруг него рождались какие-либо сомнения в среде, лежащей вне круга деятелей петровского царствования, то они, повидимому, не казались настолько серьезными, чтобы вызвать появление какой-либо специальной литературы. Даже хорошо

известное резко враждебное отношение к Петербургу со стороны части народа не очень, видимо, тревожило Петра и почти не заставляло его заботиться о распространении в народе обращений, воззваний, проповедей и пр., т. е. литературы пропагандистского характера. Имеющиеся памятники этого рода весьма немногочисленны.

Иностранцы находились в ином положении. Для них перенесение столицы из Москвы в другое место было в значительной мере неожиданным. Они не могли, в силу своего недостаточного знакомства со страной, уловить тех причин этого события, которые Петру и его сотрудникам казались самоочевидными. Воображение их было поражено тем, что политическое значение Москвы перенесением столицы в Петербург сведено на нет, что «москвиты» перестают быть «московитами» и что самая «Московия» отходит в область прошлого, что в жизни Русского государства наступает какой-то новый этап, начало которого они не могли не усмотреть в возникновении на новых для России местах нового столичного города. Вот почему в иностранных источниках вопрос о Петербурге, как новой столице петровского государства, освещен несколько более полно, чем в русских.

Несомненно, что неприязненное отношение к Москве должно было впервые возникнуть у Петра в дни его юности. Хорошо известно, какое неизгладимое впечатление оставили в нем все перипетии длительной и полной драматизма борьбы с Софьей и ее окружением. Этого одного было достаточно, чтобы поселить в нем глубокую неприязнь к Москве. Но дело было не только в личном отношении Петра к Москве, продиктованном трагическими событиями его личной жизни. Москва являлась оплотом тех сил, которые противостояли реформаторским тенденциям молодого Петра, пока еще чуть намечавшимся, но имевшим все основания перерасти в серьезное политическое событие. Это обстоятельство могло только увеличить антипатию Петра к Москве и укрепить в нем намерение лишить ее того политического значения, которое она имела в качестве столицы государства.

Страсть Петра к морю, несомненно, сыграла свою роль в его решении расстаться с Москвой. Конечно, и здесь дело было не только и не столько в личном пристрастии его к водной стихии, но и в понимании необходимости превращения страны в морскую державу.¹ Для достижения этого наиболее эффективным средством была не просто постройка одного или нескольких морских портов, осуществляющих экономические и военные функции, но и превращение какого-то из них в сто-

¹ В предисловии к Морскому регламенту, в котором Петр объяснял мотивы своего первого путешествия за границу, он писал, что «всю мысль свою уклонил для строения флота».

Панорама

Гравюра на меди

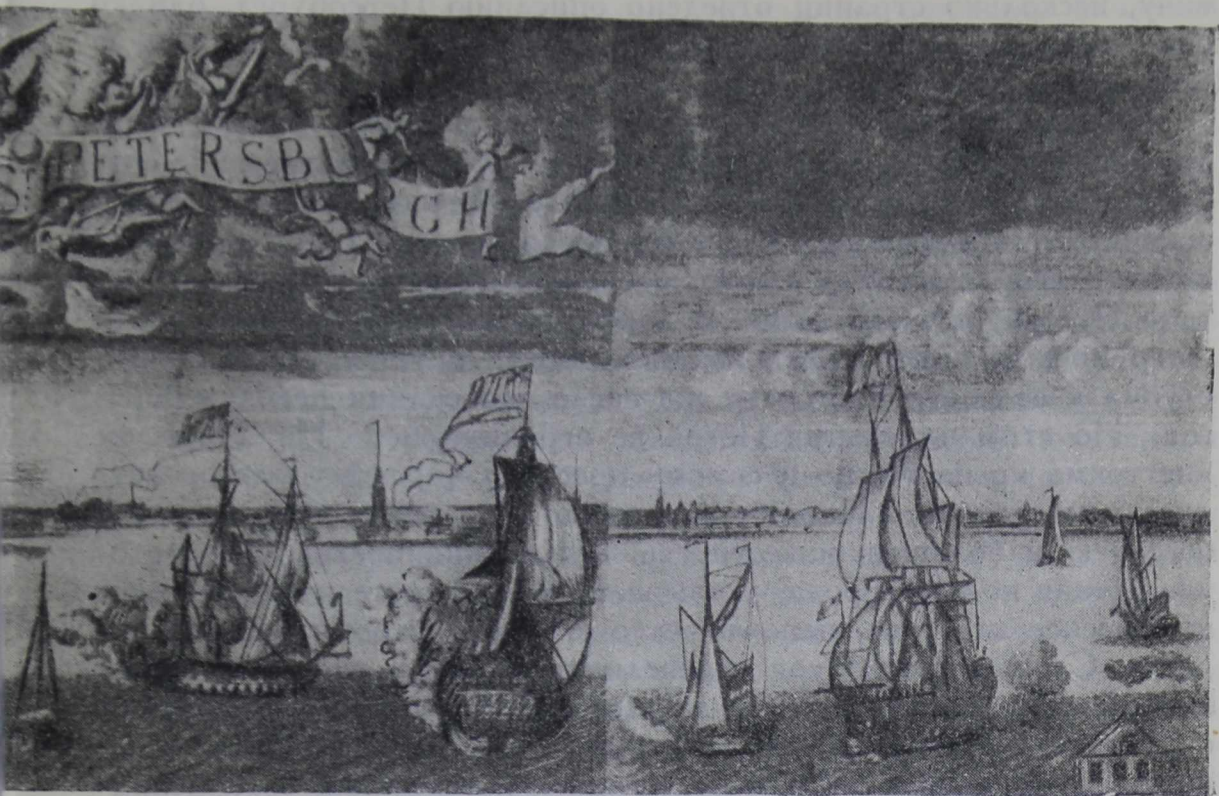
Изображен Петропавловская крепость, часть Васильевского острова и

лицу. Так, не только прибавлялся еще один довод в пользу уничтожения Москвы как столицы, но и заранее определялось место новой царской резиденции, — она должна быть расположена у моря.¹

Перенесение столицы на берега Невы позволяло Петру более удачно разрешить задачу укрепления авторитета России в Европе, чем он мог бы это сделать, оставаясь в Москве. Возникновение новой столицы у моря делало более легким общение всей страны с европейскими государствами, а ее правительство получало возможность более быстро и решительно воздействовать на ход дел в Европе. Не надо забывать при этом, что Петербург с первых же лет своего существования стал не только столицей, расположенной вблизи моря, но и военно-морской гаванью. Балтийский флот всегда мог явиться и в действительности являлся

---

¹ В известном „Историческом, географическом и топографическом описании Санктпетербурга“ Богданова-Рубана (СПб., 1779) в главе „О начале царствующего Санктпетербурга и в первых: для чего он построен и царствующим градом наименован“ автор в числе причин, разъясняющих поставленный им в заголовке вопрос, на первое место ставит стремление Петра к созданию военно-морского флота.

Петербурга.

А. Зубова, 1716 г.

Петербургской стороны. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

весьма веским аргументом в пользу решения некоторых европейских проблем в желательном для России духе.

В «Описании» Богданова-Рубана указывается (стр. 31), что при перенесении столицы в Петербург Петр имел намерение «дабы новый сей царствующий град с прочими доброжелательными и союзными европейскими государи как наилучше поблизости мог с ними иметь во всяких политических делах, честное обхождение в договорных союзах, постоянная верность, а в коммерциях происходила б взаимная друг другу польза».

Русская литература петровского времени о Петербурге так освещает вопрос о возникновении новой столицы Русского государства. Феофан Прокопович в приветственной речи Петру, произнесенной в 1717 г. по случаю его возвращения из-за границы, посвящает несколько слов Петербургу. Он говорит: «Кто изобрете толь крепкое и удобное расположение места к населению сего царственного града? Петр Первый. Кто его украшает новосозидаемыми архитектурными многокрасными зданиями? Петр Первый. Пристанище ли в нем флота воинского и купеческого... кто устроил? Петр Первый». В «Истории императора Петра Великого...», приписываемой Феофану Прокоповичу.

вичу, несколько страниц отведено описанию Петербурга, однако без попытки осветить смысл превращения нового города в столицу.

Из современных Петру русских авторов один только Гавриил Бужинский посвятил Петербургу особое сочинение. Оно было им названо так: «Слово, в похвалу Санктпетербурга и его основателя императора Петра Великого говоренное... при поднесении его величеству первовырезанного на меди плана и фасада Петербургу». В этом «Слове» Бужинский отмечает, что Петр прежде всего желал иметь крепость в устье Невы и приступил к ее постройке сразу же после завоевания невских берегов. Но этим намерения Петра не ограничились. На Неве он «не токмо крепости, но и самому престолу царскому благорассудил быти угодно». Петербург быстро рос, завоевывая себе все большую и большую известность. Бужинский восхваляет местоположение нового города, указывает на его стратегическое и экономическое значение, напоминает о славной истории невских берегов. Словом, Петербург «превеликую помощь, пользу и славу Российскому соделывает государству». Вместе с тем Бужинский стремится защитить новую столицу от тех нападков, какие слышатся по ее адресу. «Ядовитые ехидны, изостривши свои аспидные зубы», — таким образным языком говорит петровский проповедник о врагах дела Петра, — утверждают, что Петербург далеко отстоит от центра страны, а потому он не имеет большого значения, что он унес при своей постройке много жертв. Бужинский полемизирует с теми, кто высказывает подобные взгляды, но в этой полемике не раскрывает, как можно было бы ожидать, тех аргументов, которые заставили Петра перенести столицу из Москвы в Петербург.

В анонимной рукописи «О зачатии и здании царствующего града С.-Петербурга», написанной, видимо, вскоре после смерти Петра, излагается легендарная история возникновения нового города. Автор, быть может, и сам понимая, что он рассказывает не более чем легенду, всячески стремится подчеркнуть политическое значение основания новой столицы. Это значение для автора совершенно ясно, и если бы он поставил перед собой задачу изложить точные исторические события, а не привести создавшуюся вокруг основания Петербурга легенду, то, вероятно, русская литература о Петербурге обогатилась бы памятником первоклассного значения. По словам автора рукописи, Петр объезжал 14 мая 1703 г. устье Невы и «усмотрел удобный остров к строению города... Когда вшел на середину того острова, почувствовал шум в воздухе, усмотрел орла парящего, и шум от парения крыл его был слышен». 16 мая царь в сопровождении духовенства, генералитета и «статских чинов» после молебна и водосвятия произвел закладку города. Снова появился орел, который «с великим парением крыл от высоты спустил»

ся и парил над оным островом». Церемония закладки началась с того, что в землю был закопан ковчег с мощами Андрея Первозванного. Над ковчегом была сооружена каменная крышка с надписью: «От воплощения Иисуса Христа 1703 мая 16-го основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем самодержцем всероссийским». В описании дальнейшей церемонии снова фигурирует все тот же орел. Когда на Котлине была основана Александровская крепость, орел был передан туда по распоряжению Петра «с назначением орлу комендантского звания». Автор рукописи счел необходимым упомянуть о том, что закладка Константином Константинополя также сопровождалась появлением орла, «летающего и несущего вверх каменодельцев и прочие орудия каменодельцев». Рассказывает автор и о путешествии Андрея Первозванного из Киева в Новгород, а оттуда «к стране С.-Петербургской», где он посетил место будущего «царствующего града». Приведя еще несколько легенд и сказаний, связанных с основанием Петербурга, автор отсылает читателя за дальнейшими справками об обстоятельствах возникновения города к книге «О рождении сего великого императора».

Можно не сомневаться в том, что автор этого любопытного рассказа, обнаруживший, кстати сказать, несомненное литературное дарование, записал слышанную им легенду, придав ей только форму художественного произведения. Вряд ли можно говорить об этом рассказе, как о продукте индивидуального творчества. Легенда об основании Петербурга создавалась, вероятно, уже в петровское время и к концу третьего десятилетия XVIII в. приняла столь законченную форму, что могла быть положена на бумагу. В сознании немалого количества людей, переживших царствование Петра, будничная действительность столь тесно переплелась с фантастикой, что они переставали отличать одно от другого. Их воображение было поражено блеском успехов, достигнутых Россией к концу царствования Петра. Ништадтский мир, рождение Балтийского флота, громадное развитие коммерческих сношений России с Западной Европой, императорский титул царя, успехи просвещения — все это были столь значительные явления, что даже совсем недавнее прошлое стало восприниматься в их свете. Неудивительно поэтому, что такой сам по себе незначительный факт, как основание крепости, не имевшей вначале никаких иных функций, кроме военных, был расценен людьми петровского времени как событие, вызванное к жизни провиденциальной силой царя и его почти божественной мудростью. Упоминание о Константине, об Андрее Первозванном, привлечение на сцену в качестве одного из действующих лиц орла, каменная плита с надписью о «царствующем граде» — все эти подробности подчеркивали громадное политическое значение возникновения новой столицы, значение, кото-

рое не только современникам Петра, но даже самому Петру далеко не было ясно в 1703 г., но которое в полной мере определилось в последующее время. Приведенный рассказ позволяет утверждать, что для современников Петра была совершенно бесспорна великость рождения новой столицы на берегах Невы. Смещение в таких случаях событий и явлений во времени становится почти неизбежным.

Если политические обстоятельства основания нового «царствующего града» продолжают оставаться до сих пор неясными, то тем большее значение приобретает разрешение вопроса о фактическом начале жизни Петербурга как столицы. Исчерпывающий и детальный ответ на него мог бы компенсировать скудость наших сведений по всей совокупности вопросов, возникающих в связи с перенесением столицы Русского государства из Москвы в Петербург. К сожалению, тема о фактическом начале бытия Петербурга как столичного города не разработана вовсе в исторической литературе, а источники, могущие ее осветить, весьма немногочисленны. На вопрос о том, с какого года начинается существование Петербурга как столицы, точного и определенного ответа пока дать нельзя. Не существует даже указа Петра, повелевающего считать Петербург «царствующим градом». Дата этого указа могла бы быть рассматриваема как официально установленная дата рождения новой столицы. Поэтому вопрос о начале существования Петербурга как столичного города приходится решать на основании косвенных данных.

Петербург мог стать столицей не раньше, чем в нем обосновался двор, совершился переезд дипломатического корпуса и были переведены центральные административные учреждения. Переезд двора произошел в 1712 г. Но еще за два года до того (в 1710 г.) сестры Петра и его мать приезжали в Петербург, где провели почти год. В тот их приезд здесь состоялась свадьба племянницы Петра Анны Ивановны с Курляндским герцогом Фридрихом-Вильгельмом (31 октября 1710 г.). Самый факт совершения в Петербурге брачной церемонии члена царской семьи свидетельствует о том, что городу уже тогда было придано значение царской резиденции. Церемония была обставлена с большой пышностью, чего достичь в еще очень мало благоустроенном городе было, вероятно, нелегко. Эта пышность еще более подчеркивала стремление Петра заставить всех считать Петербург новым политическим центром страны. В начале 1712 г. Петр сам обвенчался в Петербурге с Екатериной Алексеевной и тем еще более укрепил его положение как столицы. А когда в том же году двор окончательно переселился в Петербург, то всякие сомнения в том, что новому городу предстоит занять место «царствующего», должны были отпасть. Переезд дипломатического корпуса в Петербург произошел позднее и растянулся на довольно продолжительное время. По свидетельству Богданова-

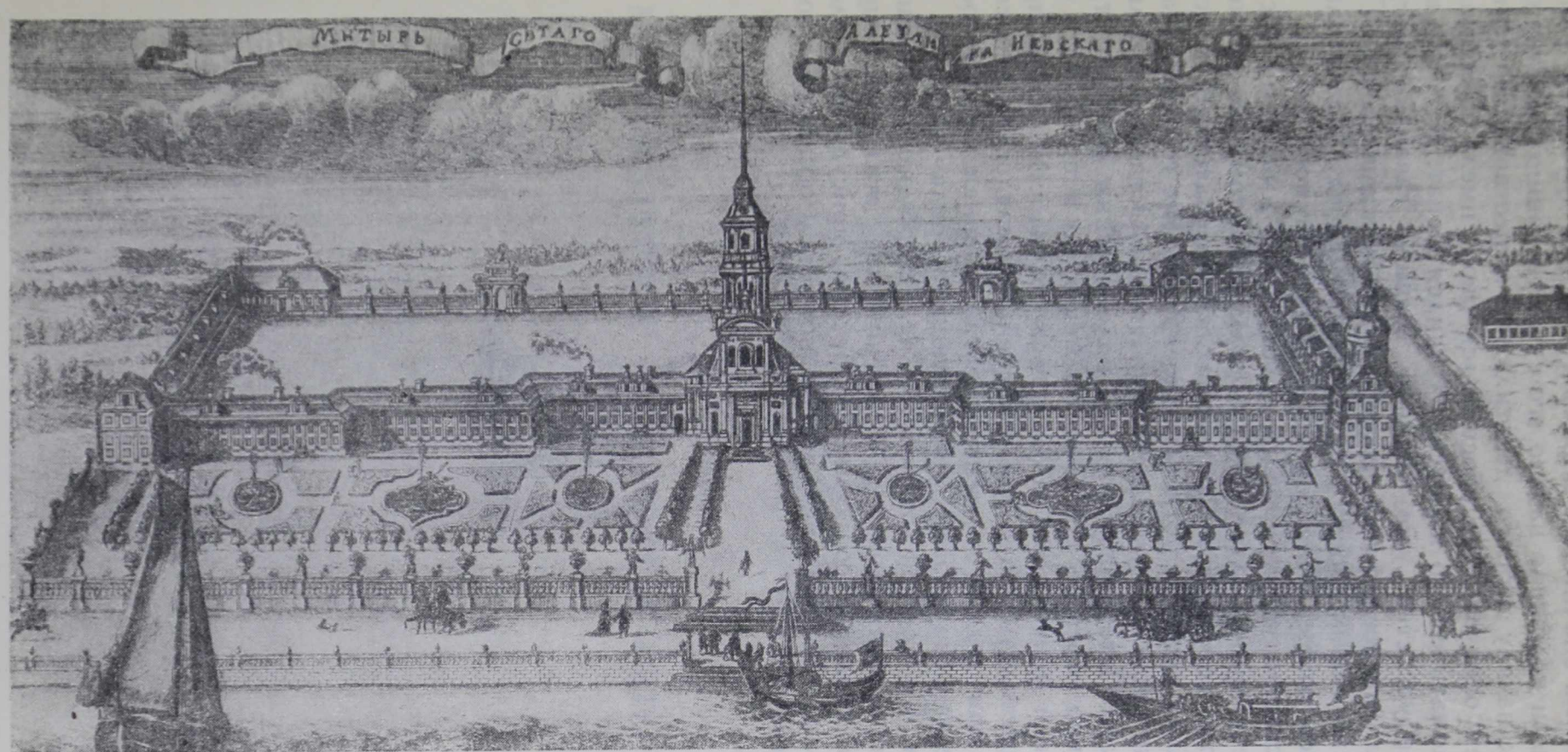
*Свадебный пир императора Петра I 19 февраля 1712 г. в Петербурге.
Гравюра А. Зубова. Собрание Музея истории и развития Ленинграда.*

Рубана, в 1711 г. Петербург посетило персидское посольство. Вероятно, это было первое посещение нового города иностранной дипломатической миссией. В 1712 г. в Петербург переехал из Москвы английский представитель Уитворт, а в 1715 г. — представитель Франции Лави. Нидерландский посланник барон де-Би свое первое донесение из Петербурга отправил в июле 1716 г. К началу 1718 г. в Петербурге наряду с указанными дипломатами находились прусский посланник Мардефельд и ганноверский резидент Вебер. Интересно отметить, что переезд в Петербург первого иностранного дипломата, постоянно аккредитованного при русском дворе, произошел в один год с окончательным переселением в Петербург царской семьи. Вряд ли это было простым совпадением, а потому, может быть, 1712 г. можно считать с большим основанием, чем какую-либо иную дату, годом официального признания Петербурга столицей.

Что касается перевода центральных административных учреждений в Петербург, то о переводе может идти речь только в отношении Сената. Сенат при своем учреждении помещался в Москве. В 1711 и 1712 гг. он выезжал по требованию Петра в Петербург и Нарву. Окончательный переезд Сената в Петербург состоялся в конце 1713 г. Коллегии и Синод были основаны уже в то время, когда и официально и фактически Петербург был уже столицей, а потому эти учреждения с самого начала пребывали в Петербурге.

В 1710 г. в жизни Петербурга произошло одно важное событие, которое нельзя не поставить в прямую связь с началом существования Петербурга как столицы. В этом году состоялась закладка Александро-Невского монастыря. В «Журнале» Петра рассказывается, что в 1710 г. Петр, осматривая Петербург, остановил свое внимание на месте впадения Черной речки в Неву и приказал строить здесь монастырь во имя св. Троицы и св. Александра Невского. Архимандрит будущего монастыря Феодосий на указанном Петром месте водрузил крест с надписью о том, что здесь «имеет создаться монастырь». В 1711 г. на месте закладки была построена Благовещенская церковь, а в 1713 г. появились первые келии. С этого года монастырь начал свое существование. Конечно, Петр задумал новую постройку с нарочитой целью: основанием монастыря в память того, с чьим именем была связана первая победа на Неве над шведами, одного из наиболее чтимых в народе людей, кого церковь еще в 1547 г. причислила к лику святых, он хотел придать новому городу значение исключительное, во всяком случае не уступающее тому, какое имела в глазах широких масс населения Москва. Вероятно, тогда же Петр задумал и перенесение мощей Александра Невского в Петербург, хотя осуществлено это было только в 1723 г. Вряд ли можно сомневаться в том, что основание Александро-Невского монастыря в жизни Петербурга

Александрово-Невская лавра.

Гравюра на меди А. Зубова из его же „Панорамы Петербурга“. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

сыграло весьма значительную роль и наряду с другими событиями и фактами положило начало его существованию как столицы.

Итак, к началу второго десятилетия существования Петербурга в нем окончательно обосновался двор, имела пребывание часть дипломатического корпуса, находился Сенат. К этому времени Петербург стал уже сильной военной гаванью, местом стоянки Балтийского флота, только что одержавшего при Гангуте одну из самых своих блистательных побед. Значительно расширились коммерческие обороты Петербургского порта, начавшего успешно конкурировать со старыми, имевшими заслуженную репутацию балтийскими портами. К этому же времени строительство города приняло размах, беспрецедентный в истории не только русских, но и западноевропейских городов. Население его исчислялось уже десятками тысяч. Оставалось только одно: сделать Петербург не только политическим центром страны, не только укрепить его военную мощь, но и превратить его в культурный центр преобразующегося государства. Петр принялся осуществлять это с той энергией и последовательностью, с какой он мог делать это теперь, когда военная безопасность и политическая сила нового «царствующего града» казались незыблемыми. Со времени основания в Петербурге важнейших культурно-просветительных учреждений он стал настоящей европейской столицей со всеми атрибутами, присущими столичным городам. «Московский» период истории Российского государства закончился.

В. Г. Гейман

МАНУФАКТУРНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ПЕТЕРБУРГА

Условия возникновения Петербурга и основание в нем новой столицы наложили весьма определенный отпечаток на его экономику. Родившийся в огне войны, он должен был в развитии и организации своей промышленности отразить не совсем обычные условия своего рождения. То, что с первого же дня своего существования он был пограничной крепостью и первоклассной военной гаванью, не могло не оказать влияния на характер и масштабы возникающих в нем промышленных предприятий. А то, что он почти сразу же превратился в столицу, да еще лежащую у столь желанного моря, выдвигало перед ним, как перед нарождающимся промышленным центром и новым торговым портом, совершенно исключительные по своему значению задачи.

Петербург вырос на пустом месте. Следовательно, на пустом месте выросли и крупные мануфактуры города. Это, конечно, осложняло процесс их возникновения и роста. Вопрос о рабочей силе, чрезвычайно сложный в то время для всей страны, особо остро чувствовался в Петербурге. Без нажима правительства, без принудительного переселения в Петербург «работных людей» не могла бы существовать почти ни одна мануфактура. Возникновение в Петербурге наперекор всем трудностям крупных мануфактур объясняется общими экономическими и социальными условиями того времени. Петру необходимо было стать независимым от Западной Европы в получении всего необходимого для ведения войны. Единственным средством избавиться в этом отношении от зависимости от Западной Европы являлась организация соответствующих фабрик и заводов в самой России. Экономия недостаточных средств казны, Петр всеми мерами поддерживал частных предпринимателей в деле основания ими на их собственные, еще очень недостаточные, капиталы (главным образом, купеческие, накапливаемые еще с XVII в.) необходимых правительству предприятий. Новые

отрасли промышленности могли возникнуть только в форме крупных промышленных заведений. Мелкие производители — ремесленники — не обладали капиталами для применения более совершенной техники производства и увеличения тем самым размеров производства в нужные правительству кратчайшие сроки. Действительно, в петровское время в основных отраслях производства преобладает централизованная мануфактура с широким разделением труда.

С предельной краткостью и точностью сформулировал задачи экономической политики Петра товарищ Сталин: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости». ¹

* * *

Все промышленные предприятия мануфактурного типа, существовавшие в Петербурге петровского времени, можно условно подразделить на три группы. Первая и главная по своему значению объединяет предприятия казенные, работавшие в основном на военные нужды. Во вторую группу должны быть отнесены предприятия дворцовые, работавшие главным образом на нужды двора, а отчасти на рынок. К третьей группе относятся предприятия, принадлежавшие частным лицам или частным промышленным компаниям и работавшие в основном на рынок.

Из числа предприятий первой группы главное и ведущее положение занимала судостроительная Адмиралтейская верфь. Когда выяснилось, что крупные корабли, построенные на Олоонецкой верфи на р. Свири, могли достигать Петербурга лишь с большим трудом и риском из-за порогов на Неве, решено было перенести строительство Балтийского флота в самый Петербург. Военная опасность, непрерывно грозившая новому городу со стороны шведов, заставила выбрать для проектируемой верфи место поблизости от Петропавловской крепости, орудия которой держали бы под обстрелом все подступы к новостроящейся верфи. Петр остановил свой выбор на территории нынешнего Адмиралтейства, и уже в ноябре 1704 г. здесь были заложены первые здания будущей верфи. Место строительства получило название «Адмиралтейского двора».

Первым военным кораблем, построенным на Адмиралтейской верфи, был спущенный на воду 29 апреля 1706 г. 18-пушечный «прам» («прамами» назывались суда, представлявшие собою один из типов мелкоякорных бомбардировочных кораблей, предназначенных для бомбардировки прибрежных крепостей). В пер-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1933, стр. 359.

вые годы своего существования Адмиралтейская верфь не строила еще крупных кораблей, требовавших для своего изготовления длительных сроков (до трех лет), а ограничивалась сравнительно небольшими судами, но зато темпы их постройки были очень быстры. Например, яхта «Надежда» была заложена на верфи 5 июля 1706 г., а 28 октября того же года она уже была спущена на воду.

Адмиралтейская верфь не только строила новые корабли, но также собирала суда из готовых частей, доставляемых в Петербург с других верфей — русских и заграничных. Так, например, в том же 1706 г. была собрана яхта, доставленная в разобранном виде из Англии, и другая яхта, части которой были выстроены на Воронежской верфи.

Этот первый период существования Адмиралтейской верфи, т. е. период, в который на ней строились лишь суда не выше средних размеров, продолжался до конца 1709 г. Полтавская победа, несомненно, отразилась и на судьбе Адмиралтейской верфи. Петр признал возможным начать строить здесь мощные по тому времени, крупные, дорогостоящие корабли. Первым таким кораблем и явилась 54-пушечная «Полтава», заложённая 5 декабря 1709 г. и спущенная на воду 15 июня 1712 г. С этого времени Адмиралтейская верфь перешла к строительству большого Балтийского морского флота.

Когда, начиная с 1712 г., Адмиралтейская верфь стала ежегодно закладывать по несколько новых больших кораблей, на ней не оставалось более свободного места для строительства мелких и средних судов, так называемых «скампавей», «полугалер» и «галер». Между тем Балтийский флот очень нуждался в судах и этих типов. Пришлось поэтому подыскивать для строительства их новый участок. Участок этот был выбран по нижнему течению реки Мойки, в местности, известной до наших дней под названием «Новой Голландии». Эта новая верфь была оборудована небольшими эллингами и получила наименование «Скампавейного двора». Прорытым каналом, ныне носящим название Адмиралтейского, Мойка была соединена в этом месте с Невой. Строительство скампавей пошло здесь быстрыми темпами. В 1712 г. на только что оборудованном «Скампавейном дворе» было заложено 50 скампавей, в 1713 г. еще 64 скампавеи и одна полугалера. В следующие годы началось усиленное строительство галер, почему и самая верфь была переименована из «Скампавейного двора» в «Галерный двор», а с 1721 г. получила название «Галерной верфи».

С развитием строительства крупных кораблей уже не хватало места внутри Адмиралтейского двора для постройки новых эллингов для них. В 1720 г. началось возведение эллингов по обеим сторонам Адмиралтейства вдоль Невы. К 1723 г. был закончен постройкой новый большой эллинг, расположенный на

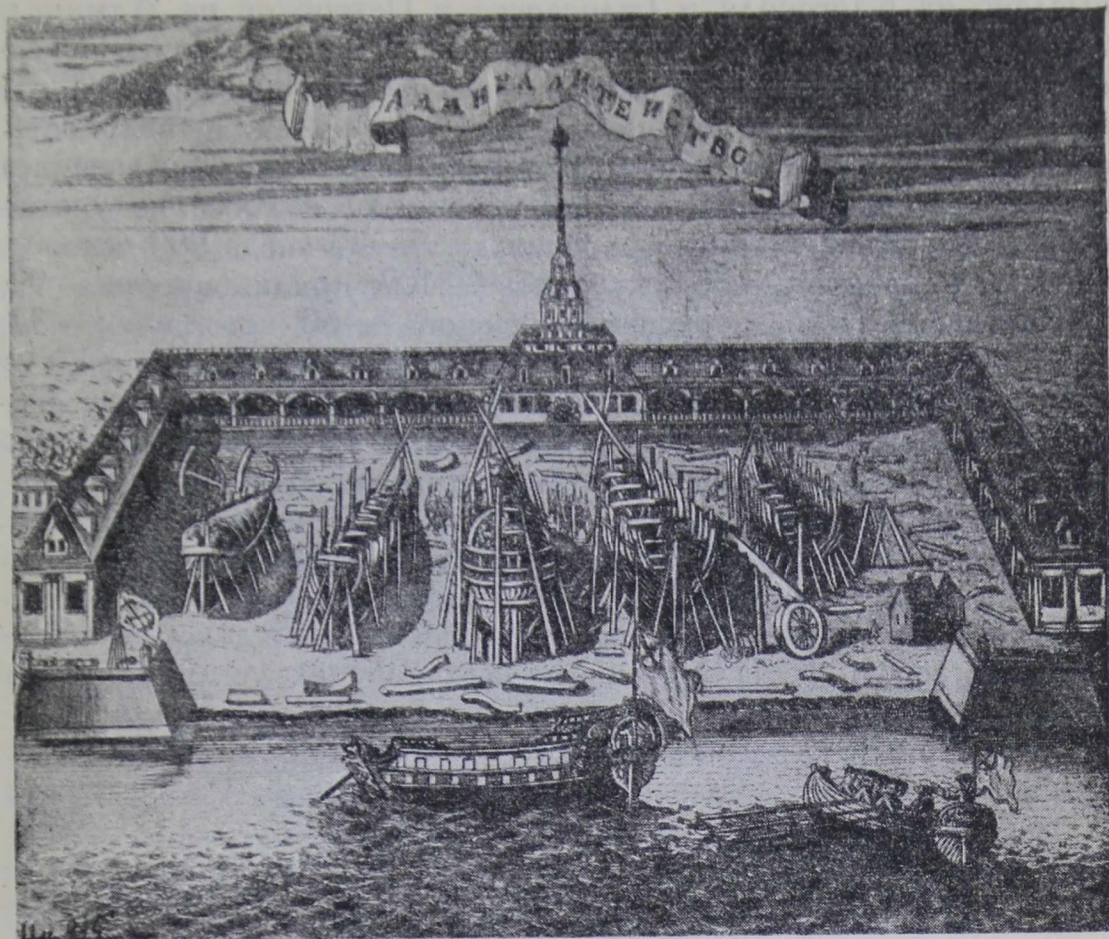
Неве у нынешней площади Декабристов, против церкви Исаакья, находившейся примерно на том же месте, где теперь стоит Исаакиевский собор. Одновременно шло строительство жилых домов для служащих и рабочих верфи, главным образом в пределах бывших Большой и Малой Морских улиц (нынешних улиц Герцена и Гоголя). Таким образом, Адмиралтейская верфь территориально смыкалась с Галерной, заняв значительную часть пространства старого Адмиралтейского острова, т. е. пространства между Мойкой и Невой.

Одной из подсобных промышленных отраслей, заведенных Адмиралтейством, явились деревообделочные предприятия, так как лес был тогда основным материалом для судостроения. Первая вододействующая пильная мельница была оборудована Адмиралтейством в окрестностях Петербурга еще в 1710 г. на Ижоре, т. е. в одном из главных тогда районов заготовки леса для Адмиралтейства. Обрабатываемые этой мельницей лесные материалы сплавлялись по Ижоре и Неве непосредственно к Адмиралтейской верфи. Кроме этого, Адмиралтейством были построены: 1) несколько кирпичных заводов, расположенных по берегу Невы вверх по ее течению; 2) расположенный на Охте гонтовый завод, изготовлявший особый вид дранки для покрытия крыш; 3) два пергаменных завода (один в Петербурге, другой в Дудергофе), изготовлявшие специальные пергаменные карты для зарядов флотских пушек; 4) восковой завод на Ижоре, изготовлявший свечи; 5) две бумажные мельницы — одна в Красном Селе и другая в Петербурге.

В ведении Адмиралтейства находился также и «Смольный двор», на котором хранилась смола и вываривался деготь для надобностей всего Балтийского флота. Имевший важное военное значение, «Смольный двор» был обнесен палисадом и охранялся крепкими военными караулами. Находился он на месте нынешнего «Смольного», сохранившего, таким образом, в своем названии первоначальное назначение этого места. Смола доставлялась на «Смольный двор» крестьянами деревень, специально для этой цели приписанных к Адмиралтейству.

При начале работ на Адмиралтейской верфи мастерами-судостроителями являлись почти исключительно иностранцы: голландцы, англичане, итальянцы (последние специализировались на стройке галер). Вскоре же появились и русские мастера из числа вернувшихся из-за границы русских учеников, посланных Петром в Западную Европу для изучения корабельного дела. В первые годы работы Адмиралтейской верфи Петр оставил за собой должность главного мастера ее, так называемого «баса», и, принимая личное участие в стройке кораблей, получал соответствующую этой должности заработную плату.

Первыми русскими судостроителями были рабочие, присланные с Олонецкой верфи; они уже имели некоторый опыт по ко-

Адмиралтейство.

Гравюра на меди А. Зубова из его же „Панорамы Петербурга“. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

раблестроению. Но общее число рабочих на Адмиралтейской верфи стремительно пополнялось за счет мобилизуемых специалистов-плотников из числа главным образом крепостных крестьян. Сохранилось, например, распоряжение А. Д. Меншикова от 12 сентября 1705 г., данное им по указу Петра и направленное для исполнения в Вологду, Шую и Ростов, в котором читаем: «... губернатор Александр Данилович Меншиков приказал нижеписанных городов с посадов и с уездов, великого государя с дворцовых, и с патриарших, и с монастырских, и с помещиковых, и вотчинниковых крестьян, выбрав плотников самых добрых и не малолетних и не старых и плотничного дела умеющих людей 500 человек со всякими их плотничными снастями выслать в Санкт-Петербурх на Адмиралтейский двор бессрочно...».

Кроме рабочих, мобилизуемых на Адмиралтейскую верфь бессрочно, еще большее количество крестьян привлекалось на сезонные адмиралтейские работы, главным образом на заготовки леса. Так, например, по указу Петра от 7 апреля 1707 г. было

выслано из Каргополя и Белозерска в Петербург на Адмиралтейский двор и на Олонецкую верфь 3139 человек. Почти исчерпывающие данные о наличном составе рабочих Адмиралтейской верфи с указанием их специальностей мы имеем в ведомости, составленной в ноябре 1709 г. Согласно ведомости, учитывавшей только постоянных рабочих (без сезонных) и вовсе не упоминавшей иностранцев, число рабочих достигало тогда 900 человек. Из них: плотников — 381, кузнецов — 109, прядильщиков — 99, конопатчиков — 77, парусных «шведов» — 60, столяров — 32, резчиков — 21, бочкарей — 9, «блочного дела» — 9, токарей — 8 и т. д. Вообще ведомость эта перечисляет до 30 различных специальностей. Разделение труда достигло на верфи значительного развития. Вместе с сезонными рабочими число занятых на кораблестроении людей достигло к 1711 г. 4700 человек. В 1712 г. с Воронежской верфи на Адмиралтейскую было послано еще до 2 тысяч человек опытных уже кораблестроительных рабочих и мастеров, что значительно повысило производительность Петербургской верфи. К 1715 г. число всех рабочих увеличилось на верфи почти до 10 тысяч человек.

Несмотря на огромное по тому времени количество занятых в Адмиралтействе рабочих, их все же не хватало. Рассчитывать на возможность скорой мобилизации необходимого количества плотников обычным путем по разверстке не приходилось, и потому Петр приказал: «для корабельного строения на некоторое время для скорости нанять повольною ценою охочих плотников». Во исполнение этого приказа было нанято 2150 человек вольнонаемных плотников с заработной платой по 4 рубля в месяц. Таким образом, на Адмиралтейской верфи впервые появились вольнонаемные русские рабочие. Мобилизованные получали грошовую плату, выражавшуюся в так называемых «кормовых» деньгах в среднем по алтыну, т. е. по 3 копейки, в день на человека, с добавлением выдачи продуктов натурой, в частности хлеба и соли. Лишь наиболее квалифицированные рабочие из числа мобилизованных получали сверх того и денежное жалование в пределах 8—12 рублей в год. Вольнонаемные рабочие обходились, таким образом, государству гораздо дороже, почему Петр и писал в своем указе, что они нанимаются лишь «на некоторое время».

Работа на Адмиралтейской верфи производилась в тягчайших условиях труда, при непомерно долгом рабочем дне и под постоянной угрозой штрафов и телесных наказаний («битье кнутом») за малейшие нарушения приказаний «начальства».

С 1706 по 1725 г. на петербургских верфях было построено не менее 59 крупных кораблей разных типов (в том числе 4 фрегата, т. е. наиболее совершенных по тому времени военных кораблей) и 203 галеры и скампаваи. Балтийский флот был создан и успел одержать над шведским флотом несколько блестящих побед.

Второе по значению место среди казенных промышленных предприятий Петербурга петровского времени принадлежало Арсеналу, далеко, впрочем, уступавшему Адмиралтейству как по количеству занятых на нем рабочих, так и по размерам производства. Самое название Арсенала как учреждения, объединяющего все виды материального снабжения сухопутной артиллерии, вошло в употребление лишь в конце царствования Петра. Петербургский Арсенал возник в 1711—1713 гг. первоначально просто как пушечно-литейный завод и лишь постепенно, обрастая подсобными предприятиями и сосредоточивая хранение всевозможных артиллерийских и вообще оружейных запасов и материалов, превратился в Арсенал в настоящем смысле этого слова. До 1720 г. он именовался «Пушечным двором».

Место для завода было выбрано на «Московской стороне» строящегося города, т. е. на левом берегу реки Невы, против просеки, получившей впоследствии название «Литейной» (будущего Литейного проспекта).

Во главе стройки нового завода Петр поставил известного инженера де-Геннина, который так энергично повел вверенное ему дело, что уже в 1713 г. были закончены основные здания завода. В сентябре того же года Геннин был назначен начальником Олонецких железоделательных заводов в Петрозаводске и уехал из Петербурга. Верховное наблюдение за петербургским литейным заводом осталось за генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюсом. Но еще при Геннине, 15 января 1713 г., литейный цех петербургского завода начал действовать, и вскоре были вылиты первые медные пушки производства литейного «анбара».

Литейный «анбар» быстро обрастал разными техническими предприятиями. Были выстроены: кузница, слесарная, лафетная, токарная, столярная, паяльная и др. мастерские и, кроме того, целый ряд служб, сараев и т. п. Все эти здания получили в своей совокупности название «Литейного двора». Двор был расположен на самом берегу Невы, на месте нынешнего въезда на Литейный мост.

Место на «Литейной перспективе», где ныне находится здание МГБ, служило с 1714 г. складом всех необходимых для производства нового завода материалов и припасов, а также местом хранения готовой продукции этого завода. Место это получило название «Пушечного двора». Напротив него через «Литейную перспективу» сосредоточились к 1715 г. все основные подсобные мастерские литейного завода; здесь же расположилось здание «Артиллерийской канцелярии». Место это получило название «Нового пушечного двора», а прежний Пушечный двор стал называться «Старым пушечным двором». Новый Пушеч-

ный двор, постепенно расширяясь, захватил всю территорию в глубь от «Литейной перспективы» до реки Фонтанки.

Согласно сохранившейся среди архивных документов ведомости от января 1714 г., на Пушечном дворе в Петербурге значилось всего лишь 37 человек рабочих. Из них: мастер литейного дела Семен Леонтьев с окладом 100 рублей в год; 27 человек «учеников литейного дела» с заработной платой по 12 рублей в год; 6 человек «учеников плавильного дела» с заработной платой по 9 рублей в год; 2 мастера «пильного дела» с заработной платой по 10½ рублей в год и, наконец, один печной мастер с заработной платой 11 рублей в год. Вот и все. Но в том же 1714 г., когда Двор заработал уже более интенсивно, мы видим значительное увеличение числа его рабочих. По специальному указу Петра, в марте—апреле 1714 г. было выслано в Петербург от 1/3 до 1/2 всех наличных рабочих с Московского литейного двора, существовавшего там с XVI века. Среди них должны были находиться, по требованию из Петербурга, специалисты: литейщики, кузнецы, токари, слесаря, оружейники, станочники, лафетчики, паяльщики, медники, медеплавильщики, печники, столяры, плотники и т. п. Всего перечислено до 25 специальностей. Высылались в Петербург также рабочие из Тульской оружейной слободы. Так, например, в 1717 г. было прислано 20 мастеров, из числа которых несколько человек приставили к «фитильному делу» (т. е. к выделке фитилей для пушечной стрельбы) и «к меховому делу» (т. е. к выделке и починке кузнечных мехов). Начиная с 1716 г. на Пушечный двор высылались, с ежегодной переменой, по 12 человек «колёсников» из Солецкой колёсной слободы Новгородского уезда, жители которой уже сыздавна специализировались на выработке колёс и вообще всех деревянных частей для пушечных лафетов.

Условия труда на Пушечном дворе были таковы, что вызывали постоянные случаи бегства присылавшихся туда «на вечное житье» рабочих. В частности, например, отмечая многочисленные случаи бегства рабочих, присланных из Тульской оружейной слободы, правительство предписывало местному начальству при высылке впредь рабочих на вечное житье в Петербург «пятнать» им руки раскаленным железом «понеже они отсюда бегают». Клеймо на руках позволяло легче отыскивать беглых для обратного водворения их на покинутую работу. Рабочий день вовсе не был нормирован. Все зависело от воли начальства. Лишь в 1728 г. по ходатайству администрации Пушечного двора на него был распространен очень жесткий регламент Адмиралтейства. До того мастеровых заставляли работать и днем, и ночью, и в праздники. Применение кнута и плети практиковалось в самых широких размерах.

Основным производством Пушечного двора было литье медных пушек. Сперва их отливали в формах с готовым уже

ствольным каналом. Однако несовершенная техника плавки и отливки металла приводила к тому, что внутренность ствола часто оказывалась недостаточно ровной и гладкой, покрытой раковинами, что влияло на качество стрельбы. К 1720 г. перешли поэтому к плавке так называемых «глухих пушек», т. е. сначала отливали тело орудия без ствольного канала, который просверливался затем особыми сверлильными станками. Станки эти на петербургском Пушечном дворе приводились в действие конной тягой. Кроме пушек, отливались и другие предметы из меди, например колокола. В 1723 г. были отлиты огромные тяжеловесные жернова для Охтенских пороховых заводов.

Изготовление пушечных лафетов и зарядных ящиков к ним требовало кооперации труда разных специалистов — столяров, токарей, кузнецов, слесарей и т. д., вырабатывавших соответствующие части в специально оборудованных для этого мастерских. Изготовление разных жестяных предметов, например манерок для пороха, производилось в особой паяльной мастерской. Была построена также специальная мастерская для изготовления пушечных фитилей, требовавшая кооперации труда прядильщиков и фитильных заварщиков. Поделки из кожи, главным образом для пушечных конских упряжек, требовали создания шорной мастерской. Обилие всех этих подсобных мастерских объясняет нам территориальное расширение Пушечного двора, занявшего постепенно, как было уже указано, все пространство по Неве от Литейного до Фонтанки.

* * *

Первый пороховой завод в Петербурге был построен на набережной Малой Невки против Крестовского острова, примерно у нынешней Зелениной улицы, старое название которой было «Зелейная» улица; это была дорога, проложенная от пороховых, по-старому «зелейных» (в Московской Руси порох назывался «зельем»), заводов к Кронверку Петропавловской крепости, т. е. к нынешнему проспекту Максима Горького. Когда был построен этот пороховой завод, в точности не известно, но сохранились архивные документы, показывающие, что летом 1714 г. на территории завода достраивались еще амбары для хранения составных частей пороха — селитры, серы и угля.

Война со Швецией вызвала большие потребности в порохе. Ввиду этого вскоре начата была постройка новых пороховых заводов на территории Охты. Сразу было намечено построить на Охте два завода. В течение 1715 г. постройка одного из охтенских заводов шла полным ходом. Заводы по указу Петра должны были быть построены на реке Охте и притоке ее Луппе «на порогах», т. е. несомненно, что с самого начала было пред-

положено использовать здесь водяные двигатели в противоположность пороховому заводу на Петербургской стороне, действовавшему конной тягой. Точное место постройки Охтенских пороховых заводов выясняется из «наказа» Артиллерийской канцелярии строителю заводов Мокею Гусеву: «первой мельнице быть на р. Охте (по правой стороне) против бывших шведских кирпичных заводов (напомним, что на территории Охты стояла бывшая шведская крепость — Ниеншанц), а другой мельнице быть на Луппе реке вверх от Охты в 50 саженьях». Для постройки плотин привлекались русские мастера-специалисты. В 1716 г. деревянная плотина на реке Охте была уже построена и при ней действовала одна пороховая мельница. Петербургские пороховые заводы, кроме сравнительно незначительной выделки нового пороха, занимались переработкой старого испорченного пороха, присылавшегося для этого из прибалтийских крепостей. Охтенский пороховой завод в первый год своей работы дал всего лишь около 800 пудов продукции.

В 1717 г., совершая заграничное путешествие, Петр в Голландии обратил внимание на местный порох, отличавшийся, повидимому, значительно большей силой, чем русский. Образец этого голландского пороха Петру удалось прислать в Россию. Испытание его дало превосходные результаты. Генерал Брюс вошел к Петру с представлением о выписке из Голландии мастера-специалиста, сумевшего бы поставить в России производство пороха на новый «голландский манир». В 1719 г. в Петербург приехал мастер Петр Шмидт. Он был стар, болезнен, несговорчив и гораздо больше заботился о собственном обогащении за счет русской казны, чем о внедрении в порученное ему производство новой техники. Шмидт не торопился открыть свой «секрет» русским.

Для учета материалов, ведения денежных расчетов и отчетности на петербургский пороховой завод был в начале 1720 г. прикомандирован канцелярист Иван Леонтьев. Он происходил из дворян, служил ранее по ведомству Коллегии иностранных дел, долгое время жил за границей, хорошо знал иностранные языки, был, повидимому, ловким человеком. Кроме прямой «бухгалтерской» обязанности по заводу, на Леонтьева было возложено поручение выведать у Шмидта «секрет» выделки пороха по новому способу. Выполнить это поручение Леонтьеву в конце концов удалось, но выведал он «секрет» не от самого Шмидта, который решительно уклонялся от этого, а при посредстве молодой жены Шмидта — Валентины де Валь. Об этом сам Леонтьев писал так: «Начал просить супругу его с прилежною учтивостью моею, чтобы она как мочно получила от него (т. е. от своего мужа) весь секрет о пороховом и селитерном деле». Петр Шмидт умер в апреле 1720 г., открыв перед смертью свой «секрет» жене. После смерти Шмидта вдове его было

обещано сохранение жалованья ее покойного мужа (780 рублей в год) с тем, чтобы она осталась на заводе и обучала русских мастеров новому способу производства пороха. Валентина де Валь, повидимому, добросовестно выполняла эти свои обязательства. Среди учеников ее были способные русские люди, например пороховой подмастерье Афанасий Иванов, хорошо знавший старый «русский» способ выделки пороха. Уже в июне 1721 г. он писал: «После смерти мастера Шмита учила меня жена ево Елена Иванова дочь, и я у нее пороховому делу как новый порох делать и старый переделывать по голанскому маниру разных рук, такоже и селитру литровать и уголья жечь научен, могу я и без нее, Елены Ивановой, сам собою делать. А что я ныне делаю новой порох и переделываю старой сильнее голанского мастера и мастерицына составу, то я научился от своего мозгу».

В том же 1721 г. Валентина де Валь, решив навсегда остаться в России, просила зачислить ее на русскую службу. Просьба ее была уважена, и она получила официальное звание «пороховой мастерицы». Иван Леонтьев продолжал «обхаживать» Валентину де Валь, склоняя ее открыть теперь секрет «исправления негодного пороха». Валентина долго противилась этому, но, как писал Леонтьев, наконец «ослабела силою, и я, усмотря ее слабость, со всякою учтивостью услуг моих просил с увещанием, дабы она научила мастеров... на что она склонилась». Итак, в конце концов вся новейшая техника выделки и переделки пороха стала достоянием русских пороховых заводов. Валентина де Валь прослужила на пороховом заводе в качестве «пороховой мастерицы» около 40 лет.

В 1720 г. во главе Охтенского порохового завода был поставлен сержант понтонной роты Яков Батищев. Батищев являлся незаурядным техником-изобретателем. Раньше он работал на Тульском оружейном заводе, где ввел ряд технических улучшений, заменивших ручной труд механическим. На Охтенском заводе Батищев применил механическую силу воды в деле так называемого «кручения» пороха, т. е. превращения выработанной пороховой массы в зернистый порох, что до Батищева производилось путем кручения ручных решет. Благодаря изобретению Батищева порох «крутился» системой грохотов, приводившихся в движение силою воды. К началу 1722 г. закончилось переоборудование трех старых толчильных (ступовых) пороховых мельниц в жерновые.

На Охте предполагалась постройка сразу двух заводов. Батищев предложил отказаться от второго порохового завода, а построить на отведенном месте новый вододействующий пушечный и оружейный завод. Однако Главная артиллерийская канцелярия приказала Батищеву немедленно начать стройку второго порохового завода. В 1722 г. работы по постройке этого

завода на реке Луппе развернулись полным ходом, и в 1723 г. новое предприятие начало действовать. При его постройке Батищев ввел еще одно новое техническое изобретение. Вместо каменных жерновов, привозившихся для пороховых мельниц из Голландии (так называемые «голландские камни»), Батищев применил литые медные жернова, изготовленные по его заказу на петербургском Арсенале. С целью увеличения веса в эти медные жернова было влито до 500 пудов свинца. Вес каждого такого жернова достигал 350 пудов. Повидимому, жернова эти работали хорошо, но так как стоимость их оказалась в 10 раз выше стоимости привозных, то дальнейшее производство их по распоряжению Петра было запрещено.

Изложенные выше данные о технике производства пороха при всей их краткости дают, однако, возможность сделать вывод, что техника эта непрерывно совершенствовалась и к концу царствования Петра достигла высокого уровня, а нововведение Батищева (медные жернова), не привившееся лишь из-за его дороговизны, показывает, что техническая мысль русского человека с успехом стремилась перекрыть европейскую технику. О том же свидетельствуют, как было сказано выше, и показания порохового подмастерья Афанасия Иванова, научившегося «своим мозгом» выделывать и переделывать порох «сильнее голанского состава».

На Охтенских заводах в 1721 г. числилось 125 человек «мастеровых людей и протчих служителей». Заработная плата основным рабочим исчислялась исходя из расценок, применявшихся на московских пороховых заводах: мастерам — по 25 рублей в год, подмастерьям — по 18 рублей и ученикам — около 11 рублей в год (по 30 алтын в месяц). Так как жизнь в Петербурге была значительно дороже, чем в Москве, то «для здешнего Санкт-Петербургского житья» полагалась надбавка к московским окладам в размере 25%.

Несмотря на оборудование в Петербурге трех пороховых заводов, все же в течение всего царствования Петра московские заводы продолжали давать стране большую часть пороха. Так, по нарядам Главной артиллерийской канцелярии в 1721 г. намечено было выработать пороха: в Петербурге — 3 тысячи пудов, а в Москве — 12 тысяч пудов; в 1724 г. — в Петербурге 10 тысяч пудов, в Москве — 20 тысяч пудов. Ведущая роль в производстве пороха к 1725 г. все еще оставалась за Москвой.

* * *

Из числа дворцовых предприятий петровского Петербурга наибольшее значение имела Шпалерная мануфактура. Основанная в 1717 г., она просуществовала до 1859 г. и оставила по себе память в названии Шпалерной улицы (ныне улица

Воинова). Почти все остальные петровские дворцовые промышленные предприятия быстро заглохли и прекратили свое существование вскоре же после смерти Петра. Часть из них была передана из ведения «Кабинета» в ведение Берг- и Мануфактур-Коллегий, т. е. превратилась из дворцовых просто в казенные предприятия, работавшие на общий рынок.

Образцом для Шпалерной мануфактуры послужила королевская гобеленовая мануфактура в Париже, художественные ковровые изделия которой, привезенные в Россию, произвели на Петра сильное впечатление. По указу Петра, Лефорт контрактровал еще в 1716 г. в Париже мастеров-специалистов гобеленового дела. В начале 1717 г. четыре мастера француза уже прибыли в Петербург. Контракт с ними был заключен на 5 лет, с окладом жалования по 400 рублей в год каждому. В июне 1717 г. прибыло еще 11 человек французских мастеров, в том числе Бегабль (с сыновьями) и Камус. Бегабль был назначен директором мануфактуры. Ему, согласно контракту, предписывалось обучать гобеленовому делу и русских учеников: «принимать в свою службу российскую нацию и обучать их всему, что касается до того мастерства».

В 1719 г. Шпалерная мануфактура была передана в управление единой тогда Берг- и Мануфактур-Коллегии, а с выделением в 1722 г. особой Мануфактур-Коллегии — в управление последней. С этого времени в положении ее произошла решительная перемена. «По приговору Мануфактур-Коллегии, — читаем мы в соответствующем архивном документе, — велено для шпалерного дела оставить в Питербурхе только 5 человек (французов), в том числе баселистов четырех, которым жалованья надлежит давать по 400 руб. человеку, а из готелистов одного, а именно Бегабля, жалованья ему велено давать по 500 руб. на год. Да к ним же велено набрать из русских 10 человек учеников».¹ С этого времени к работе в основном привлекаются русские ученики. Число их постепенно растет: в 1725 г. «в науке шпалерного дела» числилось 22 ученика.

В архиве Мануфактур-Канторы сохранились дела, из которых мы узнаем некоторые подробности о русских учениках,

---

¹ По способам работы шпалеры (гобелены) разделяются на два вида. Одни из них ткуются на стане, расположенном в вертикальном положении (по-французски *haute-lisse*, т. е. высокий станок, откуда русское „готелист“). При этом положении ткач помещается с задней стороны будущего гобелена и работает по нанесенным на основу контурам картины, не видя лицевой стороны. Значительно легче работать на стане, расположенном в горизонтальном положении (по-французски *basse-lisse*, откуда русское „баселист“), при котором ткач непосредственно видит результаты своей работы. Тканье гобеленов очень сложно и требует большой затраты времени. Даже опытный гобеленщик вырабатывает в среднем всего лишь около 30 квадратных сантиметров в день, или около одного квадратного метра в год.

работавших на Шпалерной мануфактуре. Ученик Иван Кобыляков «с 1719-го году работал с мастером Филиппом Бегаглем шпалеру Полтавской баталии, да один работал шпалеру, именуемую Купидим (т. е. Купидон), вышиною в аршин, шириною 13 вершков». О своем искусстве Кобыляков сообщает следующее: «И вышеписанную работу работал: на стану основу с принадлежащим навивал, шелковые и гарусные колеры сам без мастера прибирал, смотря по примеру картин, какие присланы будут с цветами и лицами, и может помянутую работу, смотря на картину и какая-б дана ни была, делать и колеры прибирать и все нюансы собирать и пробы для крашения давать». Ученик Григорий Ежиков «с 722-го по 723-й год работал один шпалеру, на ней девица играет в гусли, высота аршин, ширина три четверти аршина. Шпалеру всяких скотов, высота два аршина с четвертью, ширина аршин с половиной». . . и т. п. Всего рассматриваемые архивные дела сохранили нам имена 17 первых наших шпалерных мастеров, носивших тогда звание «учеников», с точным перечислением вытканых ими шпалер и показанием, какой степени мастерства каждый из них достиг.

Мастера французы не обнаружили рвения в работе и плохо выполняли обязательства обучать русских учеников. По предложению директора Шпалерной мануфактуры Якова Делейна, они все, за исключением Бегагля, были уволены. Бегагль предложил новый контракт, в котором обещал в течение 5 лет обучить «до совершенства» всех русских учеников. Предложение Бегагля было принято, и он остался единственным руководителем всех русских учеников. В это время (1723 г.) таких учеников было всего 7 человек. Учитывая это явно недостаточное количество, Мануфактур-Коллегия постановила набрать еще 12 человек «грамоте умеющих молодых ребят». Вместе с тем для них была выработана новая система оплаты труда. Было постановлено назначать сперва всем вновь принятым ученикам равную заработную плату — по 2 рубля в месяц, затем, по аттестации мастера, «прибавливать к их окладам по полтине на месяц, даже до 5-ти рублей кто совершенней обучитца, чтобы, видя такое награждение, больше к науке имели прилежания».

Кроме основного ткацкого производства, при Шпалерной мануфактуре было оборудовано красильное отделение. В нем производилась окраска шерсти, гаруса, шелковых нитей. Хорошие «шпалерные мастера» владели обычно обоими видами искусства, т. е. и ткацким и красильным. Но иногда разделение труда и здесь достигало некоторой специализации. В первый период существования Шпалерной мануфактуры, при наличии сравнительно большого числа иностранных мастеров, мы встречаем, например, здесь особых «шелкового» красильщика и «шерстяного» красильщика, пока в 1719 г. все красильное производство не было поручено одному мастеру — Христофору Михальсу

(Михельсону). Число учеников у Михальса колебалось от 3 до 6 человек. К 1725 г. в штате «красильного дела» числились, кроме мастера, один подмастерье — Петр Бенсон (с жалованьем 5 рублей в месяц) и три ученика (с оплатой от 1 рубля 75 копеек до 3 рублей в месяц).

Помимо квалифицированной силы красильня обслуживалась и чернорабочими. Сохранилась любопытная челобитная «Шпалерной мануфактуры красильного дела дроворуба» Филата Кадышева. Кадышев жалуется, что получает всего 1 рубль 30 копеек в месяц, «а работа весьма не склонна... и того жалованья не токмо что на одежду и обувь употребить, но и пропитание с немалым недостатком имеет, и всегда де бывает в мокроте и при огне и от того весьма платье и обувь носится необычайно». Главный интерес этой челобитной — в ее заключительной части, в которой Кадышев просит перевести его в ученики красильного дела: «А ныне возымел охоту, чтоб быть и обучаться красильному делу, понеже хотя при рубке дров и при носке воды пребываю, однакож, смотря на протчих, прилежно обучаюся как красильному и пресованью, так и катанью коломинок, о чем и мастер красильного [дела] весьма известен...». Просьба Кадышева была удовлетворена, и мы встречаем его через несколько лет в качестве одного из способнейших учеников красильного дела.

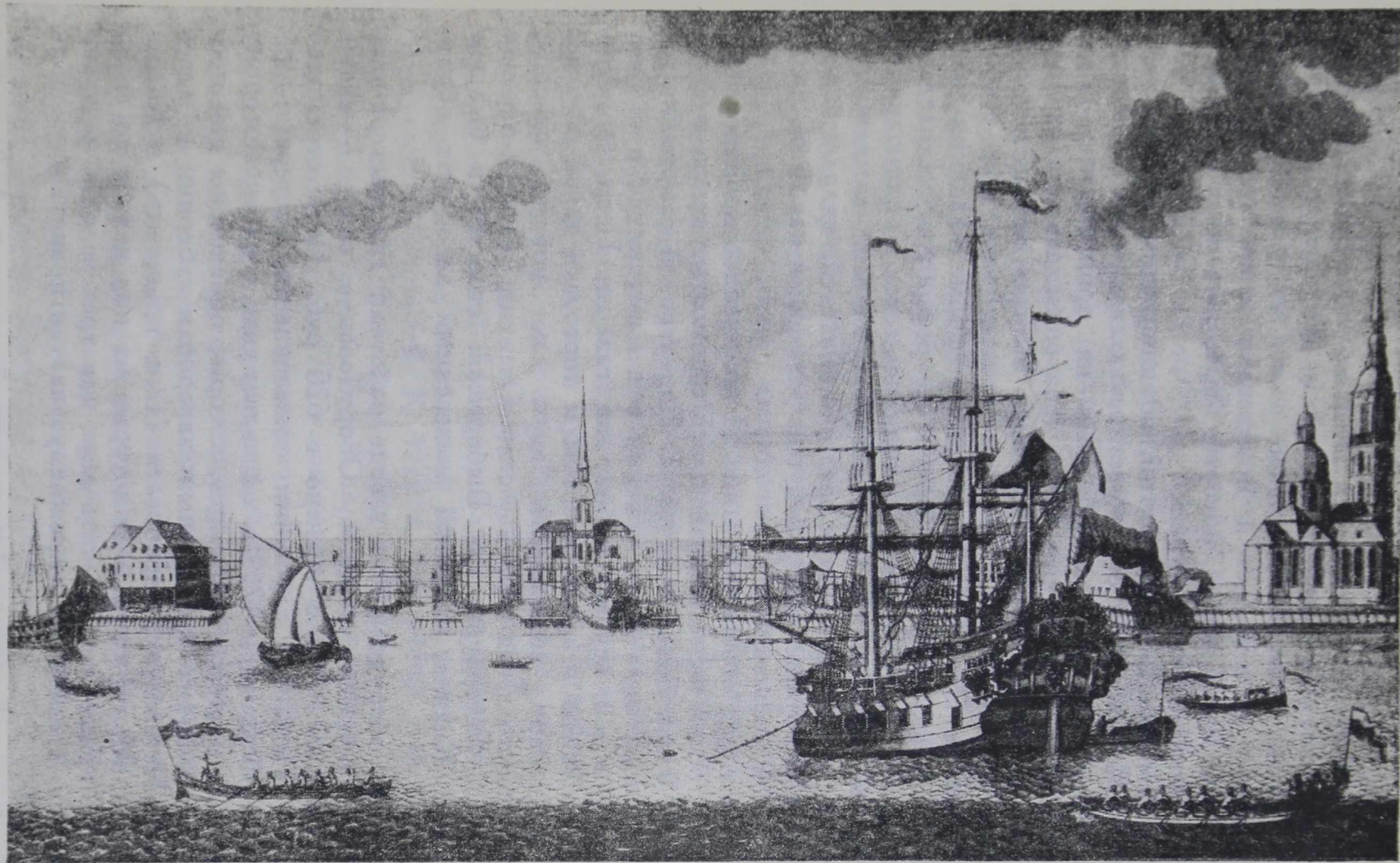
Так постепенно росли на Шпалерной мануфактуре кадры русских мастеров — красильщиков и ткачей. Ткачи проходили школу обучения, начиная с тканья простейших сюжетов и постепенно переходя к более сложным. Сначала их обучали правильно поставить стан и натянуть основу. Затем переходили к тканью «трав и цветов» и «прибирать» к ним «колер к колеру». Следующей стадией обучения являлось умение выткать изображение птиц, животных и целых «ленчафтов» (т. е. ландшафтов). Наконец, переходили к «фигурам и одеяниям». Наиболее трудным было дело тканья нагих человеческих тел, так называемых «карнаций» (от французского carnation). Этого искусства в петровское время не достиг еще ни один русский ученик. Несомненно, что причиной сравнительно медленного освоения учениками всех тонкостей тканья гобеленов являлись сами мастера-французы, не торопившиеся передавать свои знания русским. Об этом на специальном опросе, имевшем место в начале 1726 г., говорят все ученики. Например, Трофим Буйнаков и Михайло Ахманов заявили, что «нынешняя де их работа при прежнем (т. е. против прежнего) гораздо превосходителней, для того, что некоторые колеры могут они и собою (т. е. самостоятельно) прибирать, а могли-б и в суптельных колерах иметь познанье, только де до того не допускает их мастер неведомо для чего». Наиболее, повидимому, способный ученик Иван Кобыляков показал, что «в прошлом 724 г. в фев-

рале месяце зачал он делать с картины шпалеру, на которой изображено Купидон с крылами во одеянии красном, в руке держит стрелы и важные штуки. Оной шпалеры отделано боля половины, хотя мастер во оных штуках к лутчему ему и показывал, токмо малое число. Однако-ж перед прежним в науке познание имеет гораздо искусней, для того, что уже и колеры, нуансы и травы на цветы и на одеяние может все собою прибирать, чего и мастер ему не показывал, кроме карнацей, а и карнацей некоторою часть колеров прибирать собою может-же. А ежели-б мастер безскрытно в толикое время учения ево показал, то-б мог и оное познать в совершенство».

До какой степени медленно подвигалось обучение русских учеников явствует хотя бы из того, что способнейший из них Иван Кобыляков только в 1731 г., т. е. лишь после 12 лет ученичества, подал в Мануфактур-Коллегию прошение о переводе его из учеников в подмастерья.

Как бы то ни было, медленно, с заминками и перебоями, но Шпалерная мануфактура росла, росли и кадры русских мастеров. Еще в петровское время продукция мануфактуры выразилась по крайней мере в четырех больших гобеленах: «Полтавская баталия», «Турецкая баталия с цесарцами», «Шпалера всяких скотов» и «Вирсавия». Кроме того, было выткано около 15 более мелких гобеленов, предназначавшихся главным образом для Петергофского дворца, и множество мелких «столовых» шпалер, «ширм», «настоольный ковер» и т. п.

Кроме Шпалерной мануфактуры, на территории Екатерингофа были расположены и другие дворцовые предприятия, а именно: коломенковая и полотняная фабрики, завод для выделки пудры, плетеночная фабрика и две ветряные мельницы — одна крупяная, другая масляная. Из этих предприятий наиболее крупным была полотняная фабрика. Точное время ее основания неизвестно, но во всяком случае она существовала уже в 1720 г. В 1722 г., наряду с другими дворцовыми предприятиями, она была передана из «Кабинета» в «диспозицию» Мануфактур-Коллегии. Фактически с 1722—1723 гг. дворцовые фабрики утратили свою специфику и превратились просто в казенные предприятия, работающие не только на «дворец», но и на общий рынок. В 1724 г. на Екатерингофской полотняной фабрике числилось 5 мастеров, 4 подмастерья и 130 рабочих разных специальностей, в том числе ткачи, шпульники, бобинщики, прядильщицы и др. Среди прядильщиц было 57 «вольных прялей» и 10 «невольниц». На фабрике было оборудовано 46 станков, из них полотняных — 38, скатертных — 1 и тиковых — 7. Фабрика все время работала в убыток, и в 1727 г. последовало решение передать ее со всем оборудованием и рабочими

Набережная Невы у Адмиралтейства.

Гравюра на меди Еллигера с рисунка Марселиуса. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

в эксплуатацию желающим частным предпринимателям, а в случае отсутствия таковых полностью ликвидировать.

Из числа сравнительно многочисленных дворцовых промышленных предприятий, основанных Петром, лишь Шпалерная мануфактура оказалась жизнеспособной и продолжала существовать еще долгие годы. Все остальные очень быстро ликвидировались. Успешно развивались и процветали лишь те казенные петербургские предприятия, которые были связаны с производством на военно-морские нужды.

Кроме дворцовых предприятий, по инициативе Петра было основано в Петербурге и его окрестностях еще несколько казенных фабрик и заводов, рассчитанных на производство предметов широкого потребления. Их судьба оказалась аналогичной судьбе предприятий дворцовых: очень быстро почти все они перешли в частные руки. Отметим кстати, что, при особом покровительстве Петра «компанейской» форме владения промышленными предприятиями, почти все петербургские частные промышленные предприятия находились не в единоличном владении того или иного лица, а принадлежали «компаниям», составленным из нескольких предпринимателей, вкладывавших в дело свои капиталы, каждый в том размере, в каком он находил для себя возможным и выгодным.

Петр обращал особое внимание на кожевенное производство. До него в России юфть выделывалась с помощью дегтя, и обувь получалась очень низкого качества. Под угрозой самого жестокого наказания, вплоть до лишения всего имущества и ссылки на каторгу или в вечную работу на галеры, Петр запретил выделывать обувь старым способом и торговать такой обувью. Было приказано выделывать юфть по новому способу, применяя вместо дегтя ворвань сало. Очевидно, Петр и основал в 1718 г. в Петербурге на Выборгской стороне, в бывшем дворе А. В. Кикина, казенный кожевенный завод как образцовый.

На вновь оборудованном заводе работали два мастера-иностранца и 6 русских учеников. Оборудование завода — «чаны и инструменты» — было оценено в 620 руб. Петр стремился обеспечить Петербург лучшими кожевенными мастерами-иностранцами. 10 октября 1719 г. он издает указ, согласно которому «кожевенных мастеров иностранцев, которые определены для произведения немецких кожевенных заводов в губернии и здесь при Санкт-Петербурге, апробовать (т. е. проверять) в Коллегии Берг- и Мануфактур... и которые из них явятся во своем художестве лучше, тех оставить двух или трех человек на здешних заводах, а прочих, по прежнему указу, отправить в губернии немедленно».

Петербургский казенный кожевенный завод в 1720 г. был передан частной компании во главе с Ильей Исаевым. Изве-

ственный купец Илья Исаев занимал в Петербурге должность вице-президента Главного магистрата, и потому неудивительно, что ему удалось добиться для возглавляемой им компании особых преимуществ. Компании был безвозмездно передан бывший Кикинский двор со всеми жилыми и заводскими постройками и с оборудованием, а кроме того, была выдана из казны ссуда в размере 5 тысяч рублей сроком на пять лет. Этот кожевенный завод явился, между прочим, «своего рода школой ученичества». Выучившись «новоманерной» выделке кож, русские ученики посылались на другие предприятия в качестве уже специалистов-мастеров. Так, летом 1722 г. с этого завода, «по прошению», были «отдаваны за мастеров на кожевенные заводы» Жукова и Симонова 12 человек бывших учеников.

Кроме кожевенного завода Ильи Исаева «с товарищами», в конце 1724 г. в Петербурге начал строиться завод «лосиных и козлиных и оленьих кож», основанный иноземцем Христианом Лоренцом. На заведение этого завода Лоренцу была выдана из казны ссуда в размере 100 рублей сроком на три года. Работать завод начал с 1725 г.

В 1718 г. московскому купцу Павлу Вестову было предложено правительством завести в Москве на «компанейских» началах сахарный завод. Вестов с компаньоном своим Еремеем Кизелем предпочел строить сахарный завод не в Москве, а в Петербурге, очевидно потому, что сырьем для выварки сахара являлся тогда «сахар-сырец» (масса из тростникового сахара), привозить который необходимо было из-за границы, и доставка его морским путем прямо в Петербург удешевляла бы стоимость производства. Вестову удалось получить для постройки завода удобное место на Выборгской стороне на берегу нынешней Большой Невки, вблизи от казенных пеньковых амбаров, где была оборудована казенная пристань для прихода иностранных кораблей. К 1720 г. постройка была закончена, и с 14 июня 1720 г. завод начал работать.

Вестов получил от Берг-Коллегии, в ведении которой завод тогда находился (в 1723 г. он перешел в ведение Мануфактур-Коллегии), грамоту, уполномочивающую компаньонов выписать из-за границы мастеров-специалистов по выварке сахара, а также набрать русских учеников «свободных, а не крепостных и не беглых солдат и матросов» по вольному найму. Набранные ученики закреплялись за заводом Вестова на 7 лет, по истечении которых заводоладелец обязан был в случае желания ученика уйти с завода выдавать ему «отпускные письма». В течение этих 7 лет заводоладелец обязывался обучать всех русских учеников искусству сахароварения «безскрытно», т. е. не утаивая никаких секретов производства. В ограждение от конкуренции, правительство обещало Вестову запретить ввоз в Россию готового сахара из-за границы с того времени, «как

завод умножится», но вместе с тем компаньонам было вменено в обязанность выделывать сахар по качеству не хуже заграничного и продавать его по ценам не только не выше прежней рыночной цены, «но еще с некоторою и уступкою, понеже в работниках и в протчем в России дешевле заморского». На заводе имелось 20 тысяч «глиняных немецких фурм» и 20 тысяч глиняных же «немецких» горшков, «во что сахар льют», «да 60 инструментов, а именно ложки, лопатки, печи железные, глина заморская и протчье», 12 больших и 35 малых медных котлов, «в которых варят леденец сахар». Весь этот инвентарь оценивался компаньонами в 3730 руб. Личный персонал завода был весьма невелик. В 1722 г. он состоял из двух мастеров-иностранцев, из четырех подмастерьев, иностранцев же, и из восьми русских вольнонаемных «работных людей», получавших заработную плату в размере по 36 рублей в год. В 1725 г. заводо-владельцы указывали, что завод может давать до 7 тысяч пудов сахара в год, но фактически вываривалось всего лишь 600 пудов в год, так как оставался нераспроданным сахар, выделанный ранее.

В 1717 г. одновременно в Москве и Петербурге была основана «Штофных и прочих шелковых парчей мануфактура». Основателями ее являлись объединившиеся в компанию три представителя высшей знати Петербурга. Это были президент Адмиралтейств-Коллегии граф Федор Матвеевич Апраксин, президент Коммерц-Коллегии Петр Андреевич Толстой и вице-президент Коллегии иностранных дел подканцлер барон Петр Павлович Шафиров. Для устройства фабричных помещений казна пожаловала этой компании дома в Петербурге и Москве. В Петербурге компаньоны получили каменный дом генерал-фельдмаршала князя Голицына. Вместе с тем компаньонам, или «интересентам», как они тогда назывались, было выдано от казны огромное денежное пособие — 36 672 рубля (правда, они сами вложили в дело собственный капитал в 57 837 рублей). Кроме всего этого, «интересенты», в целях обеспечения сбыта будущей продукции своей мануфактуры, добились получения от правительства полной монополии в производстве шелковых материй, бархата, парчей и штофов и запрещения ввозить эти материи из-за границы. Основное предприятие с сотнями рабочих развернулось в Москве, в Петербурге же существовал лишь весьма скромный филиал. Повидимому, сиятельные «интересенты» не сумели повести дело с коммерческим расчетом и уже в 1721 г. приняли в свою компанию московских купцов, а именно Матвея Евреина «с товарищами», всего 8 человек. Очень скоро эта купеческая часть компании стала подлинным хозяином дела, и в 1724 г. титулованные «интересенты» вовсе вышли из компании, забрав обратно свои капиталы.

Петр требовал, чтобы новый город обстраивался камен-

ными, а не деревянными домами. Отсюда его заботы об устройстве вокруг Петербурга кирпичных заводов. Все губернии по особой разверстке были обязаны выделить и прислать в Петербург специальные денежные суммы для оборудования петербургских кирпичных заводов. В 1713 г. для этой цели было собрано свыше 50 тысяч рублей.

Среди архивных материалов сохранилось письмо заведующего адмиралтейским кирпичным и черепичным заводом в Стрельне князя Юрия Щербатова от 28 июня 1713 г., адресованное стоявшему во главе Адмиралтейства графу Ф. М. Апраксину. Письмо это дает яркое представление о рабочей силе и о ходе работ в первый год существования завода.

«Милостивый мой государь, батька Федор Матвеич.

Доношу милости твоей: к нам на заводы по нижеозначенное число присланы из Адмиралтейства работные люди 530 человек, а люди, государь, зело худы и бегут. И в том числе присланы и названы кирпичниками Архангелогородецкой и Воронежской губерней 82 человека, а прямых кирпичников, вологодских каменщиков, прислано 10 человек, они и кирпич делают и печи кладут; да воронежских 5 человек. А протчие, которые названы кирпичниками, некоторой в руки взять не умеет, всех [их] учат. Я было велел принудить, чтоб делали по 300 кирпичей на день, и неумеющих кирпичников побежало 19 человек; и я, государь, приказал учить посошен (т. е. принудительно мобилизованных «по сохам» крестьян) и посошен побежало по се число 80 человек. А на заводах у нас сделано черепицы кривой 90 000, да прямой новой манеру 10 000. Галанцом зделана печь (т. е. печь для работы по голландскому способу) и обжигают черепицу; да у кафельного мастера, который учит делать черепицу, зделан сарай в 50 сажень, да печь на черепицу и над нею сарай; и всего зделано черепичных 3 печи и над ними сарай, да в старых сараях зделано кирпичных 3-ж печи, итого черепичных и кирпичных 6 печей, а вновь делают, только, государь, медленно. Каторжных каменщиков прислано из Адмиралтейства 7 человек, и ис того числа бежал один человек да 3 человека свободных каменщиков, и делают зело медленно, а время уже проходит, а мне, государь, поспешить некем; также и кирпичное дело зело медленно делаетца, для того, что мастеров добрых нет; а кирпичю, государь, зделано 220 000, и ис того числа делают обжигательные печи».

По видам производства петербургские мануфактуры были крайне ограничены. Широкий городской рынок отнюдь не мог бы удовлетворить и малую часть своих потребностей продукцией петербургских мануфактур. Удовлетворялись потребности широкого потребителя промышленными изделиями многочисленных

петербургских ремесленников. Что таких ремесленников было действительно много, явствует хотя бы из следующего факта. Когда Петр в 1722 г. решил ввести в Петербурге цеховую организацию ремесленников, то ему сразу же пришлось наметить 44 различных цеха. Здесь мы встретим и портных, и сапожников, и шапочников, и рукавичников, и пуговичников, и шубников, и медников, и паяльщиков, и котельников, и слесарей, и столяров, и каретников, и маляров и т. д. и т. п.

Но, несмотря на преобладание ремесла над мануфактурой, в области производства товаров широкого потребления петровский Петербург с его мощными по тому времени корабельными верфями и Арсеналом, с непрестанно развивающимся портом, с его теснейшими связями с Западной Европой переставал быть феодальным городом старого типа и превращался в новый город-порт.

И. И. Любименко

ТОРГОВЛЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Московское государство, отрезанное от моря политикой своих западных соседей, истощавшееся в тяжелой борьбе с ними, не могло не запоздать в развитии своих производительных сил. Однако создание всероссийского рынка, относимое В. И. Лениным к XVII в., было свидетельством экономического роста Московского государства. В царствование Петра Россия делает большой шаг вперед, создает на базе заложенных еще в Московской Руси основ могучее государство.

Строительство этого нового государства, тяжелые войны, на которые во времена Петра расходовалось $\frac{4}{5}$ бюджета, требовали от правительства пристального внимания к экономике, а от народа большого напряжения сил. Создание новой промышленности, открытие для русских товаров новых торговых путей (прежде всего через Балтику) являлись настоятельно и срочно необходимыми.

Господствовавшее в то время в Европе меркантилистическое учение придавало огромное значение развитию внешней торговли, созданию выгодного торгового баланса — превышению вывоза над ввозом. Петровская Россия не осталась чужда этому направлению. Идеи меркантилизма прочно владели умом Петра и тех его сотрудников, которые вместе с ним стремились к поднятию производительных сил страны на высшую ступень. Однако крепостническая основа экономики России оставалась неизменной, и это приводило к замедлению темпов ее развития.

До начала XVIII столетия России приходилось в качестве морского порта довольствоваться далеким Архангельском. Этот северный торговый путь мог быть использован только в течение летних месяцев, при чем парусные суда шли из Архангельска в Голландию или Англию многие недели, а иногда и месяцы. Больше одного рейса в год обычно не делалось. Часто англий-

ские и голландские суда терпели кораблекрушения на этом долгом кружном пути. Подвоз русскими людьми товаров на дальний Север был также нелегко и далек.

Основным преимуществом северного плавания иностранцы считали безопасность своих судов от нападений шведов — главных конкурентов Московии при вывозе особо ценившихся корабельных товаров: мачтового леса, пеньки, дегтя, парусины и пр. С победами Петра над шведами это преимущество отпадало, а промышленные успехи, достигнутые Россией в первой четверти XVIII в., властно требовали скорых и удобных торговых сношений.

Сопоставляя цифры петербургского вывоза 1718 и 1726 гг., мы наблюдаем исключительно быстрый рост нового порта: пеньки и сала вывозится в 3 раза больше, вывоз льняных тканей увеличивается в 14 раз, вывоз железа — в 27 раз, а юфти — в 205 раз. Особенно характерен тот факт, что предметы ранней русской промышленности быстро догоняют издавна вывозившееся сырье, составляя к 1727 г. половину всего вывоза.

Минусом внешней торговли в петровское время являлось предоставление активной роли в ней иностранцам. Не обладая теми большими запасами золота и серебра, которые так щедро притекали в Голландию и Англию в результате их заокеанской торговли и колониального грабежа, русское купечество не могло еще накопить достаточных капиталов. Недаром же Петр стремился втянуть в торговлю даже дворянских «кадетов», т. е. младших сыновей. Само русское правительство использовало свободные деньги и суда преимущественно на нужды Северной войны, хотя прекрасно понимало, как нужны они были для развития торговли. Петр, очевидно, считал, что надо сначала окончательно и прочно утвердиться на Балтике, а затем уже всемерно использовать экономические результаты нового положения. Военной же обстановкой в значительной мере приходится объяснять хорошо известные скачки и колебания в правительственной экономической политике, переходы от монополий к свободе торговли, колебания в установлении таможенных тарифов и т. п. Новая политика отмены монополий, поощрение русских купцов, ограничение прав иностранцев не могли дать сразу положительных результатов. Выгоды не подлежали сомнению, но должны были сказаться постепенно, могли даже быть оплачены кратким периодом финансовой депрессии, а деньги нужны были срочно, ежегодно, ежемесячно для продолжения тяжелой борьбы. Торговлю надо было развивать, новый торговый путь надо было осваивать во что бы то ни стало, но в выборе средств, в установлении сроков приходилось все время оглядываться на первоочередные требования войны.

М. Д. Чулков — один из первых авторов, проявивших интерес к петербургской торговле, — писал о Петре: «Самое главное

его намерение состояло в том, чтобы государство свое учинить яко неким общим пристанищем коммерции». Стремление собрать «рассыпанную храмину купечества» и заменить беломорский торговый путь балтийским, Архангельск—Петербургом, проявилось уже с первых шагов основания столицы.

Правда, до Полтавской победы вряд ли кто-либо за границей верил в утверждение России на Балтике. К тому же Северная война чрезвычайно затрудняла балтийское судоходство, а Петербургу в первые годы после своего основания приходилось отбиваться от наседавших на него шведов. Все же делались весьма упорные усилия договориться с иностранными державами о петербургской торговле.

После взятия Ниеншанца за границу было сообщено о закладке нового города и порта на Балтике и обещана награда первым прибывшим в него кораблям. К осени 1703 г. относится прибытие в Петербург первого иностранного — голландского — судна. Представителям России за границей поручалось информировать иностранные дворы не только об основании новой столицы, но и о желании царя завести через ее порт торговые сношения с европейскими государствами. Уже в 1704 г. А. А. Матвеев сообщил из Парижа, что корабли из России могут рассчитывать во Франции на хороший прием, а в 1706 г. тем же Матвеевым была заключена коммерческая конвенция с Францией, не давшая, впрочем, серьезных результатов. Как уже указывалось, балтийская торговля была важна для западных государств как средство вывоза с севера сырья и особенно корабельных товаров: мачтового леса, пеньки для канатов, дегтя для их осмоления, парусины для парусов. Потребителями их являлись в первую очередь голландцы и англичане. Так как вывоз этих громоздких товаров требовал большого тоннажа, то они же снабжали ими другие европейские государства, более бедные судами. Не удивительно поэтому, что английский корабль был вторым, появившимся в Петербурге уже в 1704 г., и что уже в 1705 г. английский представитель Чарльз Уитворт усиленно хлопотал перед русским правительством в пользу издавна торговавшей в России «Московской компании» англичан, представителем которой являлся консул Гудфелло.

Прежде чем говорить о торговой деятельности купцов в Петербурге, следует ближе ознакомиться с экономической политикой русского правительства, с его деятельностью по организации торговли новой столицы.

Когда Маркс называл устье Невы «естественным выходом» России для сбыта ее продукции, то он этим подчеркивал значение Петербурга в развитии русской торговли. Если это значение хорошо понималось не только Петром, но и некоторыми его сподвижниками (например, А. И. Остерманом, Федором Салтыковым), то все же такое понимание не было

и не могло еще быть тогда всеобщим. Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин предостерегал царя, что его затея перенесения торговли в Петербург приведет его «к вечным неосушаемым слезам»; многие русские купцы утверждали, что замена беломорской торговли балтийской разорит русское купечество. Голландцы упорно держались за Архангельск; английский представитель также высказывал Петру сомнения в осуществимости торговли через Петербург.

Вопрос «Архангельск или Петербург» был в петровское царствование жгучим вопросом. За архангельскую внешнюю торговлю говорила полуторавековая традиция, создавшая проторенные пути подвоза и прочные торговые связи. Они должны были быть вдруг грубо нарушены в пользу Петербурга, как казалось многим, по капризу царя, по мало понятному пристрастию его к новому «парадизу», окруженному пустынной, болотистой местностью с трудными, неосвоенными подъездными путями. К природным неудобствам присоединилось, правда временное, но длительное дополнительное затруднение — русско-шведская война. Имело ли смысл осиливать с великим трудом природные препятствия, когда в любое время можно было ожидать нападения неприятеля и конфискации им судов и товаров?

Но ход событий все дальше уводил новую Россию от старого архангельского порта. Чем более приближалась окончательная победа России над Швецией, тем неизбежнее становилась необходимость переключения русской внешней торговли на новый путь.

Уверовав в пользу своих мероприятий, Петр проводил их порой жестко, не считаясь с временными индивидуальными интересами и потерями. Законодательная деятельность его в пользу петербургской торговли относится главным образом к последним восьми годам войны, когда всякая опасность для новой столицы не только военного, но и дипломатического вмешательства миновала в связи с укреплением международного веса России. 5 ноября 1713 г. был издан указ о привозе товаров из ближних городов в Петербург, а не в Архангельск, а таких товаров, как пенька и юфть, — отовсюду исключительно в Петербург. В 1716 г. последовал приказ о вывозе через Петербург не менее $\frac{1}{6}$ всех товаров, отпускаемых за границу.

В этом же году четыре соединенных флота: английский, голландский, датский и русский — должны были под командой Петра выступить против шведов и прекратить их пиратство на Балтике. Рассчитывая на дальнейшую безопасность балтийской торговли, царь приказал в 1718 г. $\frac{2}{3}$ товаров вывозить через Петербург и лишь $\frac{1}{3}$ через Архангельск. Однако эта мера оказалась слишком крутой, и в следующем году на долю Петербурга определена была лишь $\frac{1}{3}$ товаров.

В эти годы Архангельск безусловно еще сохранял первен-

ствующее значение. За 1717—1719 гг. он принимал в среднем по 130—140 судов, а Петербург всего 52. Если в первые годы существования Петербурга Петр прибегал к насильственному переселению купечества различных городов в новую столицу, то в 1719 г. он счел за лучшее разрешить возвращаться обратно тем купецким людям, дела которых в Петербурге шли плохо. Эта поправка совпала с критическим моментом русско-шведской войны, когда Россия была покинута своими союзниками.

Портрет Петра Первого.

Миниатюра на эмали работы Г. Мусикийского. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

Сведения о росте петербургской торговли в этот период довольно разноречивы. Не подлежит во всяком случае сомнению, что предпринимавшиеся до 1718 г. в пользу Петербурга меры не остановили роста архангельской торговли, а, вероятно, лишь несколько замедлили его. Если переселенные из Архангельска в Петербург купцы иногда разорялись и охотно возвращались обратно, то купцы соседних с новой столицей Новгородской и Псковской областей в 1718 г. сами ходатайствовали о разрешении везти свои товары в Петербург.

Внешняя торговля через Архангельск к началу царствования Петра (до основания Петербурга) исчислялась еще в 1697—1702 гг. в сотнях тысяч рублей для вывоза и в десятках тысяч для ввоза. Однако за последовавшее 15-летие произошел очень значительный сдвиг. Для периода 1717—1719 гг. А. Семенов дает средние цифры архангельского вывоза

в 2 344 185 рублей серебром, а ввоза — в 597 594 рубля серебром. Если принять во внимание данные М. Чулкова для 1710 г., придется отнести значительный рост торговли уже на предшествовавшие годы, так как с 1710 по 1718 г. она более чем удвоилась. В те же 1717—1719 гг. вывоз из Петербургского порта выражался всего в 268 590 рублей, а ввоз—в 218 049 рублей, т. е. вывоз по сравнению с Архангельском был еще ничтожен. Бросается в глаза разница в соотношении ввоза и вывоза в Архангельске и в Петербурге. В Архангельске вывоз был выше ввоза почти в 5 раз, тогда как в Петербурге цифры ввоза и вывоза довольно близки друг к другу. Очевидно, вывоз шел еще главным образом из старого северного порта, но в столицу уже привозились в достаточном количестве дорогие заморские говары, потребляемые верхушкой петербургского общества.

К 1726 г. соотношение коммерческого значения Петербурга и Архангельска резко изменилось. Отпуск из Петербурга поднялся до 2 403 423 рублей, тогда как для Архангельска он упал до 285 387 рублей. Ввоз в Петербург поднялся до 1 549 697 рублей, а в Архангельске равнялся всего 35 846 рублям. Эти цифры убедительно показывают полное изменение путей внешней торговли России после окончания Северной войны и быстрый рост торгового значения Петербурга.

Перевод внешней торговли с беломорского на балтийский путь должен был вызвать на первых порах экономический упадок не только Архангельска, но на короткое время и Москвы, получавшей через него товар. Фокеродт указывал, что петербургская торговля позволит иностранным купцам не содержать уже двух торговых домов — в Архангельске и Москве, а заменить их одним — петербургским. Важным преимуществом нового порта он считал также большую близость его к Западной Европе, что облегчит денежное обращение, а более мягкий климат позволит делать два торговых оборота в год (ганзейские купцы, действительно, приезжали в Новгород два раза — весной и осенью). Минусами новой торговли Фокеродт считал дороговизну петербургской жизни и претензию Дании на взимание транзитной зундской пошлины. Если часть московского купечества временно пострадала от перенесения торговли из Архангельска в Петербург, то мы увидим, что вскоре оно сумело вознаградить себя, приняв весьма активное участие в петербургской торговле. Морские державы неприязненно отнеслись к появлению России на Балтике. Чем больше военных и особенно морских успехов одерживал Петр, тем больше настораживались правительства Англии и Голландии; голландские дипломаты и коммерсанты не раз высказывали надежду на то, что в случае смерти Петра столица будет перенесена обратно в Москву, и Петербург захиреет. На самого Петра надежды в этом смысле были потеряны. В самые критические моменты

войны он упорно держался за Петербург. Между тем Англия еще в 1719 г. при договоре с Швецией подчеркивала необходимость, «чтобы море не находилось в произвольной власти московского царя». 27 мая 1720 г. французский резидент в Петербурге Лави писал, что английский король Георг I скорее рискнет потерять корону, чем оставит недоконченным вытеснение русских с балтийских берегов.

Маркс в «Секретной дипломатии XVIII века» приводит интереснейшие данные о попытках английского правительства и части английского общества уже в 1700 г. противодействовать политическому и экономическому упадку Швеции и росту русского влияния на Балтике.

Однако с заключением Ништадтского мира Англии пришлось помириться с новой ролью Петербурга в балтийской торговле и лишь мечтать о запусчении его в случае смерти Петра. В 1722 г. русское правительство запретило возить товары к Архангельску отовсюду, за исключением ближайших к нему областей. В результате в 1723 г. было привезено в новую столицу великое множество товаров. Архангельская торговля начала действительно быстро падать, а петербургская — расти. Если в Архангельск в 1716—1720 гг. входило в среднем 142 иностранных судна в год, то для 1721—1725 гг. эта цифра упала до 50, т. е. уменьшилась почти в 3 раза. Зато Петербургский порт, принявший в 1720 г. всего 75 судов, увеличил это число в 1722 г. до 119, а в 1724 г. — до 240. Таким образом, в последний год жизни Петра один Петербург, не считая других балтийских портов, принял почти в 5 раз больше судов, чем Архангельск. Жгучий вопрос «Архангельск или Петербург» был решен в пользу новой столицы.

На очередь становилась теперь следующая задача: вырвать инициативу в русской торговле из рук иностранцев. Но при недостатке коммерческих судов и русских моряков, при еще мало развитой частной торговой предприимчивости, чему в значительной мере мешала политика правительственных монополий, этой цели невозможно было скоро достигнуть. Известны отдельные попытки активизации русской торговли с заграницей: посылки русских судов с товарами во Францию, Италию, Испанию, организация торговых компаний. Но они были еще единичными и разрозненными; к тому же как раз балтийская торговля менее всего являлась полем таких опытов.

Как средоточие внешней торговли петровской России, Петербург стал местопребыванием тех учреждений, которые должны были помочь организовать по-новому русскую торговлю. Среди основываемых коллегий нашла место и Коммерц-Коллегия, учрежденная в 1716 г. и окончательно оформившаяся в 1718 г. Она должна была иметь попечение о строительстве купеческих кораблей и о торговых делах таможни, наблюдать, «где российские

товары могут быть с большей прибылью проданы» и «откуда» государству потребные товары из первых рук и дешевле можно купить». Любопытно провозглашение в уставе новой коллегии принципа свободы торговли: «не дозволять никакие монополии или откупа товаров к предосуждению общей пользы, но предоставить каждому свободный торг и выезд в другие государства». Президентами Коммерц-Коллегии были: граф Апраксин (1716—1718), Толстой (1719—1722) и гвардии капитан-лейтенант Бутурлин (1722—1728).

Коммерц-Коллегия явилась высшей инстанцией над созданными для непосредственного наблюдения за городским хозяйством (куда вошла и торговля) магистратами, в том числе и над петербургским. В магистраты вошли выборные от купечества «лучшие люди», получившие названия бургомистров и ратманов. Петербургский магистрат был помещен на Петербургском острове, т. е. на нынешней Петроградской стороне, на берегу Малой Невы. В его составе имелось 6 высших начальников, 22 приказных и 13 низших служащих. Участие купечества в управлении должно было привести к столь нужному повышению активности торгующего сословия, пробудить в нем инициативу и стремление к коммерческому сотрудничеству. Наряду с этим правительство стремилось к расширению круга торгующих, рекомендуя торговлю дворянским кадетам и даже проектируя предоставление возможности «всякого чина людям торговать всеми товарами везде невозбранно».

Деятельность выборных от купечества не ограничивалась в Петербурге магистратом. Коммерц-Коллегии предоставлялось «в потребных случаях с знатнейшими и искуснейшими купцами в делах, касающихся торговли, совещаться». Из других городов вызывались в столицу самые именитые купцы на различные совещания. В 1711 г., например, приглашались сюда «по случаю составления торгового устава» люди, «осведомленные о купеческих делах по Москве, у города Архангельска и в иных городах». Усиленно поощрялась постройка и покупка коммерческих судов, годных и для морского плаванья.

Если в Москве на царской казенной торговле вырос заправлявший ею и обогащавшийся за ее счет круг именитых «гостей», исполнявших и роль царских приказчиков, то в Петербурге дело обстояло несколько иначе.

Сохранились довольно подробные сведения, относящиеся к 1725 г., о торговавших в Петербурге русских купцах. Они дают итог коммерческого развития Петербурга к концу царствования Петра. До нас дошел список 122 торговавших в столице купцов с указанием их местожительства. Из этого списка можно извлечь следующие данные. В Петербурге торговали купцы из самых различных русских городов, при чем петербуржцы еще далеко не играли в этой торговле первенствующей

роли. На первом месте стоят москвичи, которых можно насчитать 27 человек, за ними идут ярославы в числе 23, петербуржцев же всего 18 человек; к тому же многие из них, повидимому, лишь временно жили в новой столице. Далее идут ростовчане, каргопольцы, калужане, туляки и др. Любопытно, что ближайшие к Петербургу города — Новгород и Тверь — дают очень малые цифры: Тверь — трех купцов, а Новгород — всего одного. Петербургские купцы вели в 1725 г. довольно крупную торговлю пенькой, льном, салом, кожами, воском, холстом. Из них укажем на имена вице-президента Петербургского магистрата Илью Исаева, Ивана Микляева, Андреяна Болотина, Ивана Веселовского, Ивана Дмитриева, Матвея Евреина. Любопытно отметить, что Илья Исаев считался и московским купцом. Это был очень энергичный коммерсант, много работавший с 1712 г. по организации торговли в завоеванной Петром Риге. В 1721 г. он был назначен в Петербург в помощники президента Главного магистрата князя Ю. Трубецкого и вместе с ним занимался организацией магистратов. Исаев привлекался и к работе над составлением тарифа, впоследствии он был назначен президентом Коммерц-Коллегии.

В столичной коммерческой жизни видную роль играло иностранное купечество — сначала голландское, позднее английское. В «Петербургских ведомостях» от 1719 г. отмечался приход 15 голландских судов, 7 любекских, 5 английских, 4 гданских (т. е. данцигских), 1 венецианского и 1 гамбургского. Если число английских судов было в 3 раза меньше числа голландских, то это отчасти объясняется тем, что 1719 г. был годом напряженных англо-русских отношений, когда Англия изменила России и заключила сепаратный мир с Швецией. Английские купцы имели естественное основание опасаться приезжать при таких условиях в Россию. Известно, что в 1720 г. Петр счел нужным издать особый указ, поощрявший такой проезд и обязавший не взыскивать вину английского правительства на его купечестве. Ход был сделан правильный и достиг своей цели. Английского посла в Петербурге не было, но английские купцы продолжали приезжать в русскую столицу, вывозить русские товары, пользуясь покровительством царя.

Интересна роль английского купца Стайльса, о котором английский посол Уитворт писал в 1708 г., что он больше заботится о выгодах русского двора, чем о выгодах Англии. Принимая у себя Петра, пользуясь покровительством Меншикова, он получал различные вывозные монополии и даже снабжал русскую армию порохом. Торговые операции англичанина Гарцина были также очень значительны. В 1708 г. он получил от своих заграничных корреспондентов товаров и иностранных денег на 156 000 рублей, а русских товаров заказал в одной Казанской губернии на 102 000 руб. Для своих

операций он построил в России три фрегата. Торговавший иногда в компании с англичанами голландец Любс покупал демидовское железо и привозимые в Россию из Персии товары. Купцы Южной Европы получали русские товары почти исключительно от англичан.

Английский вывоз русских товаров за время с 1705 по 1715 г. поднялся с 142 134 фунтов стерлингов до 241 876 фунтов стерлингов, т. е. почти удвоился (один фунт стерлингов равнялся тогда примерно двум-трем рублям). Пеньку и лен вывозили из Петербурга и Риги, сало — из Петербурга и Архангельска, железо — исключительно из Петербурга. В Петербурге вывоз стремились захватить англичане, ввоз же, гораздо менее значительный, находился в голландских руках. Быстрый рост вывоза давал России очень выгодный торговый баланс, упрочивая в то же время положение английского купечества в балтийских портах и особенно в Петербурге, хотя Петр стремился привлечь туда иностранных купцов различных национальностей. В 1706 г. была заключена конвенция с Францией, в 1712 г. — с Венецией, в 1713 г. — с Любеком, в 1714 г. — с Данцигом. Датчане, как давние союзники Петра, высказывали твердое намерение торговать с Петербургом; после заключения Ништадтского мира была возобновлена торговля Петербурга со Швецией.

Попытки Петра при недоразумениях с Англией противопоставлять ей в коммерческом отношении Францию были обречены на неудачу: Франции нехватало для балтийской торговли ни судов, ни капиталов. С XVI в. Англия являлась основным потребителем русских корабельных товаров: пеньки, строевого леса, смолы, поташа, парусины, ибо без этих товаров английский флот не мог развиваться. Вывоз русской пеньки был перенесен при Петре в Петербург. Размеры вывоза пеньки англичанами в 1707 г. определялись в 600—700 тысяч пудов, голландцы же покупали всего около 100 тысяч.

В руках голландцев оставался довольно долгое время ввоз на голландских судах привозились в Петербург не только голландские, но и французские товары — кофе, сахар, вина. Но ввоз увеличивался медленнее вывоза, что свидетельствовало о быстром промышленном развитии страны и в частности Петербурга.

Данные 1726 г. показывают ввоз и вывоз из Петербурга различных категорий товаров к концу интересующего нас времени.

	Вывоз		Ввоз	
	руб.	серебром	руб.	серебром
Припасы (пищевые)	30 442		327 369	
Сырье для обработки	832 503	"	415 710	"
Русские изделия	1 278 841	"	—	"
Иностранные изделия	—	"	789 363	"
Мягкая рухлядь	69 885	"	17 256	"

Интересно отметить, что русских изделий увозилось больше, чем привозилось иностранных.

Помимо прямого торгового значения, Петербург мог иметь еще значение для транзитной торговли. Но попытки Англии, Голландии, Франции наладить через Россию торговлю с Персией, Турцией, Китаем, Индией терпели неудачу. Как известно, сама Россия уже давно вела оживленную восточную торговлю: принимала в Москве восточных купцов, посылала русских купцов через Волгу и Каспийское море на Восток. В XVI в. одни англичане получили временное разрешение вести транзитную торговлю с Персией, но в XVII в. это разрешение не было возобновлено, несмотря на их неоднократные ходатайства. С 1667 г. персидская торговля была на откупе у армян, при чем шелк-сырец, вывезенный ими, должен был оставаться в России. В 1723 г. находившийся в Петербурге французский посол Кампредион сообщал французскому королю о возможности закупки в России шелка-сырца, вывозившегося в то время из Петербургского порта. Отправка в 1723 г. французского судна из Марселя в Петербург давала некоторую надежду на оживление русско-французских торговых сношений. Но Петр не проявлял желания предоставить иностранцам выгоды восточной транзитной торговли. По его мысли, России следовало самостоятельно торговать с Востоком, восточные товары должны были привозиться главным образом в Петербург и оттуда отпускаться иностранцам.

Первый петербургский порт — так называемая Троицкая пристань — возник там, где началось строительство города, на нынешней Петроградской стороне. Порт, биржа, Гостиный двор начали строиться в первый же год основания столицы, т. е. в 1703 г. Интересно, что петербургская биржа старше многих иностранных, например парижской, берлинской. В то время, когда она была заложена, биржи имелись только в Голландии, в Лондоне и в некоторых французских городах (Лионе, Тулузе). Парижская биржа получила свое узаконение лишь в 1724 г., венская была официально открыта в 1771 г., а берлинская — лишь в 1805 г., т. е. на целое столетие позже петербургской. Когда стало усиленно строиться Адмиралтейство, появился порт в конце Миллионной улицы (ныне ул. Халтурина), недалеко от теперешних зданий Эрмитажа. Поскольку уже при Петре возник план превращения Васильевского острова в центр столицы, предполагалось перенесение туда и порта, но это было осуществлено уже после смерти Петра, в тридцатых годах. Тот факт, что порт всегда мыслился в главной части города, говорит о первенствующем значении, которое ему придавалось. Судя по тому, что в портовой таможне (повидимому, Адмиралтейской) число служащих достигло к 1727 г. 153 человек и одних досмотрщиков было 100, надо полагать, что жизнь Петербург-

ского порта была в это время довольно оживленной. При прибытии иностранного судна, рассказывает датский посланник Юст-Юль, шкипер его должен был объявить в таможене имя купца и того лица, которому предназначался привезенный товар. Это лицо уплачивало царю 5 дукатов, а также ластовый сбор, в зависимости от вместимости судна, при чем англичанами было выговорено, чтобы этот сбор не превышал суммы, взимаемой в Лондоне с иностранных судов. Перед свозом товара на берег купец должен был сообщить таможене марку и номер тюков, таможенный чиновник проверял при нем их число, а другой осматривал тюки и записывал их содержание. Сметливые и вороватые приказчики иностранных купцов ухитрялись при этом утаивать часть товара, уменьшая его количество в записи.

Какие товары увозились из Петербурга? Даем сравнительную таблицу вывоза 1718 и 1726 гг.¹

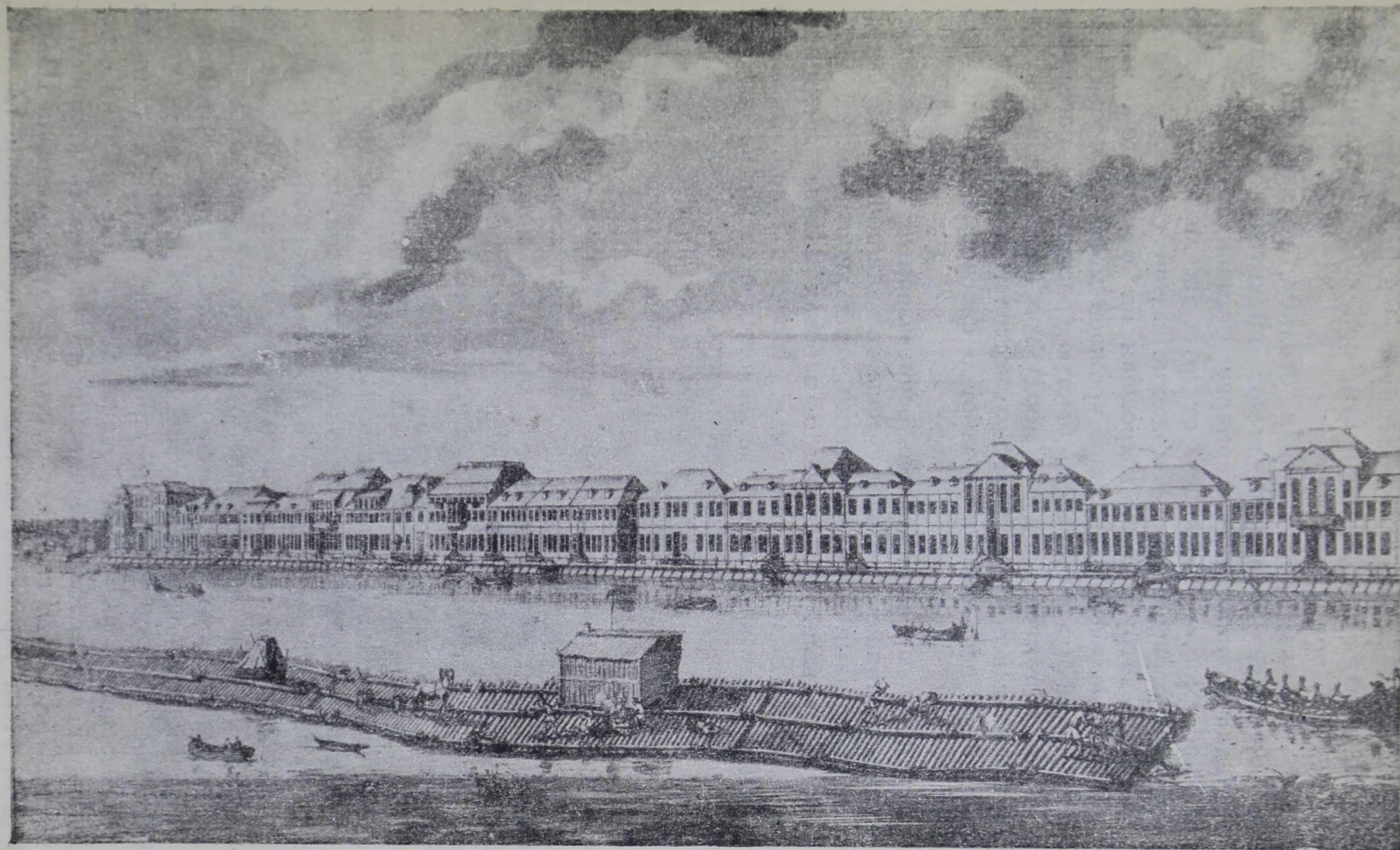
	В 1718 г.	В 1726 г.
Пенька	154 184 пуд.	494 362 пуд.
Сало	7 252 "	25 094 "
Юфть	6 175 "	169 137 "
Лен	3 040 "	58 616 "
Железо	2 000 "	55 149 "
Льняные ткани	672 500 арш.	9 600 307 арш.
Парусина	541 куск.	7 747 куск.
Персидский шелк	—	2 192 пуда

Эти цифры наглядно показывают, каких огромных успехов достигла петербургская вывозная торговля за указанный период времени. Повышение вывоза пеньки и сала в 3 раза приходится считать ничтожным по сравнению с ростом вывоза других товаров, притом главным образом продуктов русской промышленности: льняных тканей в 14 раз, железа в 27 раз, юфти в 27 раз.

Изделия русской промышленности вывозились главным образом из Петербурга. Из Риги их вывозилось всего на 10 тысяч рублей, а из Архангельска почти в 28 раз меньше, чем из Петербурга. Следует еще принять во внимание, что цифры вывоза значительно ниже цифр наличных товаров в Петербурге. Очевидно, вывозились в это время далеко не все товары, находившиеся в таможене.

В последние годы царствования Петра привоз товаров в Петербург был весьма значителен. Ввозились в Петербург ткани шелковые, шерстяные, бумажные и льняные, красильные вещества, кофе, сахар, вина. 51% ввоза падал на готовые изделия, 27% — на предметы, подвергавшиеся дальнейшей обработке, 21% — на жизненные припасы и 1% — на разные товары.

Эти данные позволяют говорить об очень большой перемене, происшедшей в русской внешней торговле к концу петровского

Набережная Невы от Летнего сада до здания Дворцовой Канцелярии.
Гравюра на меди Еллигера с рисунка Марселиуса. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

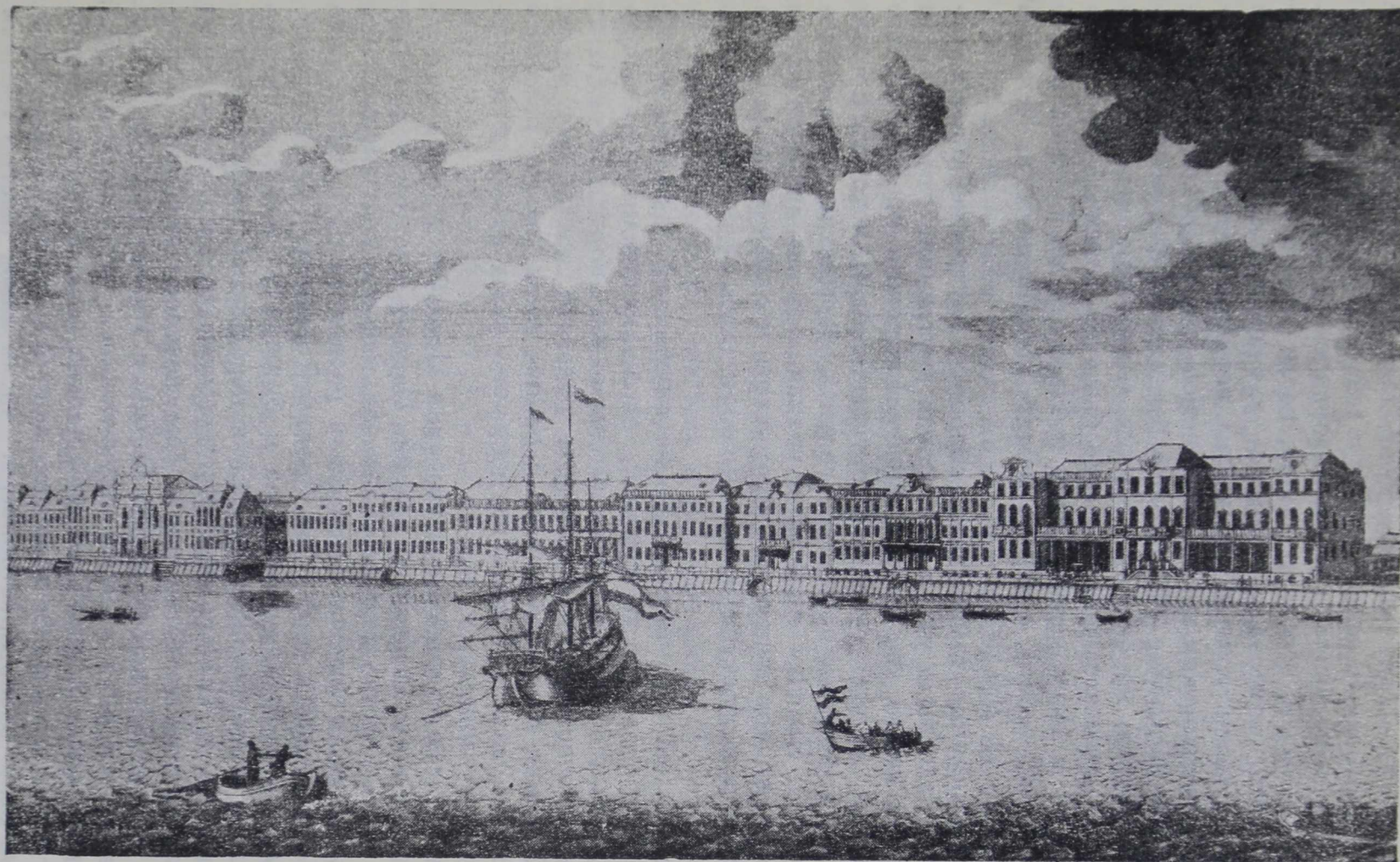
царствования. Если через Архангельск вывозилось в свое время главным образом сырье, а привозились предметы промышленности, то порт новой России — Петербург — наполовину и увозил и привозил изделия промышленности, при чем увозил их значительно больше, чем привозил.

По мере того как росла новая столица, ее население, ее внешняя торговля, в которой вывоз значительно превышал ввоз, доставка товаров к Петербургу становилась все более сложной проблемой, требовавшей от русских людей большого напряжения. Географическое положение новой столицы создавало серьезные затруднения. Выросшая на болотистой, мало пригодной для получения высоких урожаев местности, она уже для одного прокормления своего быстро растущего населения требовала непрерывного подвоза продуктов. Шедшие же в Петербургский порт все в большем количестве товары для вывоза также вызвали необходимость забот о своевременной их доставке.

Естественные многочисленные речно-озерные пути сообщения, использовавшиеся отчасти еще в давнишние времена ганзейскими купцами и новгородцами, оказались в новых условиях недостаточными. Вспомним о заботах Петра соединить каналом Неву с Волжской системой, Мсту с Цной, а также обойти при помощи канала бурное Ладожское озеро, на котором летом 1718 г. погибло до тысячи мелких судов. Над соединением Мсты с Цною работало временами до 40 тысяч человек, и с 1706 г. по Вышневолоцкому каналу пошли товары. Но Ладожский канал, как известно, не был закончен при Петре. В «Петербургских ведомостях» в августе 1719 г. (№ 7) находим следующее сообщение: «О работе Ладожского канала. Сюда в письмах подтверждают, что оно выкопано длиною на 27 верст и на 79 сажень». Между тем протяжение всего канала, законченного лишь в тридцатых годах, определялось в 165 верст.

Ввиду значения водных путей вопрос об употребляемых судах приобретал большую важность. Встречаемые в документах упоминания самых различных видов их (карбасов, полукарбасов, барок, эверсов и пр.) говорят о большом разнообразии этого мелкого внутреннего коммерческого флота. С 1715 г. издавались указы о его усовершенствовании, о постройке судов лучшего типа, о неупотреблении и клеймении старых. Большое внимание было также обращено на укрепление берегов Невы и на постройку пристаней. Всем жителям предписывалось вбивать сваи на берегах и засыпать их землею. Даже дворянские дети не освобождались от этой работы. Польский путешественник, посетивший Петербург в 1720 г., отметил, что между столицей и Шлиссельбургом Нева укреплена плотинами на протяжении 12 миль, так что суда могут везде причаливать и выгружать, что им

Набережная Невы от здания Дворцовой Канцелярии до Адмиралтейства.
Гравюра на меди Еллигера с рисунка Марселиуса. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

нужно. Для мелких судов был построен ряд пристаней в разных частях города, как то: Троицкая, Гагаринская, Сампсониевская и другие. При выгрузке и продаже своих товаров мелкие суда платили по 10 копеек с 5 рублей пристанского сбора.

Несмотря на усиленное использование водных путей, ездили, конечно, и сушей, особенно зимою, когда реки и озера замерзали, а болота промерзали. Попытки улучшить сухопутные пути сообщения были часто обречены на неудачу вследствие примитивности технических знаний и приемов. Так, в 1717 г. был издан указ о постройке «фашинного бечевника» от Петербурга до Шлиссельбурга, но он «от великих льдов при стройке разорился». Однако все же при Петре были проложены дороги из Петербурга в Ригу через Дерпт и Нарву и из Петербурга до Волхова (120 верст), а дорога между Петербургом и Москвой сократилась на 200 верст.

Для взимания таможенных сборов с внутренней петербургской торговли была учреждена особая внутренняя таможня. Для подбора ее штата, как и штата внешней таможни, приказано было «присылать из всех губерний торговых людей, которые прежде бывали у городских ярмарок в головах, бурмистрах и таможенном сборе». Высшая инспекция назначалась из дворянства, но в помощь ей «от купечества бурмистры и ларечные и при нем целовальники» поступали «по выборам погодно» из различных губерний.

Не подлежит сомнению, что во внутренней торговле, в полную противоположность внешней, ввоз значительно превышал вывоз. Большой город, крупный вывозной порт требовал от страны большого притока товаров, отдавать же он мог мало: петербургская промышленность в ранние годы своего развития главным образом работала на покрытие нужд столичного населения и на вывоз.

Уже с первого года существования Петербурга началось оборудование в нем торговых зданий. Первый Гостиный двор состоял из множества деревянных лавок, наскоро построенных, без окон и печей. Торговые ряды были расположены в 90 саженьях от домика Петра и в 15 — от Троицкой церкви. Тут же под открытым небом функционировала и биржа. В 1705 г. началась постройка новых торговых рядов и перед ними особого биржевого здания. В 1711 г. на Петербургской стороне, недалеко от первого местожительства царя, был построен трактир «Австерия», явившийся чем-то вроде биржи и гостиницы. В 1713 г. началась постройка первого двухэтажного крытого черепицей Гостиного двора подле Троицкой церкви, т. е. в том же районе. Внизу были помещены торговые лавки, а наверху — кладовые. Здание было очень просторное, и число лавок быстро увеличивалось, при чем появились и иностранные. Внутри двора находился канал, «чтобы через него могли всякие суда проходить».

Перед Гостиным двором собирались купцы для биржевых сделок. Пакгаузов не было, и товары хранились у купцов.

В 1719 г. был построен на Адмиралтейской стороне каменный Гостиный двор. Первоначально он назывался Сытным, так как предполагался для торговли съестными припасами. Но среди съестных лавок были открыты и лавки с другими товарами, вследствие чего Сытный двор превратился скоро в Гостиный. Здесь же возникли новый порт и таможня. В 1720 г. появилась таможня и в Кронштадте. В 1721 г. возник другой Гостиный двор на Васильевском острове на Малой Невке, но первенствующее значение он получил уже в послепетровское время.

В 1723 г. был отдан приказ о постройке на Петербургском острове нового здания биржи, а на Васильевском острове для той же цели каменного здания. Оно было закончено в 1724 г., но использовано уже после смерти Петра. Биржа являлась в то время товарной, так как ценные бумаги еще не играли большой роли.

Торговые ряды возникали постепенно в различных частях города: Адмиралтейской, Выборгской, Литейной, Василеостровской, — обслуживая нужды его населения. Обычно деревянные, они легко переносились с места на место.

Московский обычай торговать различными товарами в разных рядах держался некоторое время и в Петербурге. Во многих местах находились мясные и рыбные ряды. Торговля свежей рыбой была, повидимому, повсеместной и весьма оживленной; это был товар, который не требовал привоза издалека, тогда как мука и крупа доставлялись из разных, иногда отдаленных мест. От 1711—1712 гг. имеются сведения о доставке в Петербург из разных губерний 180 тысяч четвертей муки. Одна Смоленская губерния должна была поставить в 1711 г. 11 289 четвертей, а в 1712 г. — 11 044 четверти. В 1714 г. подрядчик Иван Нелидов получил авансом 5 тысяч рублей, чтобы доставить следующей весной из Нижнего-Новгорода водою 13 тысяч четвертей «доброй» и сухой овсяной крупы. Для приема и раздачи провианта в Петербурге был назначен провиантмейстером стольник Михаил Артамонов. Подрядчик Петр Окулов поставлял в Петербург ржаную муку; тверские посадские люди Иван Янковский и Захар Монин привезли 20 тысяч четвертей муки и 400 четвертей овсяной крупы. Цены на провиант в 1714 г. были следующие: 1 рубль 13 алтын 2 деньги за одну четверть муки и 2 рубля 3 алтына 2 деньги за одну четверть крупы.

Наряду со съестными припасами в Петербург привозились промышленные товары. В значительных количествах поступали смольчуг, железо, пенька. Для трепки, сортировки и браковки пеньки высылались специалисты и рабочие из Архангельска. Не раз упоминаются в документах пеньковые амбары. О мето-

дах браковки этого товара шли споры между английскими и русскими купцами, при чем правительство старалось защитить интересы последних. Имеются сведения о существовании таксы на различные товары, но, повидимому, не на все.

Следует отметить, что торговые ряды в Петербурге всегда были расположены на берегах Невы или каналов, что, конечно, объясняется подвозом товаров, а отчасти и покупателей, водными путями.

Итак, хотя подвоз к новой столице представлял гораздо большие трудности, чем к старой, все же снабжение ее жителей постепенно наладилось. Внутренняя торговля возникла, конечно, раньше внешней; без нее невозможно было бы строить город. Вначале велся главным образом мелкий торг с работными людьми, первыми постоянными жителями города. К концу петровского царствования новая столица имела широко раскинутую торговую сеть: Гостиный и Мытный дворы, торговые ряды и отдельные лавки с разнообразными товарами. Порт ее отпускал за границу товаров значительно больше, чем получал их оттуда, и притом не только сырье, но и предметы русской промышленности, в том числе и петербургской.

И. И. Любименко и Р. М. Тонкова

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА

Культурные учреждения новой столицы естественно должны были воплотить в себе те новые черты, которые характеризуют петровскую эпоху. Освобождение общественного сознания от церковно-схоластических пут, разрушение омертвевших традиций, страстное желание преодолеть отсталость, огромная потребность в практических знаниях — таковы характерные свойства передовой культуры петровского времени. Можно утверждать, что ими отмечена в большей или меньшей степени жизнь каждого культурного учреждения первой четверти XVIII в. Вполне понятно, что эти новые признаки с наибольшей полнотой воплотились в деятельности культурных учреждений новой столицы. Изучение этой деятельности дает очень много для знакомства с общей культурой эпохи.

В Москве церковно-схоластическая традиция держалась еще довольно прочно. Основной тон московскому просвещению задавала Славяно-греко-латинская Академия, сходная во многом с университетами Западной Европы, долго носившими схоластический характер. Но выдвинувшиеся на очередь новые задачи — повышение политической, военной и экономической мощи России — требовали совсем других знаний от нового поколения русских людей. Поэтому взятый еще до Петра курс на более тесное общение с западной наукой должен был оформиться в его царствование отнюдь не в направлении схоластики, прочно прижившейся в старых университетах Запада, а в повороте к новой опытной науке, культивировавшейся в значительно позднее созданных академиях наук. Еще в 1682 г. в «привилегии» московской Академии указывалось на необходимость развития наряду с духовным и светского образования. Но церковный характер школы и вся прочная старая традиция духовенства мешали осуществлению подобной реформы.

наряды
англ
процесс
суду ей
визит
в СССР
Минск
аудит
Минск
Минск
по т...
сбор...
издан
в. м. г.

Для Петра и его сподвижников эта традиция не существовала. Царь, который никогда не обучался ни риторике, ни диалектике, но, одолев четыре правила арифметики, немедленно приступил к изучению фортификации и артиллерии, не мог не отнестись отрицательно к преподаваемым в схоластических школах знаниям. Он верил, что «в пространном государстве высокие науки изберут себе жилище и в российском народе получают к себе любовь и усердие», и всячески торопился их насаждать, не всегда обнаруживая при этом разборчивость в средствах. Тяжелая война требовала всемерного ускорения темпов обучения. Без математики, физики, астрономии нельзя было ни совершенствовать артиллерию, ни строить флот.

Начало
Первые светские школы были открыты в Москве еще до основания Петербурга. В новой столице довольно долгое время обстановка была слишком напряженной, чтобы здесь можно было спокойно учиться. Лишь в последний период русско-шведской войны, примерно с 1715 г., в Петербург начинают переводиться новые училища, и в последнее десятилетие царствования Петра его столица быстро становится центром нового светского просвещения, готовящим стране моряков, артиллеристов, инженеров, архитекторов, медиков, учителей, служащих коллегий и т. д.

т. е. Москва
Перестраивающаяся жизнь выдвигала на первый план умение «воинствовать, знати строение и докторское искусство». В период войны «воинствованию» должно было быть уделено особое внимание, а поставленная России новая задача — овладение морем — требовала обучения не только сухопутному, но и морскому «воинствованию». С 1697 по 1714 г. более 200 русских людей обучались за границей морскому делу, главным образом в Голландии и Англии. Однако обучение за границей стоило дорого и не всегда давало нужные результаты, поскольку морские державы не проявляли стремления помогать царю в создании флота. Поэтому еще в 1701 г. в Москве под Сухаревой башней была открыта «Школа математических и навигацких наук», в которой преподавал Л. Ф. Магницкий, создатель первого русского учебника по арифметике — настоящей энциклопедии математических знаний.

Заложенное в Петербурге уже в 1704 г. Адмиралтейство быстро разрасталось. Отведенное под него обширное четырехугольное место обстраивалось с трех сторон и было обнесено валом и каналами; с четвертой стороны оно выходило на Неву, где стали закладываться суда. Постепенно здесь создавались склады всяких товаров, нужных для оборудования судов, а также склады боеприпасов. Вокруг Адмиралтейства селились мастеровые и всякие другие причастные к морскому делу лица, среди которых было на первых порах немало иностранцев. Так создавалась Морская, или Немецкая, слобода. На набережной стали строиться дома для крупных морских начальников: «вели-

кого адмиралтейца», командира русского флота графа Ф. М. Апраксина, адмирала К. И. Крюйса, вице-адмирала Брауна и других.

Мысль о целесообразности переселения в этот вновь создающийся морской центр школы, подготовляющей морских офицеров, не могла не возникнуть как у царя, так и у его помощников по морскому делу. Недостигаемость Петербурга для шведов после Полтавской победы и особенно после взятия Выборга давала полную возможность реализовать эту мысль.

— 26 мая 1714 г. Петр, находясь в плавании на корабле «Екатерина», лично написал капитан-поручику Г. Скорнякову-Писареву: «Господин капитан-поручик! Понеже господин адмирал граф Апраксин писал, дабы выслали в Петербург с Москвы из Навигацкой школы учеников, которые выучили геометрию, 20 человек, и когда оные в Петербург приедут, тогда их прими и учи артиллерии, а заранее о том донеси князю Александру Даниловичу Меншикову, дабы он велел к приезду их сделать в Петербурге в удобном месте избы, где их учить». Это первый известный нам документ, свидетельствующий о переводе части Навигацкой школы в Петербург. В 1715 г. была утверждена подробная «Инструкция Морской академии в С.-Петербурге», предписывающая распорядок жизни и работы на новом месте. Низшее Навигацкое училище продолжало пребывать в Москве, а в Петербурге создавалась Морская академия, куда переводились старшие лучшие ученики и принимались новые. 20 декабря 1715 г. был издан указ, предписывавший: «Которые есть в России знатных особ дети, тех всех от 10 лет и выше выслать в школу С.-Петербургскую, а в чужие края не посылать, и чтоб оные недоросли высланы были нынешнею зимою». Этой «школою С.-Петербургскою» и была недавно открытая Морская академия.

В Петербурге не только специальное, но и общеобразовательное значение Академии расширилось: наряду с математическими и военными дисциплинами в ней преподавались политика, геральдика, гражданские законы, гражданская архитектура и другие «шляхетные науки», а также семь иностранных языков (по видимому, на выбор): английский, французский, немецкий, шведский, датский, итальянский и латинский. Военная часть обучения должна была состоять, согласно адмиралтейскому регламенту, из «артиллерии, навигации и фортификации, шанцев и ретраншементов, воинских обучений с мушкетами».

Морская академия основана была в знаменательное для истории русского флота время — после Гангутской победы. В первые годы ее существования была предпринята экспедиция на Готланд, а в 1716 г. Петр оказался начальником соединенной русско-датско-англо-голландской эскадры, в которой Россия смогла уже выставить 26 крупных военных судов. При таких условиях на подготовку морских офицеров приходилось обратить особое вни-

мание. Если матросы на наших судах были уже почти поголовно русские, то среди офицерских чинов этого времени насчитывалось еще около половины иностранцев.

Помещалась Морская академия в соседстве с Адмиралтейством в построенном в 1712 г. доме Кикина, на набережной, где теперь стоит здание Зимнего дворца. Дом был, повидимому, небольшой (описание его не сохранилось), так что к нему пришлось пристроить несколько мазанок. Рядом с ним стоял дом начальника флота графа Федора Апраксина. Набережная, шедшая от Адмиралтейства к «почтовому дому» (впоследствии на этом месте был выстроен Мраморный дворец, теперь Музей Ленина), усиленно укреплялась. В болотистую землю забивали бесконечное число свай, валили фашинник, землю, щебень, обсаживали набережную вывезенными из Гамбурга липами. Против Адмиралтейства был отгорожен луг; на расположенном невдалеке участке адмирала Крюйса был разбит красивый сад с оранжереей.

Главным преподавателем Морской академии был англичанин Фарварсон, перебравшийся из Москвы вместе со своим помощником Гвином. Из первых директоров Академии следует отметить Андрея Артамоновича Матвеева и двоюродного брата царя — Андрея Львовича Нарышкина, учившегося за границей. Нарышкин усердно занимался Академией, водил своих питомцев в морские походы, заставляя их практически изучать морское дело. При Нарышкине было усилено обучение стрельбе, больше внимания уделялось упражнениям в морской съемке и астрономии. Морские науки проходились по книгам и запискам Фарварсона. По окончании Академии ее воспитанники выходили в морские офицеры, геодезисты, топографы, архитекторы. Некоторые из окончивших становились учителями провинциальных «цифирных» школ. Среди воспитанников Академии были лица, снискавшие себе впоследствии громкую известность, например адмирал С. И. Мордвинов, гидрограф А. И. Нагаев, судостроитель И. И. Неплюев и др.

В московской Навигацкой школе сословный состав учеников был пестрый: рядом с детьми «дворянского чина» и «людей боярских» обучались дети солдат, подьячих, приказных. При Петре профессиональное образование не являлось еще узко сословным. Ищущих знания людей было слишком мало, чтобы пренебрегать кем бы то ни было (за исключением лиц, положенных в подушный оклад). Для набора 300 человек — первоначально установленного комплекта Морской академии — отдан был уже упоминавшийся приказ о высылке в Петербург «знатных особ детей». Однако учиться, даже в Морскую академию, дворянство шло еще не весьма охотно. Если бы даже почти каждая знатная семья имела хотя бы одного представителя в петербургской «морской гвардии», то это все же далеко не могло бы

заполнить нужного комплекта. Имеются сведения, что в 1717 г. некоторые ученики были «наги и босы», «кормились вольною работою», а иногда даже «побирались, волочась между дворами». Конечно, такие воспитанники Академии не принадлежали к богатым и знатым семьям.

В своем известном сочинении «Цветущее состояние Всероссийского государства...» И. Кириллов дает чрезвычайно ценные сведения о Морской академии 1727 г., из которых мы узнаем, что в ней числились ученики как «из шляхетства», так и «из разночинцев», при чем многим предметам, как то: геометрии и тригонометрии, астрономии, географии—обучались лишь первые. В школе существовало несколько подразделений: арифметическое, геометрическое, меркаторское, астрономическое, геодезическое. Арифметике обучалось 20 детей шляхетства и 17 разночинцев, геометрии и тригонометрии — 39 шляхтичей, плоской навигации — 55 шляхтичей и 28 разночинцев, астрономии — 4 шляхтича, географии всего 1, геодезии — 24 шляхтича и 7 разночинцев и т. д. 8 человек разночинцев обучались письму, следовательно были малграмотными, 10 разночинцев и 1 шляхтич — псалтырю, 25 разночинцев и 2 шляхтича — часослову. Общее число учеников-шляхтичей было больше разночинцев, а общее число учеников Академии не достигало предполагавшегося комплекта в 300 человек. Штат служащих состоял из 45 человек, но из них, помимо профессора математики (очевидно, Фарварсон) и учителя навигации, остальные являлись «подмастерьями», т. е. преподавателями низшей квалификации (по артиллерии, навигации, фортификации, геометрии и арифметике, геодезии, живописи и рапирному искусству). Военным обучением занимались поручики, два сержанта, капралы; в штате были также надзиратели и учителя цифирной школы.

Вслед за частью Навигацкой школы в Петербург из Москвы были переведены и другие военные школы — Артиллерийская и Инженерная. Артиллерийская школа была помещена на Литейном проспекте против Артиллерийского двора. Близость школы к Артиллерийскому двору вызывалась необходимостью для учеников изучать практику артиллерийского дела (неподалеку, на Выборгской стороне, существовал для этого специальный полигон). Обучались ученики и «огнестрельным делам, надлежащим до воинских случаев и до потешных фейерверков». Повидимому, они должны были обслуживать столичные празднества, обычно заканчивавшиеся фейерверками. Учеников было немного, первоначально всего 20 человек. Обучались в школе не только дворяне, но и «пушкарские дети».

17 марта 1719 г. последовал приказ из Воинской коллегии об учреждении в Петербурге другой военной школы — Инженерной роты. В приказе сказано: «Великий государь указал учинить в С.-Петербурге Инженерную роту и быть ей под ведением пол-

отлив
Москва

ковника-инженера Кулона, а в то же рота взять с московской Инженерной школы учеников всех, сколько их в той школе ныне обретается, и инженера, который при той школе определен для учения школьников, с подлежащими их инструментами и со всем, что при них есть». В Инженерной школе обучалось более 70 человек; начальником ее после Кулона был назначен Миних. К первоначальному московскому обучению арифметике и геометрии, «сколько до инженерства надлежит», прибавлены были в Петербурге фортификация и другие предметы. Казенного дома школа не получила, и ей пришлось разместиться в двух светлицах какого-то постоянного двора Московской стороны. Предназначенная сначала для детей «знатных фамилий», она скоро утратила свой аристократический характер и пополнялась главным образом сыновьями шляхетства. Окончившие школу определялись кондукторами инженерной команды, сержантами, фурьерами, капрами, бомбардирами, каптенармусами в полевую и осадную артиллерию и в инженерную роту, но иногда и на горные заводы и даже в помощники архитекторов. Артиллерийская и Инженерная школы были вскоре слиты в одну, в которой в 1727 г. показано учеников: в геометрии — 21, в арифметике — 14, в артиллерии — 104, командированных — 87.

Существовала при петербургском гарнизоне еще школа для обучения солдатских детей. Здесь в 1727 г. обучались арифметике, письму и пению 80 человек; кроме того, совершенно обучившихся письму показано 8 человек, в словесных науках упражнялись 18, а 1 обучался геометрии. Большую роль в преподавании играла музыка (очевидно, подготовлялись полковые музыканты): в школе 40 человек учились играть на гобоях, а 12 — на флейтах.

Для обучения «строению» не было специальных школ, и гражданское строительство изучалось в военных школах. В так недавно основанном городе на строителей спрос был немалый.

Таким образом, военные школы, имевшие до некоторой степени и общеобразовательное значение, за последнее 10-летие петровского царствования были сосредоточены в новой столице. Далеко не сразу наладилась нормальная жизнь в петербургских школах. Ученики их, в силу трудных транспортных условий, иногда испытывали большие лишения. Они были оторваны от своих семей, отпусками почти не пользовались. Новый город был ненавистен многим дворянам, весьма неохотно отдававшим туда своих сыновей, которые к тому же часто не обнаруживали склонности к учению.

Но Петр рассчитывал на новую среду, на свой личный надзор и пример, на то, что горячка строительства как города, так и флота захватит молодежь и в ее рядах создадутся новые люди с новыми интересами и навыками. Он сам посещал новые школы, особенно Морскую академию, находившуюся около Адмиралтей-

ства, где он постоянно бывал. Царь прекрасно понимал, какое значение приобретают военные школы во время войны и как повышают они значение новой столицы. Заметив беспорядки, развал, бедность, Петр сердился, наряджал следствие, но, занятый войной, поглощавшей огромные средства, он не мог всюду поспеть, за всем уследить. По счастью, такие помощники, как Матвеев, Нарышкин, Фарварсон, поддерживали его просветительные начинания: они сражались за кредиты, иногда вырывали деньги у растратчиков, напоминали царю о нуждах школ, искали у него поддержки в своей преподавательской деятельности. Фарварсон много сил положил на преподавание математических наук, которое благодаря ему стояло на высоком уровне. Он научился русскому языку, и Петр использовал его в качестве редактора переводов некоторых специальных сочинений. Ему же были поручены и астрономические наблюдения, в которых иногда участвовал сам царь.

Наряду с «воинствованием» и «строением» в новой столице начали обучать и «докторскому искусству». Как известно, еще в допетровское время на Руси было немало иноземных врачей и притом высокой квалификации, главной функцией которых было наблюдение за здоровьем царя и его семьи. У служивших в Москве иностранцев обучались русские ученики (при Алексее Михайловиче их было 20). В 1662 г. был отправлен за границу для обучения медицине будущий первый русский доктор медицины Петр Постников, который после двухлетнего обучения в Падуанском университете удивил своих экзаминаторов блестящими познаниями. По возвращении на родину он был использован по дипломатической части.

Во время своих заграничных поездок Петр приглашал в Россию немало медиков. Занимались врачеванием и обрусевшие иностранцы, получившие медицинское образование, как, например, Лаврентий Блуменрост, сын московского врача, сначала лейб-медик царицы Наталии Алексеевны, а с 1718 г. и лейб-медик царя и управляющий его библиотекой и Кунсткамерой.

Когда в 1716 г. на Выборгской стороне открылся Петербургский военный госпиталь, при нем была создана и хирургическая школа. Госпитальный доктор Захар Захарович фон дер Гульст преподавал анатомию ученикам и подлекарям; Вилим Горн числился оператором и учителем «накладывания бандажей». Госпиталь при Петре помещался в деревянном здании (каменное построено в 1732 г.) на стыке двух рукавов Невы, там, где теперь находится Военно-Медицинская академия. Число учеников доходило до 50 человек, учившихся медицинским наукам, латинскому языку и рисованию. В 1719 г. был основан Адмиралтейский госпиталь, в котором несколько учеников получали медицинское образование. Подготавливались лекари и под руководством отдельных врачей. Так, в 1719 г. к Л. Блуменросту

были прикомандированы 30 солдатских детей, уже немного освоившихся с немецким и латинским языками.

Ближайшую связь с медициной имело лекарственное дело. Напротив Выборгской стороны был расположен остров, густо заросший еловым лесом, в котором гнездились вороны, почему он и получил название «Елового», или «Вороньего». Этому острову предстояло сыграть видную роль в аптекарском деле, стать Аптекарским островом, как он зовется и теперь. В 1713 г. здесь был заложен аптекарский огород, вскоре превратившийся в ботанический сад, сделавшийся центром лекарственного дела. Расположение его было удобное, так как врачи, являвшиеся в то время единственными специалистами по ботанике, могли легко обслуживать и сад, и госпиталь на Выборгской, переправляясь на лодке с одного берега Невы на другой. Аптекарский остров, первыми поселенцами которого были аптекарские служители, находился в ведении Медицинской канцелярии. В 1730 г. о саде отзывались уже как о «превеликом». Один из ранних директоров его Сигезбек даже утверждал, что не видел ему подобного в Европе. В нем были насажены китайские и монгольские растения, имелись теплицы. При саде жил аптекарь, собиравший и сушивший лекарственные растения для аптек.

При Петре впервые были открыты вольные аптеки для всего населения. Это потребовало расширения культуры лекарственных растений, чем и занялись в саду на Аптекарском острове. Основателями сада были сам Петр и его лейб-медик Р. К. Арескин. Шотландец по рождению, выученик Оксфордского университета, Арескин создал себе в Англии репутацию прекрасного врача. В 1706 г. он, по приглашению Меншикова, приехал в Россию. Познакомившись с Арескином, Петр взял его к себе и, убедившись в его честности и преданности, поставил его во главе Аптекарского приказа. При самой деятельной поддержке Петра он сумел положить начало созданию из прикладного аптекарского огорода научного ботанического сада. Так возникло в Петербурге, еще до основания Академии наук, первое научное ботаническое учреждение. Арескин отнюдь не бросил практическую врачебную деятельность. Он заинтересовался лечебными свойствами натуральных богатств окрестностей Петербурга. Его внимание привлекли Полюстровские воды, над изучением лечебных свойств которых он работал.

В 1721 г. Л. Блуменрост представил выработанные по поручению царя «пункты учреждения» Медицинской коллегии, переданные Петром в Сенат и узаконенные последним в августе месяце. Медицинская коллегия просуществовала недолго. Смещение в ней единоличного и коллегиального принципа вызвало нарекания, почему она и была заменена в 1725 г. Медицинской канцелярией под единоличным управлением Л. Блуменроста. По настоянию последнего вышло в 1721 г. постановление против

«бродячих лекарей», требовавшее подвергать врачей до разрешения им практики испытанию.

Медицинская коллегия должна была ведать и аптеками. В Москве уже существовали в XVII в. аптеки, обслуживавшие главным образом придворные круги. В новой столице первая казенная аптека возникла в 1704 г. Эта главная, или (как ее называли) «верхняя», аптека помещалась в Петропавловской крепости, а затем, в виду сырости, вредившей лекарствам, была переведена в новое помещение на Миллионной улице (ныне ул. Халтурина). При открытии ее земские бургомистры Новгородской губернии поднесли царю пять медных кубов с трубами, чем Петр был весьма доволен. Вскоре открылась вторая, «нижняя», аптека на Преображенском острове в каменном 3-этажном доме (где теперь стоит Гостиный двор); третья аптека была открыта на Адмиралтейском острове (между Невой и Мойкой). В 1722 г. последовало разрешение заводить вольные аптеки, что содействовало дальнейшему увеличению их числа и обслуживанию лекарственной помощью более широких кругов населения.

Рост промышленности в петровской России имел результатом развитие начатков прикладных научных знаний. Сведений об этом мы имеем пока еще мало, однако за последнее время обнаружен такой любопытный факт, как основание в Петербурге в 1720 г. при Берг-Коллегии первой химической лаборатории, для которой было построено особое кирпичное здание на территории дворца царицы Прасковьи Федоровны против Литейного двора. Развитие металлургии требовало «способствования» рудных ископаемых, испытания сырья, поступавшего на заводы, а также полученных ими продуктов и привозимых из-за границы химикатов. Некоторые сохранившиеся данные говорят об интересе самого Петра к химии. За последнее время найдены записи условных обозначений металлов, химических веществ, посуды и пр., сделанных для Петра с целью облегчить ему изучение «опробовательной хитрости». Сохранилась и его собственноручная запись методики пробы различных металлов. Возможно, что Петр сам производил несложные анализы.

Хотя просвещение петровской эпохи в отличие от предшествующего времени носило ярко выраженный светский характер, новая столица не могла обойтись и без духовной школы. Характерно, что духовный регламент мотивировал необходимость обучения будущего духовенства ссылкой на благоприятные результаты, достигнутые при обучении военному делу, архитектуре, врачеванию.

В целях образования будущего духовенства, в 1721 г. в новой столице при Александро-Невском монастыре открыта была «Словенская» школа, обучавшая главным образом детей служителей, дьячков и подьячих монастыря грамоте, грамматике,

арифметике, псалтырю, толкованию «евангельских блаженств». Вскоре школа расширяет круг преподаваемых предметов и получает название славяно-греко-латинской семинарии. Невскому монастырю, как столичному, была предоставлена почетная функция производить испытания кандидатов на духовные должности.

На Петербургской семинарии сказывалось влияние близко входившего в ее дела епископа Феофана Прокоповича, широко образованного человека, горячего сторонника петровских реформ. Нелегко было разбить старую прочную церковно-схоластическую традицию. Хорошо понимая это и стремясь реформировать дурное преподавание, Феофан открыл в 1721 г. на своем подворье на берегу реки Карповки, против Аптекарского острова, школу для небольшого числа сирот и детей бедняков. Школу эту он содержал на собственные средства и завещал ей капитал после своей смерти. Хотя по типу она скорее подходила к духовным школам, она во многом являлась новой для своего времени. Даже преподавание богословия Феофан строил по-новому. Составленный им для великого князя (будущего Петра II) план богословского преподавания получил впоследствии одобрение академиков, предлагавших напечатать его за границей. Педагогические способности епископа Феофана были безусловно незаурядны. Составленный им букварь «Первое учение отрокам» выдержал 11 изданий. В. Н. Татищев называл эту книгу, борющуюся со старыми методами преподавания, лучшим нравоучением для юношей.

В Карповской школе преподавались: закон божий, славянское чтение, русский, латинский и греческий языки, грамматика, риторика, логика, римские древности, арифметика, геометрия, география, история, рисование. В обширной программе смешивались учебные предметы духовных и светских школ. Школа Феофана, как и московская Академия, готовила и будущих светских деятелей. Двое из ее учеников — А. П. Протасов и С. К. Котельников — стали впоследствии академиками, некоторые другие — учителями. Для развлечения и развития молодежи были введены преподавание вокальной музыки и сценические представления. Старшие ученики за небольшое вознаграждение помогали обучению младших, практикуясь в педагогических навыках. Так, в новых петербургских условиях школа, открытая епископом, приобрела новый, передовой, полусветский характер.

Граничивший с Карповкой Аптекарский остров был сплошь покрыт еловым лесом с прорубленными кое-где просеками. Единственным культивируемым участком в нем являлся ботанический сад, часто посещавшийся учениками Карповской школы. Такое расположение последней было по душе ее основателю: «Место Академии (т. е. школы — И. Л.), — писал он, — не

в городе, но в стороне, на веселом месте удобное, где нет народного шума, ниже частых оказий, которые обычно мешают учению».

Для новых гражданских учреждений — Сената, коллегий — требовались знающие люди. Возник проект организации Академии политики для подготовки образованных чиновников. Однако он не получил осуществления. Часть воспитанников военных школ переходила на гражданскую службу, но таких людей было немного. Приходилось привлекать лиц из старых приказов и широко использовать учеников духовных школ. Нельзя не признать, что эти школы оказали значительную услугу новым гражданским и просветительным учреждениям: они дали людей и тем, и другим. Петербург вбирал в себя все лучшее, что могли ему предложить духовные школы Москвы, Киева и других городов, и использовал их воспитанников с помощью нового светского обучения для нужд строящегося по новому государства и для нужд самого города. Провинциальная школьная молодежь очень часто успевала получить достаточное отвращение к мертвой схоластической науке, чтобы с интересом отнестись к более жизненному новому преподаванию. Когда осуществилось открытие задуманной Петром академической гимназии, главные пополнения ее шли в течение долгого времени за счет духовных школ.

Много слабее и неудачнее профессионального было поставлено в петровской столице, как и по всей России, общее образование. Дворянство почти не заботилось об обучении своих детей. Конечно, в больших городах и особенно в столице было меньше неграмотных недорослей, чем в захолустных дворянских имениях, но все же, несмотря на суровые подчас правительственные мероприятия, образование дворянских сыновей, не говоря уже о дочерях, было весьма недостаточным. В лучшем случае оно находилось в руках домашних учителей, иностранцев, или содержателей частных иностранных пансионатов. В 1711 г. в Петербурге были четыре частные школы, о которых сохранилось, к сожалению, мало сведений. Обучали в них языкам, элементам арифметики, танцам и «пристойному обхождению». Так как ученики протестантского вероисповедания смешивались с православными, духовенство относилось к таким школам подозрительно, почему они обычно существовали недолго, тем более, что и правительство не очень сочувствовало им, видя в них конкурентов своим школам.

И. И. Неплюев рассказывал в своих записках, что 1 октября 1715 г. «по присланному указу перевели нас всех в школу в С.-Петербурге, которой школы был содержателем француз Боро». Однако над школой поставлены были русские «надзиратели» — сначала уже известный нам генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, потом граф Г. П. Чернышев, также адмиралтейский деятель, любимец Петра, человек умный и прямой. После него над-

зирателем был назначен уже упоминавшийся А. А. Матвеев. Таким образом, иностранцы, содержатели пансионеров, находились под контролем русских людей, пользовавшихся особым доверием царя. Такие лица, как граф Чернышев, считавшийся отчасти врагом иностранцев, и Апраксин, во многом не сочувствовавший петровским реформам, должны были, вероятно, особенно строго выполнять контроль над иностранными пансионерами, подходя к ним с точки зрения защиты русских интересов.

Новая по своему светскому духу и профессиональным целям петровская школа не могла все же вполне оторваться от некоторых московских традиций, от старых методов и форм преподавания. Если и была признана сладость плодов учения, то горечь его корней продолжала считаться обязательной. Даже в таком привилегированном заведении, как Морская академия, дисциплина была жестока. Воспитанники находились под надзором «дядек», вооруженных хлыстами. Побег из школы закон карал смертной казнью, невозвращение во-время из отпуска — каторжными работами. Правда, постановления эти являлись скорее угрозами, чем предписанием к исполнению, но все же такая угроза висела над послушниками. Школа была той же службой, и к воспитанникам ее государство относилось с такой же требовательностью, как и к лицам, находящимся на службе.

Противодействие, оказываемое наиболее отсталой частью петровского общества просветительным усилиям царя и его помощников, заставляло последних выступать устно и письменно в защиту просвещения. В писаниях, выпускавшихся раскольниками против царя, нападкам подвергалась и новая просветительная политика: «И учинил по еретическим книгам школы математические и академии богомерзких наук, в которых установил от звездочетия погодно печатать зловерующие календари». Сторонникам Петра приходилось поэтому проявлять большую энергию в защите новой школы и новой науки. Особенно примечательна в этом отношении деятельность Феофана Прокоповича. Переселение в Петербург этого выдающегося писателя и прекрасного церковного оратора сыграло весьма значительную роль в жизни столицы.

С Феофаном Прокоповичем Петр познакомился в 1706 г. в Киеве, куда царь приехал для основания Печерской крепости. Петр хорошо его запомнил и, видимо, уже тогда решил привлечь в число своих сотрудников. В 1715 г. Прокопович был вызван в Петербург, куда он, задержанный в Киеве продолжительной болезнью, приехал только в 1716 г. Здесь он сразу же приступил к энергичной пропагандистской деятельности, сочиняя проповеди, в которых разъяснял реформы Петра и доказывал их необходимость. Одной из наиболее замечательных проповедей Прокоповича была проповедь, произнесенная им 30 августа 1718 г. в Александро-Невском монастыре. В ней он ссылками

К Н И Г А
У С Т А В Ъ
В О І Н С К І И.

О ДОЛЖНОСТИ ГЕНЕРАЛОВЪ, ФЕЛТЪ МАРШАЛОВЪ
и всего Генералишта, и прочихъ чиновъ, которые
при войскѣ надлежатъ быти, и о иныхъ воинскихъ
дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому
чину должно.

КУПНО ПРИ СЕМЪ
А Р Т І К У Л Ъ
В О І Н С К І И.

И С Ъ
П Р О Ц Е С О М Ъ
НАДЛЕЖАЩІМЪ КЪ СУДЯЩЫМЪ,
И Э К С Е Р Ц І Ц І Е Ю

О Ц Е Р Е М О Н І Я Х Ъ
И ДОЛЖНОСТЯХЪ ВОИНСКИМЪ ЛЮДЕМЪ
НАДЛЕЖАЩИХЪ.

*Титульный лист „Устава воинского“, 1716.
Архив Академии Наук СССР.*

на историю доказывал право России на Неву, Ингерманландию и Карелию. «...Идеже Александр святой посея малое семя... где он трудился, дабы не безвестна была граница российская, ты престол российский тамо воздвигл еси», — говорил Прокопович, обращаясь к Петру, присутствовавшему на богослужении. Наряду с сочинением проповедей, Прокопович работал над различными богословскими трактатами и особенно над Духовным регламентом. В этой работе ему помогали вытребованные Петром в Петербург из Киева игумен Варлаам Леннецкой и иеромонахи Кохановский и Загурский. В Петербурге были напечатаны многие выдающиеся сочинения Прокоповича: «Розыск исторический» (1721), «Увещание от св. Синода невеждам» (1725) и др.

Обширный дом Прокоповича, окруженный лесом и красиво расположенный, являлся своеобразным литературным салоном петровского Петербурга. Высокообразованный и радушный хозяин всегда привлекал к себе посетителей из числа русских и иностранцев, среди которых светских людей было едва ли не больше, чем духовных. Первый по времени биограф Прокоповича (есть основание думать, что им был академик Байер) говорит, что собрания у Прокоповича были своего рода аттическими вечерами, дававшими обильную пищу для бесед и размышлений. Долгие годы дом Прокоповича играл роль одного из виднейших культурных центров Петербурга.

Не менее острым орудием просвещения, чем школа, явилась книга. Печатание в Петербурге стало развиваться не сразу. И «Арифметика» Магницкого, и «Евклидовы элементы» Фарварсона, и «Таблица логарифмов...», составленная Фарварсоном, Гвином и Магницким, вышли в Москве. Лишь с 1713 г. Петербург становится, наряду с Москвой, центром издательской деятельности. В этом году здесь уже вышли: описание фейерверка, которым столица 1 января 1712 г. встретила Петра; «Книга Марсова», «Календарь на 1714 г.», «Притчи Езоповы». В 1714 г.: «Книга Ордера или во флоте морских прав», «Указ о фискалах», «Генеральные сигналы... во флоте», «Инструкции и артикулы военные, подлежащие к российскому флоту», а также «Книга считания удобного» (арифметическое руководство). В 1716 г. вышла в Петербурге «География, или краткое земного круга описание», в следующем 1717 г. — «Русско-голландский лексикон», «Притчи Езоповы» вторым изданием, «История... о разорении града Трои». В этом же году вышел в Петербурге перевод книги Гюйгенса (1688 г.), содержащий первое изложение системы Коперника. Церковная литература, печатавшаяся старым славянским шрифтом, продолжала выходить главным образом в Москве, светские же книги, набиравшиеся новым гражданским шрифтом, — в Петербурге. Здесь было выпущено в 1718 г. в переводе Бужинского «Введение в историю европейскую» Самуила Пуффендорфа, получившее у нас, как и в За-

падной Европе, большую популярность. В 1719 г. в Петербурге напечатано «Объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце». Укажем еще на выпущенное в 1722 г. руководство преподавателя бомбардирской роты Морской академии Григория Скорнякова-Писарева «Наука статическая, или механика».

Если в области математических наук появился ряд ценных новых руководств, то никак нельзя сказать того же о языкознании. Грамматикой, например, занимались с большим успехом в старых духовных, чем в новых светских школах. Авторы русских грамматик того времени Федор Поликарпов и Федор Максимов пересказывали старую грамматику Мелентия Смотрицкого.

Знание латинского и новых языков имело огромное значение для знакомства с научной литературой. Сам Петр говорил по-голландски, понимал по-французски и по-немецки. Среди его сподвижников были люди, владевшие иностранными языками. Этим, однако, ни в какой степени не умалялась необходимость издания переводных книг, а также словарей. В Петербурге печатался латинский лексикон Ивана Максимовича с русским переводом (рукописный экземпляр его хранится в Ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина). В списке петербургских изданий указан русско-голландский словарь, а Яковом Брюсом переведена была и голландская грамматика.

Помимо «Введения в историю» Пуффендорфа было переведено и другое его сочинение — «О должности человека и гражданина». Перевод сделан в Петербурге синодским переводчиком Кречетовским. Характерно, что даже синодские переводчики были засажены в Петербурге за перевод светских книг. Другие переводы делались в Иностранной коллегии. Стоит отметить вышедший в 1722 г. перевод книги о состоянии «мухомеданской» (магометанской) религии, сделанный отцом писателя Антиоха Кантемира Дмитрием Кантемиром. Были некоторые очень плодотворные переводчики, переводившие книги по самым различным специальностям: географии, истории, артиллерии, садоводству и т. д. Дело это было нелегкое, требовавшее знания не только языков, но и соответствующих специальностей — «художеств», как их тогда называли. Поэтому не приходится удивляться, что качество переводов было в общем низкое. В 1724 г. Петр предписывал: «Которые умеют языки, а художеств не умеют, тех послать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех отдать учиться языкам». Царь требовал ясного, точного изложения, что было весьма трудно при невыработанности русского научного языка.

В 1710 г. Петр из Петербурга писал в Москву Мусину-Пушкину: «Станок друкарный с новыми литерами извольте сюда прислать по первому зимнему пути со всем, что к нему принадлежит, также и с людьми». По высылке одного печатного и одного гравировального станков, а также мастеров и печатников

ИЗЪОБРАЖЕНІЕ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ПИСМЕНЪ СЛАВЯНСКИХЪ
ПЕЧАТНЫХЪ И РУКОПИСНЫХЪ.

А	А	а	Ѧ	А	А	а	а	Ѧ	Ѧ
Б	Б	Б	Ѣ	В	Б	Ѣ	Б	Ѣ	Ѣ
В	В	В	Ѥ	В	В	В	В	Ѥ	Ѥ
Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г
Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д
Е	Е	Е	Ѧ	Ѧ	Е	Ѧ	Е	Ѧ	Ѧ
Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
З	З	З	Ѧ	З	Ѧ	З	Ѧ	З	Ѧ

Дано Мона Сера 1810.
Товариш ел 29 211

Факсимиле издания „Азбука гражданская со нравоучениями, правлена оукою Петра Великого“.

Архив Академии наук СССР.

Симъ на мѣрѣхъ не
мѣтѣхъ морскихъ знаменъ
Дѣлѣхъ на мѣрѣхъ
ако мѣрѣхъ не
не мѣтѣхъ въ мѣрѣхъ
самѣхъ аки рече
глаголюхъ

Въ тетради сей Правленіи и
Полісаніи Собственна рѣчи
Его Императора Тресвятителя
Святства, Тридана Прозвѣ
Сирѣтара Албуа Васильевича
Маширова

Факсимиле издания „Азбука гражданская со нравоучениями, правлена рукою Петра Великого“.

Вверху рукою Петра написано: „Сими литеры печатать историческіе и манифактурные книги, а которые почернены и тех [в] вышеписанныхъ книгахъ не употреблять“. Архив Академіи наукъ СССР.

(4 наборщиков, 2 тередорщиков и 2 батырщиков) в 1711 г. в Петербурге была открыта первая типография, или друкарня. Первым начальником ее был служивший раньше подьячим Посольского приказа и дьяком Оружейной палаты Михаил Петрович Аврамов, в доме которого она помещалась до 1713 г., когда была, повидимому, переведена в образцовые мазанковые домики около Петропавловской крепости возле главной харчевни. В 1721 г. типография перешла в ведение Синода. Подготовка типографских мастерских началась немедленно. Сразу же после переезда типографии в Петербург Аврамов доносил Петру, что «мастерские люди во всем типографского дела распорядке обучиваны в наилучшее». Первенцами петербургской типографии явились номер газеты «Ведомости», календарь и «Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества российских во взятии преславных фортификациев и в разных местах храбрых баталий учиненных», в которой находим изображения осад Выборга, Риги, Штеттина и др. Уже в 1714 г. был выписан латинский шрифт, необходимый для печатания научной литературы. Из Ревеля и Риги приезжали гравировальные мастера, но русские люди быстро обучались их делу. Нам известны такие выдающиеся граверы и живописцы, как Алексей Ростовцев, Алексей Зубов, Иван Адольфский.

Типографское дело в столице разрасталось. Это привело к увеличению числа типографий до четырех: в Синоде, Сенате, Александро-Невской лавре, Морской академии. Штаты типографий быстро увеличивались. В 1727 г. в Главной типографии состояло: 2 мастерских справщика, 12 наборщиков, 10 тередорщиков, 11 батырщиков, 1 мастер пунсонного дела, при нем 2 ученика и 1 мастер гравировального дела. При Сенате, где печатались главным образом указы, состояло 6 наборщиков, 4 тередорщика и 5 батырщиков. В Морской типографии при Адмиралтействе было 7 наборщиков и учеников, 2 тередорщика и 2 батырщика. Эти данные показывают быстрый рост печатного дела в новой столице. В Петербурге расширяется печатание светской, особенно учебной и научной, литературы и сосредоточивается издание государственных постановлений. Все эти издания печатались новым гражданским шрифтом, а печатание церковной литературы в 1720 г. было окончательно передано Москве. Это вызвало закрытие типографии при Александро-Невской лавре, несмотря на ходатайство Аврамова об ее оставлении в Петербурге.

Большое значение для нового светского просвещения имели печатавшиеся в Петербурге «месяцесловы», или календари, помещавшие ряд астрономических сведений. Недаром на них нападали раскольники. Возьмем для примера петербургский календарь на 1723 г. В заглавии его читаем, что он указывает «затмение солнечное, месячные рожденья в полный месяц и четвертями, такожде время солнечного восхождения и захождения,

долгоденствия и долгонощия на всякий день» и что он «учи-нен по меридиану и ширине царствующего С.-Петербурга». Сколько новых слов и понятий вводил в читательскую среду подобный календарь! Постепенно в календарях стали помещаться сведения географические, исторические и другие, так что они явились целой популярной энциклопедией знаний.

Еще большее значение по более широкому распространению имела первая печатная русская газета «Ведомости». Рукописные газеты существовали еще в допетровское время, но пользовался ими только двор и близкие к нему люди. Благодаря приказу Петра печатать газету последняя стала предметом гораздо более широкого обращения. Число выпускаемых в месяц номеров, а также и тираж их постепенно увеличивались; последний не превышал, однако, обычно нескольких сотен и лишь изредка выражался в тысячах.

Сначала «Ведомости» печатались в Москве, но уже с 1711 г. появились и в Петербурге (первый номер 11 мая). С 1713 г. печатание происходило преимущественно в Петербурге, и московские выпуски становились все более редкими. Изменялось и содержание газет. Московские выпуски состояли главным образом из сведений, почерпнутых из иностранных газет и касающихся заграничных событий. Петербургские же «Ведомости» стали уделять все больше и больше внимания отечественным событиям, в первую очередь военным и дипломатическим, а отчасти и внутренним делам. Сообщения о ходе войны со шведами были очень подробны. Не менее половины репортажей принадлежало самому царю. Некоторым событиям, как, например, Гангутской битве, посвящался даже особый номер. Давались и сведения о нахождении «многих богатых руд», об успехах русских мануфактур, о приходе иностранных судов, о работах над Ладожским каналом и даже о высылке «монстров», т. е. уродов, в Петербург в Кунсткамеру. Иностранная информация шла почти из всех европейских столиц: Парижа, Берлина, Лондона, Дрездена, Стекольна (Стокгольма), Копенгагена, Рима и др. Печаталась газета гражданским шрифтом на восьмушке бумаги, почти без полей. Иногда номер украшался гравюрой, изображавшей Петропавловскую крепость и набережную Невы с судами и парящим над ними богом информации — Меркурием.

При Главной петербургской типографии существовала с 1714 г. книжная лавка, помещавшаяся в Главном гостином дворе. В первые пять лет обороты ее быстро возрастали: в 1715 г. от продажи книг было выручено всего 820 рублей, а в 1718 г. уже 3062 рубля. Но затем оборот стал снижаться и к 1721 г. упал до 1657 рублей.

Появление в продаже довольно значительного по тому времени количества книг содействовало образованию в Петербурге

частных книжных собраний. Они состояли из иностранных и русских изданий. Такие лица, как В. Н. Татищев, Я. В. Брюс, Феофан Прокопович, князь Дмитрий Голицын, Дмитрий Кантемир, Арескин и другие, обладали уже довольно богатыми библиотеками, составленными из русских, немецких, французских, английских, голландских, итальянских, шведских и латинских книг. Библиотеки медика Арескина и математика Фарварсона носили специализированный характер, но библиотеки Якова Брюса и Феофана Прокоповича состояли из книг весьма различного содержания. Брюс был очень разносторонним человеком и наряду с сочинениями по математике, физике, астрономии, артиллерии, архитектуре, военным наукам собирал и книги исторические, юридические, словари и пр. Прокопович не ограничивал свои интересы одним богословием, а изучал также различные светские науки. Просвещенные люди того времени были энциклопедистами.

Для Петербурга характерно то, что он был первым русским городом, в котором появилась общественная библиотека. Открыта она была в послепетровское время, но начало ее восходит к Петру. Собранная им библиотека легла в основу библиотеки Академии наук и стала первой русской библиотекой общественного пользования. Составлялась она из книг, купленных царем, либо вывезенных нашими войсками во время походов, главным образом из Прибалтийского края, а также из частных библиотек, пожертвованных, завещанных или конфискованных у впадших в немилость лиц. Царская библиотека помещалась сначала в Летнем дворце, но к 1719 г. она уже настолько разрослась, что ее пришлось вместе с коллекциями, из которых составила Кунсткамера, перевести в особое помещение в дом Кикина, расположенный на берегу Невы близ Смольного монастыря, напротив Охтенских слобод. Здесь уже было от 2000 до 2500 книг. Некоторым лицам библиотека демонстрировалась. Посетивший ее ганноверский резидент при русском дворе Вебер утверждал, что она не только по числу, но и по качеству своих книг, среди которых было немало древних фолиантов, должна считаться одной из лучших в Европе. К 1725 г. число книг в ней достигло уже 5000.

Совершенно новым просветительным учреждением явился первый русский публичный музей — петербургская Кунсткамера. Коллекции европейских кунсткамер, возникших еще в эпоху Возрождения, составлялись по принципу подбора раритетов: редких животных, растений, камней, анатомических аномалий, порой даже живых «уродов» — животных и человеческих. Петербургская Кунсткамера, сохраняя в себе общие черты кунсткамер, быстро изменяла свой характер. Новая опытная наука не могла не оказать влияния на классификацию ее экспонатов и их экспозицию, — то и другое стало более удовлетво-

рять научным требованиям. Петербургская Кунсткамера, быстро развиваясь в течение всего XVIII в., стала родоначальницей музеев Академии наук.

Своим происхождением петербургская Кунсткамера была обязана любознательности Петра. В результате его путешествий в его дворце стали постепенно накапливаться интересовавшие его новые приборы, инструменты, машины — часы, увеличительные стекла, глобусы, секстаны, циркули и пр., — а также редкие камни, чучела животных, одежда и предметы обихода далеких народов — китайские безделушки, буддийские идолы, шаманские бубны и т. п. Все это быстро заполнило спальню, кабинет и другие комнаты тесного Летнего дворца. Необходимо было найти для этой коллекции особое помещение. В 1719 г. она была перенесена в Кикинские палаты, расположенные около Смольного монастыря и состоявшие из 14 «покоев». С перенесением этих богатств из дворца они приобрели характер общественного бесплатного музея. Петр очень настаивал на том, чтобы собранные им богатства послужили просвещению жителей столицы: «Я хочу, чтобы люди смотрели и учились», — говорил он. Один поляк, фамилия которого осталась неизвестной, посетивший Кунсткамеру в 1720 г., писал: «Дворец этот, из которого далеко видно, расположен на красивой равнине. Через сени и балкон входишь в комнату, в которой множество склянок, расставленных по шкафам. . .» В другой комнате им были отмечены чучела разных животных, большое количество слоновой кости, в библиотеке — книги, «имеющие до 1¹/₂ тысяч лет, более всего греческие». «Невозможно описать все виденное», — заявляет он в заключение.

В 1716 г. для Кунсткамеры была приобретена в Голландии богатая коллекция, составленная из минералов, раковин, чучел животных, преимущественно ост-индских и вест-индских, этнографических предметов, китайских художественных вещей из слоновой кости и дерева.¹ В 1717 г. из Голландии прибыла одна из анатомических коллекций профессора Рюйша, которого Петр часто посещал. Спиртовые препараты ее были столь хорошо приготовлены, что многие из них сохранились донныне в Этнографическом музее Академии наук. Знаменитый Готторпский глобус, сделанный в 1699 г. для Голштинского герцога и подаренный Петру, также нашел себе место в Кунсткамере. Он был составлен по Коперниковой системе из двух оболочек, изображавших земной шар и небесную сферу. Внутри глобуса за круглым столом могло поместиться 12 человек. Наряду с иностранными, начали собирать и отечественные «куриози-

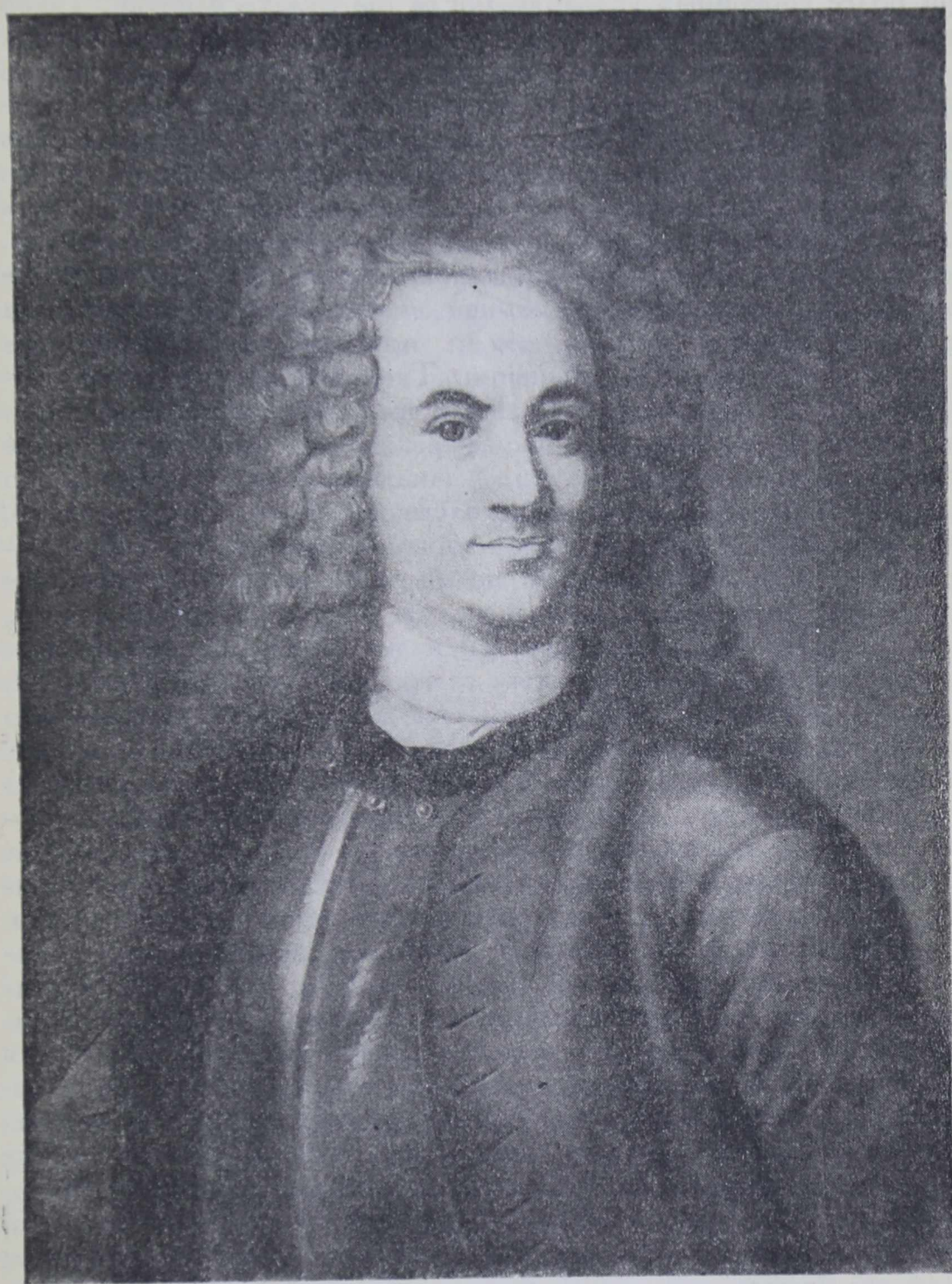
¹ В фонде „Ученой корреспонденции“ архива Академии наук имеется любопытная переписка лейб-медика Арескина с его помощником по Кунсткамере Шумахером, касающаяся присылки в Петербург этой коллекции осенью 1716 г.

тетты». В 1717 г., например, закупались в Казани предметы татарского обихода. В 1718 г. издан приказ о высылке с мест человеческих и животных «монстров».

Скоро собранных богатств стало так много, что даже Кикинские палаты не могли их всех вместить. Петром отдано было распоряжение о постройке на набережной Васильевского острова нового здания для Кунсткамеры и библиотеки. По преданию, место постройки (против нынешнего Республиканского моста) было выбрано для музея потому, что здесь росли две причудливо вросшие друг в друга сосны. Обрубок сросшихся суков — один из экспонатов Кунсткамеры — сохранился до нашего времени. О размерах коллекций в год смерти Петра можно судить по тому, что на них требовалось в общем 87 шкафов. Многие экспонаты висели, кроме того, на щитах по стенам, птицы свешивались с потолка, как бы рея в воздухе, громоздкие предметы раскладывались на полу. Шкафы и экспозиции украшались тафтой, бархатом, листовым золотом, искусственными цветами и т. п. Посетивший Кунсткамеру Вебер выражал удивление, что в короткое время собрана такая драгоценная коллекция. Царь не только сам постоянно бывал в Кунсткамере, но охотно принимал там русских и иностранцев, очевидно стремясь популяризировать этот первый русский музей. Он категорически запретил взимать плату за его посещение и даже ассигновал ежегодную сумму на угощение посетителей.

Шли годы петровского царствования, переселялись в Петербург и понемногу обживались здесь представители петровского дворянства, именитого купечества, работные люди. Общее количество населения росло, город разрастался, ширилась его промышленность, внутренняя и внешняя торговля. Среди «птенцов гнезда Петрова» было немало людей просвещенных, порой даже ученых для своего времени: А. А. Матвеев, Б. И. Куракин, В. Н. Татищев, Я. В. Брюс, Феофан Прокопович могли бы явиться украшением столицы любого государства XVIII в. Большинство из таких людей подобно самому царю не жило постоянно в Петербурге, проводя значительную часть времени в военных походах или на государственной службе или представляя интересы России за границей. Но у каждого видного деятеля петровского царствования должен был быть свой дом в Петербурге, а часто и не один, достаточно хорошо обставленный и снабженный, чтобы дать в нем очередную ассамблею или по первому требованию принять царя с его свитой, часто многочисленной. Поэтому всех видных деятелей петровского царствования нельзя не причислять до некоторой степени к столичному обществу.

Потребность в просвещении, как в духовном, так и в светском, достаточно назрела к петровскому времени, чтобы возбудить интерес не только к непосредственному практическому

В. Н. Татищев.

Портрет работы неизвестного художника.
Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

применению знаний, но и к научному образованию и к научному исследованию. Россия уже обладала такими деятелями, которые при более спокойных условиях могли бы отдаться науке. Таков был, например, В. Н. Татищев — географ, историк, знаток в области горного дела. Составитель первого географического атласа в России секретарь Сената И. К. Кириллов имел также задатки ученого. Яков Брюс собрал большую разнообразную библиотеку, интересовался естественными науками, астрономией.

Быстрый политический и экономический рост страны требовал столь же быстрого и высокого культурного подъема. Великая европейская держава, какую Россия все более и более вырисовывалась в ходе русско-шведской войны, должна была не только спешно учиться, но и принять активное участие в европейском научном движении. Твердая вера в великое будущее страны утверждала в Петре желание основать еще при своей жизни высшее научное учреждение, концентрирующее успехи новой опытной науки, — Академию наук. Некоторую роль в его решении должно было сыграть и то обстоятельство, что парижская Академия наук избрала его в 1717 г. своим почетным членом. Избрание это не было, повидимому, простым актом вежливости, а основывалось на высокой оценке заслуг, оказанных Петром географической науке (в Париже он неоднократно беседовал со знаменитым географом Гильомом Делилем), а также и на его глубоких математических познаниях. Сам Петр отнесся к этому избранию очень серьезно. Выразив желание, чтобы ему сообщали о всех «декувертах» (т. е. открытиях) его новых коллег, он приказал Блуменросту информировать парижскую Академию о русских научных успехах. В 1721 г. ей была выслана новая русская карта Каспийского моря, составившая ценный вклад в географическую науку своего времени.

Если та форма, в которую вылилась петербургская Академия, не была, как увидим далее, копией с какой-либо западной академии, то существовавшая в Москве Славяно-греко-латинская Академия имела с ней еще меньше общего. Московская Академия была высоким богословским учреждением, сохранившим черты старой церковно-схоластической школы. Петербургская же Академия должна была учить новой опытной науке и принять участие в ее развитии и совершенствовании. Богословие было из нее совершенно изгнано. Петербург, ставший центром светского просвещения, вобравший в себя главные светские школы, создавший первую общественную библиотеку, первый публичный музей, заканчивал свою просветительную миссию созданием высшего светского научного центра — Академии наук.

По проекту, составленному будущим президентом ее Л. Л. Блуменростом, согласно личным указаниям Петра, Академия должна была состоять из исследовательской части,

университета и гимназии. Положение гимназии при Петре разработано не было. Впоследствии в основу гимназического курса были положены немецкий и латинский языки, как наиболее нужные для знакомства с науками, Университет делился по проекту на три факультета: юридический, медицинский и философский. На первом намечалось преподавание юридических наук, на втором — анатомии, химии и ботаники, на третьем преподавались преимущественно опытные науки: физика, математика, астрономия, механика, а также красноречие, древности и история.

Исследовательская Академия делилась на три класса: математический, физический и гуманитарный. В математическом проектировались четыре кафедры: теоретической математики, астрономии с географией и навигацией и две по механике; в физическом классе были четыре кафедры: физики, анатомии, химии и ботаники; в гуманитарном — три кафедры: красноречия и древностей, древней и новой истории и права «купно с политикой». Программа эта была совершенно оригинальной. В Лондоне не существовало гуманитарного класса, в Париже принята была система параллельных академий, а в Берлине видную роль играли богословские науки.

В строящемся заново государстве и особенно в его столице все вели напряженную работу, поэтому и на академиков предполагалось возложить много разнообразных обязанностей. Они должны были внимательно следить за научной литературой и составлять сводки — «экстракты» — научных достижений по своей специальности, активно участвовать в научных заседаниях, выступать с речами в трех годичных публичных собраниях, проверять поступающие в Академию «декуверты», т. е. открытия, давать научную информацию, составлять для студентов на латинском языке «системы», т. е. курсы по своей науке, которые должны были затем переводиться на русский язык, и, наконец, читать ежедневно одну часовую публичную лекцию.

13 января 1724 г. Петр подписал в Сенате «определение об Академии», 22 января утвердил тот проект, о котором только что было сказано, а 28 января появился именной указ, объявленный из Сената, об учреждении Академии. Хотя Академия официально была открыта уже после смерти Петра, но в последнее время его царствования уже велась в Петербурге деятельная работа по подготовке открытия: переписка с заграницей по поводу приглашения некоторых ученых в Академию, в число которых попадали и неудачные кандидаты, переговоры с некоторыми будущими академическими служащими, обсуждение кандидатур президента, обсуждение самого проекта и т. п. Не все были, конечно, солидарны с Петром по этому вопросу. Многие, даже такой просвещенный человек, как Татищев, считали создание Академии преждевременным.

Татищев при Петре прожил в Петербурге лишь несколько лет (большую часть времени он провел в походах, на дипломатической службе и на Урале, где занимался организацией горной промышленности). В 1718 и 1719 гг. он, находясь в Петербурге, собирал материалы по истории и географии России, что впоследствии дало ему возможность написать свои известные работы, занявшие одно из видных мест в историографии XVIII в. Петр ценил глубину и разносторонность знаний Татищева и привлекал его ко многим своим начинаниям. В 1724 г. Татищев был отправлен из Петербурга в Швецию для вызова оттуда специалистов по горному делу. Перед отъездом он имел в Летнем дворце беседу с Блументростом, который должен был занять должность президента будущей Академии наук. Блументрост предложил Татищеву искать в Швеции людей для Академии, а Татищев заявил, что Блументрост хочет «сделать архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и где поставить места нет». Впоследствии он говорил Петру, что «без нижних школ Академия она с великим расходом будет бесполезна». Таким принципиальным противником Академии Татищев и остался, при всем своем благоговении перед Петром. Поддерживая свой план перед Татищевым, Петр вскрыл один из мотивов своего решения. «Академия, — говорил он, — должна приобрести нам в Европе доверие и честь, доказав на деле, что у нас работают для науки, и что пора перестать считать нас за варваров, пренебрегающих наукой».

В последнее десятилетие петровского царствования Петербург становится просветительным центром страны. Сюда переносятся все главные военные учебные заведения: Морская академия, Артиллерийская и Инженерная школы, здесь расширяется медицинское образование, создается на базе прикладного лекарственного дела научный ботанический сад, собирается ценная книжная и рукописная библиотека, создается замечательный музей — Кунсткамера, готовится открытие Академии наук с гимназией и университетом. Если в области духовного образования Москва безусловно сохраняла приоритет, то все же и в этом деле сказано новое слово Петербургом, — сделан новый опыт в школе Феофана Прокоповича.

Поскольку при Петре новый город был еще в становлении, вопрос о центре его, как известно, перерешался несколько раз. В силу этого город застраивался в самых различных направлениях и быстро разрастался. На территориальное размещение школ и других просветительных учреждений это не могло не оказать влияния. Они на первых порах были разбросаны по самым различным частям города: Морская академия — в Адмиралтейской части, Артиллерийская школа — на Литейном проспекте, Инженерная школа — в Московской части, Медицинская школа — на Выборгской, Ботанический сад — на Аптекарском

острове, школа Феофана Прокоповича — на нынешней Петроградской стороне, семинария — в Александро-Невском монастыре, библиотека и Кунсткамера — под Смольным монастырем в районе Охтенских слобод. При тогдашних условиях сообщения по городу, главным образом на шлюпках по широкой и часто бурной реке, замерзающей зимою, эта разбросанность представляла большие неудобства. Но избежать этого было, очевидно, невозможно: в крупных зданиях ощущался большой недостаток, и строились они весьма медленно, а потому переводимые или вновь создаваемые просветительные учреждения приходилось помещать там, где находилось для них место, с учетом, когда это было возможно, топографической целесообразности. Так, Морскую академию поместили в непосредственном соседстве с Адмиралтейством, Артиллерийскую школу около Литейного двора.

Одним из значительнейших культурных учреждений новой столицы был основанный вскоре после ее возникновения театр. Инициатором театрального дела в Петербурге была младшая и любимая сестра Петра Наталия Алексеевна — горячая поклонница «комедийных действий». В 1708 г. вместе со всем царским семейством она переехала из села Преображенского в новую столицу и поселилась первоначально на Крестовском острове. Через шесть лет она переехала в специально выстроенный для нее дворец, расположенный на левом берегу Невы, между позднейшими Литейным и Воскресенским проспектами. С 1714 г. здесь образовался аристократический квартал Петербурга. Первым от Литейного двора по Невской набережной был дом графа Я. В. Брюса; далее, рядом с императорским Шпалерным двором, находился дворец царицы Марфы Матвеевны, а между ним и дворцом Наталии Алексеевны — дворец царевича Алексея Петровича. Поселившись на Невской набережной, Наталия Алексеевна занялась устройством театра. Находившийся по соседству с новым дворцом царевны большой деревянный дом (на углу позднейших Сергиевской улицы и Воскресенского проспекта) был приспособлен под первое театральное здание в Петербурге. Вход на дававшиеся в нем представления был бесплатным и свободным для всех желающих. Труппа, выступавшая в театре Наталии Алексеевны, состояла из 10 русских актеров и актрис. Нам известно имя только одного из актеров этой труппы — карлика Георгия, или Юрия Кордовского. Кроме драматических актеров, в театре был оркестр из 16 русских музыкантов.

Репертуар первого петербургского театра отличался большим разнообразием. Наряду с переводными, театр Наталии Алексеевны ставил оригинальные светские и духовные пьесы. В основе светских пьес лежали сюжеты, заимствованные из ходячих западноевропейских романов и новелл и подвергавшиеся

драматизированной обработке, например «Действие о Петре Златых Ключах», комедия о Мелюзине, «Дафния, гонением любовного Аполлона в древо лавровое превращенная» и др. Авторы этих пьес остаются неизвестными, за исключением одного — самой царевны Наталии Алексеевны. Царевна сочиняла трагедии и комедии на русском языке и брала содержание их частью из библии, частью из светской литературы.

Выбор сюжетов для светских пьес показывает, что для Петра театр был одним из средств, при помощи которого можно было в наглядной и общедоступной форме пропагандировать наиболее важные идеи современности. В этом отношении характерна драма «Петр Златые Ключи». Основная тенденция пьесы — показать необходимость заграничных путешествий для молодых людей, стремящихся к просвещению. На примере, взятом из иностранной жизни, русские люди познакомились с нравами и обычаями Западной Европы и должны были убедиться в той пользе, которую они могли получить от посещений европейских стран.

Видное место в спектаклях того времени занимали интермедии, или, как они тогда назывались, «между вброшенные забавные игральща». Это были примитивные сценки бытового характера на злободневные темы, разыгрываемые между действиями главной пьесы. До нас дошли тексты нескольких интермедий, показывающие, что и они не были лишены того налета злободневности, которым отмечены многие пьесы петровского театра. В одной из интермедий высмеиваются сторонники старого уклада жизни, осуждающие нововведения царя, попирающего старую веру и заставляющего всех принимать немецкое обличье. В этой же интермедии показаны подьячие, живущие взятками, упоминается и о секретарях, к которым «надобно итти с дарами».

Если сопоставить петербургские зрелища петровской эпохи с постановками «комедийной хоромины» царя Алексея Михайловича в 1672—1676 гг. и московского театра в 1702—1707 гг., то можно увидеть, какую эволюцию проделала русская драматургия за 30 лет своего существования. Все пьесы театра Алексея Михайловича (за исключением комедии о Баязете и Тамерлане) были пьесами духовного содержания с прибавкой ради развлекательности легкого шутовства и театральных эффектов. Четверть века спустя пьесы духовного содержания отходят на второй план и уступают место произведениям светским. В течение первой четверти XVIII в. русская драматургия делает дальнейший шаг вперед. Петербургские зрелища театра Наталии Алексеевны представляют попытку самостоятельной разработки духовных и светских тем и создания русского национального театра. Пьесы театра Наталии Алексеевны являются звеном между русской переводной литературой XVII в. и новым русским театром Ломоносова и Сумарокова.

Наталия Алексеевна умерла в 1716 г., но и после ее смерти театр долгое время продолжал существовать. В 1719 г. в этом театре подвизалась труппа немецких комедиантов во главе с прославившимся своей силой маэстро Иоганном Карлом Эккенбергом. В новой столице Эккенберг пробыл недолго и уехал в Западную Европу. Но в 1723 г. он по приглашению Петра снова посетил Петербург. На этот раз с ним приехала труппа из 10—11 весьма посредственных «комедиантов» и «оперистов». Представления труппы происходили теперь в новом здании, которое было построено по указу Петра от 24 апреля 1723 г. «на Адмиралтейском острове на берегу речки Мьи (Мойки) близ Государственной Полицимейстерской канцелярии». Театр Эккенберга с пьесами, разыгрываемыми посредственными актерами на чуждом огромному большинству столичных жителей языке, естественно не мог заслужить популярности. Он посещался весьма ограниченным кругом лиц и влачил жалкое существование, еле дотянув его до начала 1724 г.

Широкие круги петербургского общества, так же как и народные массы, охотно посещали театрализованные зрелища и маскарадно-праздничные затеи, часто устраивавшиеся в Петербурге очень любившим их царем. В свидетельствах современников нет указаний на существование именно в петровском Петербурге народного театра в виде хоть сколько-нибудь постоянно действовавшего организма. Но все же можно предположить, что на святках и на масленице, когда устраивались народные гулянья, отдельные бродячие актеры-профессионалы типа скоморохов XVII в. забавляли народ песнями, плясками, шутками, прибаутками, показом дрессированных медведей, акробатическими представлениями и т. д.

В новой столице, едва только начавшей свое существование, театр постепенно, но прочно внедряется в быт разнообразных слоев общества, составляя один из неотъемлемых элементов его культурной жизни. Прошло немного времени, и в Петербурге возник постоянный русский театр с русскими актерами и русским репертуаром, вписавший одну из наиболее блестящих страниц в историю русской культуры.

Культурная жизнь Петербурга явилась своеобразным фокусом, вобравшим в себя результаты общего повышения культурного уровня России в петровскую эпоху. Немало фактов знаменовало возросший интерес русского народа к научным проблемам: производились разведывательные путешествия, геодезические съемки, собирались исторические памятники, чертились карты, писались исторические сочинения. В Москве и провинции основывались новые общеобразовательные и профессиональные школы, заводились новые типографии, возникали театры. Возрастание культурного уровня страны тотчас же находило свое отражение в жизни Петербурга.

С каждым годом петровского царствования становилась многолюднее новая столица. В Петербург переселялись и понемногу обживались в нем представители дворянства, именитого купечества, работные люди, военные, иностранцы. Город обстраивался, ширилась его промышленность, крепили торговые связи с Западной Европой. Одно за другим возникали в нем культурно-просветительные учреждения, увеличивалось его военное и политическое значение. Современников — русских и иностранцев — поражала быстрота его развития. Глядя на то, какой полнокровной жизнью, несмотря на все трудности, зажили в Петербурге его политические, экономические и культурные учреждения и предприятия, всякий беспристрастный наблюдатель мог предсказать великое будущее новой столице Российского государства.

А. В. Предтеченский

НАСЕЛЕНИЕ И БЫТ ПЕТЕРБУРГА

Сведения, сообщаемые современниками, а также данные о застройке Петербурга, добытые разысканиями историков города, свидетельствуют об исключительной быстроте роста Петербурга. Подворная опись Городского острова (позднее Петербургской стороны), произведенная в 1713 г., говорит о довольно значительном участке (от берега Б. Невы до Аптекарского острова), сплошь застроенном различного рода зданиями. К этому же времени немало построек было воздвигнуто в районе позднейшего Литейного проспекта. Весьма выразительна известная гравюра Зубова, изображающая панораму Петербурга в 1716 г. Несмотря на допущенные Зубовым неточности, она убедительно показывает широкий размах строительства города. О том же говорят и рисунки Марселиуса, относящиеся к 1725 г.

Невиданные в истории страны темпы строительства Петербурга, превратившие в течение двух десятков лет пустынную, заболоченную, покрытую густым лесом местность у устья Невы в широко раскинувшийся культурный город, потребовали применения чрезвычайных мер. Нужна была мобилизация громадных материальных средств, дававших возможность осуществить замысел Петра. Нужно было организовать гигантскую работу по возведению новой столицы Российского государства. Нужны были многие тысячи строителей, руками которых совершалось превращение, создававшее у современников впечатление волшебства. Бесчисленное количество работных людей самых различных специальностей, так же как и целые толпы людей, которых можно было использовать только в качестве мускульной силы, двигалось по царскому указу к Петербургу и здесь оседало, составляя основную массу первых поселенцев нового города.

Первыми русскими, вступившими на берега Невы, были те солдаты, с которыми Петр совершил свой поход из Шлиссельбурга к устью Невы весной 1703 г. Они же явились и строите-

дьями крепости. Вместе с солдатами крепость строили местные жители — финские и ингерманландские крестьяне. Но солдат и местных жителей было слишком мало для постройки крепостных сооружений, а тем более для строительства города. Поэтому Петру сразу же пришлось прибегнуть к мобилизации населения для выполнения самых разнообразных работ, связанных с постройкой города. Указ 1 марта 1704 г. требовал высылки 40 тысяч работных людей из 85 мест. На 1705 г. предписывалось «с 35 городов, с посадов, дворцовых волостей, помещьев, вотчин всяких чинов людей с крестьянских и бобыльских дворов взять работных людей с 9 дворов человека». Присылаемые были разделены на три смены, каждая смена работала по два месяца (работы производились с апреля по октябрь). Ежегодная норма в 40 тысяч человек, посылаемых на работы, за одним, двумя исключениями, выдерживалась вплоть до 1718 г., когда обязательная посылка людей в Петербург была отменена.¹ Норма набора, установленная на 1705 г. — одного человека с 9 дворов, — в последующие годы не соблюдалась: иногда она снижалась до одного человека с 14 и даже с 16 дворов. Уже в 1706 г. трехсменные работы были заменены двухсменными с продолжительностью пребывания в Петербурге каждой смены по три месяца.

Установленная норма в 40 тысяч человек, ежегодно присылаемых на работы, далеко не всегда выдерживалась. Петр в указе Сенату 29 сентября 1711 г. писал, что «нынешнее лето за турецкою войною зело мало в высылке было работных в С.-Петербург». «Потщитесь, — обращался он к сенаторам, — к будущему лету и к сей зиме указное число сполна выслать». Сенат в приговоре 7 ноября определил в 1712 г. выслать в Петербург 40 тысяч человек «с отводчиками и с провожатыми, со всякими припасы», а с оставшихся собрать 120 тысяч рублей. Весьма интересно отметить, что в докладе, явившемся основанием для этого приговора, указывались губернии, в которых надлежало произвести набор работных людей: Московская, Петербургская, Смоленская, Казанская, Архангелогородская, Сибирская, Киевская, Азовская, Воронежская. Иными словами, работные люди для строительства Петербурга набирались по всей стране. Сенат не раз в своих приговорах указывал на необходимость высылки в Петербург недостающих людей, «чтоб за неприсылкою тех работных людей в С.-Петербурге в строении всяких дел остановки не учинилось». Но подобные приговоры, сопровождаемые напоминаниями о неизбежных взысканиях в случае невыполнения

¹ В указе 30 апреля 1718 г. говорилось: „В Санкт-Петербурге всегда готового хлеба иметь, чтобы за всеми расходы было 100 тыс. четвертей в запас беспереводно; которые работные люди в мартовскую четверть из губерний отправляются, тем быть в Санкт-Петербурге, а впредь их не высылать“.

царских указов, не всегда достигали цели. Обер-комиссар У. А. Сенявин, назначенный Петром ведать городским строительством в Петербурге, 16 декабря 1712 г. сообщал Сенату, что «работных людей в С.-Петербург приводцы приводят самые бездельные, от которых работные люди бегут, также многие работные люди приходят сами, без именных списков, и от того с губерний в С.-Петербург работным людям чинится великая недосылка». Сенявин просил Сенат принять меры к устранению этих недостатков. Такие жалобы в дальнейшей истории строительства Петербурга встречаются постоянно. Людей явно нехватало, и никакие самые строгие напоминания Сената и понукания самого Петра не могли обеспечить полностью строительство города рабочей силой.

Присылаемые на строительные работы люди использовались в качестве простой мускульной силы. Выполняли они работу, не требовавшую никакой предварительной выучки. Об этом можно судить по тому весьма несложному инструментарию, который они обязаны были принести с собой. В приговоре Сената 17 декабря 1711 г. говорилось: «По указу царского величества велено работных людей высылать с плотничными снастями, а именно: у всякого человека топор, у 10 человек по долоту, бураву, пазнику и скобелю» (пазник — род кирки, скобель — нож для грубого строгания). С такими инструментами можно было выполнять лишь грубую плотничью работу. Надо думать, что орудия для землекопных работ (лопаты, тачки и пр.) посылаемые находили на месте.

Снабжение этой категории рабочей силы, участвовавшей в строительстве города, было скудным. Письмо Петра Т. Н. Стрешневу от 19 ноября 1706 г. содержало требование присылки первой смены работных людей с хлебными запасами (т. е. муки и крупы), для второй же Петр требовал сбора денег с «дальних мест, которые на работе не будут». Эти деньги пойдут на покупку хлеба на месте, а «сверх хлеба дано будет по полтине человеку на месяц». В дальнейшем (с 1711 г.) натуральное снабжение было отменено, и в связи с этим денежная дача возросла до 1 рубля на работника. Конечно, это была ничтожная заработная плата, которой едва могло хватить только на пропитание. О каких-либо иных расходах нечего было и думать.

Скудное снабжение в связи с тяжким трудом, на который были обречены присылаемые, создавало для них почти невыносимые условия жизни. Строительство города потребовало немалых жертв, и легенды о многих тысячах людей, погибших от голода, болезней и изнурительного труда, не были лишены основания. Нельзя не вспомнить об отражении истории строительства города в народных песнях и сказаниях: они свидетельствуют о том, что обстоятельства, связанные с постройкой Пе-

тербурга, оставили в народном сознании тяжелый след. Однако, как совершенно справедливо заметил в свое время П. Н. Петров (История Санкт-Петербурга, СПб., 1885), не следует придавать значения неопровержимой истины всем слухам, бродившим по поводу бесчисленных жертв при строительстве города и записанным весьма внимательными к такого рода сюжетам иностранцами. Петров, изучая погодные списки работных людей, посылаемых по нарядам Канцелярии строений, убедился в том, что в списках одни и те же имена из одних и тех же мест повторяются из года в год. Из этого он сделал вывод, что о чуть ли не сплошной смертности среди строителей Петербурга говорить нет оснований.

Но Петров не привел никаких статистических сведений, которые могли хотя бы с относительной точностью решить вопрос о количестве жертв, унесенных при постройке города. Этот вопрос еще ждет своего исследователя.

Строительные рабочие, мобилизованные для рубки леса, осушения болот, забивания свай, рытья каналов и пр., оставались в Петербурге лишь короткое время, через три месяца уступая свое место очередной партии. Вероятно, кое-кто из них оставался в Петербурге навсегда, но, конечно, это были единицы. Основную массу постоянных жителей города, если не считать солдат и матросов, составляли работные люди, присылаемые в Петербург «на вечное житье». Специальные указы Петра и сенатские приговоры много раз касались одного из насущнейших вопросов жизни нового города — создания в нем постоянных кадров населения. Вот, например, приговор Сената от 12 сентября 1712 г. Из него узнаем, что в 1710 г. состоялся указ Петра о наборе мастеровых людей по губерниям для отсылки «на вечное житье» 4720 человек. Это количество были обязаны поставить все губернии (разверстка по губерниям указывалась с точностью до одного человека). Мастеровые переселялись в Петербург с женами и детьми. Это были люди самых разносторонних и притом квалифицированных профессий: каменщики, кирпичники, каменоломщики, гончары, колёсники, столяры, черепичники, кузнецы, котельщики, фонарщики, паяльщики, медники, портные, прядельщики и т. д. Жалованья им платилось по 12 рублей в год да на хлеб по 10 рублей, всего 22 рубля. Поверстанные «на вечное житье» в новую столицу переселялись туда, видимо, без большой охоты: как разбираемый, так и другие сенатские приговоры постоянно указывают на то, что среди посылаемых много нанятых теми, кто подлежал переселению, а в числе этих нанятых часто встречаются дряхлые, увечные, «потребным мастерствам незаобычные», что многие из переселенцев бежали с дороги, что немало просто недосланных людей.

Эта категория рабочей силы нужна была прежде всего для основавшихся в Петербурге многочисленных мануфактур. Но их

труд вместе с тем обеспечивал потребление как их самих, так и увеличивающихся в своей численности других групп населения: дворян, купцов, иностранцев, военных. Эти работные люди составляли основное постоянное население новой столицы, разделенное впоследствии на категории, установленные регламентом Главного магистрата (регулярные и нерегулярные граждане).

Не все из переселяемых «на вечное житье» в Петербург работных людей селились в пределах собственно города (при всей условности понятия городской черты в первые годы строительства Петербурга). В 1712 г. Петром был издан указ об обеспечении переводимых работных людей (каменщиков, кирпичников и представителей других строительных профессий) земельными наделами. Под дворы и огороды отводилось по одной десятине на семью, под пашню — по 10 четвертей на двор. Конечно, такие наделы не могли быть отводимы в центре строящегося города (т. е. на позднейшей Петербургской стороне). Они были расположены вверх по Неве и на реках, впадающих в Неву. Но все же жителей этих многочисленных пригородных слобод нельзя не причислить к населению Петербурга: они в производственном и экономическом отношениях были самым тесным образом связаны с теми жителями, которые селились в центральных частях города.

Сведения о быте тех категорий населения, о которых до сих пор шла речь, весьма скудны. Более подробные данные сохранились об условиях труда этих людей. Мы можем составить некоторое представление о том, как трудились работные люди в Петербурге, но как они отдыхали, как развлекались, как проводили свой крайне ограниченный досуг — остается почти неизвестным. Это понятно: современников, живших в Петербурге при Петре и записывавших свои впечатления, мало интересовала жизнь «подлого народа». Их записи, наполненные скрупулезнейшим описанием дворянского быта, вовсе или почти ничего не дают для знакомства с жизнью народных масс. Тем интереснее заметки, отразившие эту жизнь, случайно попавшую в поле их зрения.

Находившийся в свите герцога Голштинского, приехавшего в Петербург, камер-юнкер Берхгольц посетил мануфактуру Тамеса (Тамсена) в Москве, где видел, как и кто на ней работал (нет оснований думать, что условия труда на московских и петербургских мануфактурах в чем-либо различались, а запись Берхгольца представляет собой любопытный мемуарный документ о работных людях петровского времени). Берхгольц сопровождал герцога Голштинского, посещения которого ждали и к которому готовились. Поэтому многие подробности, записанные Берхгольцом, конечно не отражают повседневной жизни мануфактуры, к ним надо относиться осторожно. Берхгольц посетил женское отделение прядильни Тамеса, где работали девушки,

отданные на работу в наказание «лет на 10 и более, а некоторые и навсегда». Комната, где находились прядильщицы, поразила Берхгольца чистотой, а девушки — своими красивыми платьями. Берхголец побывал еще и в других мастерских, очевидно не вошедших в заранее разработанный маршрут гостей, ибо, как замечает Берхголец, в них «воняло почти нестерпимо». Гости осмотрели также мастерскую, в которой работало 20—30 человек свободных работников. Они получали заработную плату, не превышающую, по словам Берхгольца, того, во что обходится содержание арестанта.

Анонимный польский путешественник, посетивший Петербург в 1720 г., сообщил следующие сведения о какой-то петербургской ткацкой мануфактуре: «На берегу Невки есть длинный двухэтажный каменный дом, в котором 6 комнат внизу и столько же наверху... В каждой нижней комнате этого дома есть 5 станков для выделывания полотна. В угловых же комнатах работают столяры и токари, которые приготавливают станки, мычки, веретена, прялки, мотальницы, утки, челноки и другие снаряды. В комнатах верхнего этажа много женщин под присмотром англичанки, которая наблюдает за их работами. В одних комнатах прядут, в других разматывают, в третьих наматывают. Здесь множество людей, есть и смотритель, который всем управляет».

Об условиях труда работных людей Адмиралтейства можно судить по указам адмирала Ф. М. Апраксина 20 мая, 27 мая и 22 июля 1708 г. В этих указах точно устанавливается регламент рабочего дня. По указу 20 мая он начинался весной и летом в пятом часу утра, осенью и зимою, повидимому, несколько позднее (точно время не обозначено). Указ 27 мая устанавливал одинаковое время начала работ в течение всего года, но без точного обозначения часа («поутру рано, как станут звонить в шабашный колокол»). В указе 22 июля предписывалось быть на работе через полчаса после колокольного звона, а «если кто после того звона на работе в час на своем деле не будет, и у того будет вычтено из жалованья один день». Работа продолжалась до 11 часов, после чего наступал перерыв для обеда и отдыха, длившийся летом 3 часа, весной и осенью 2 часа, зимой 1 час. Конец рабочего дня точно не обозначен — «до вечерней пушечной стрельбы». Но нужно думать, что он заканчивался летом не раньше 9—10 часов вечера, так как в указе 20 мая предписывалось работать до 7 часов вечера, а затем, после получасового перерыва, до вечернего пушечного сигнала. Таким образом, рабочий день длился часов 13—14, если не больше. За прогул полагался жестокий штраф: за час прогула производился вычет в размере однодневного жалованья, за прогульный день вычиталось семидневное жалованье. За взиманием штрафов должны были наблюдать фискал с помощником,

которые, вероятно, делали это с особым усердием, ибо четвертая часть штрафных денег поступала в их пользу. Неявка на работу не считалась прогулом лишь в том случае, если она происходила с разрешения фискала. Надо отметить, что указ 27 мая запрещал мастерам и подмастерьям под угрозой штрафа использовать работных людей для своих личных нужд.

В первые годы существования Петербурга среди его населения значительную массу составляли солдаты и матросы. Отсутствие точных статистических данных не позволяет установить удельный вес военных в общей массе населения города, но значительность его вряд ли может подвергнуться сомнению. Угроза шведского нападения с суши и с моря на только что основанный город была весьма серьезна. Это заставляло Петра держать в Петербурге сухопутные и морские силы в количестве, достаточном для отражения попыток шведов вернуть завоеванные русскими невские берега. Недостаток рабочей силы вызывал необходимость использовать находившихся в Петербурге солдат и матросов для различных работ в тех случаях, когда военная обстановка позволяла это. За такую работу солдаты и матросы получали дополнительную плату. Так, например, определение Адмиралтейств-Коллегии от 18 марта 1719 г. предписывало «Преображенского и Семеновского полков солдатам, которые работают на галерном дворе у галерного дела в плотниках, давать великого государя денежного жалованья за плотничную их работу, сверх окладной их полковой дачи, из адмиралтейской канцелярии, дондеже у той работы будут, по 6 денег на день».

Весьма вероятно, что солдаты и матросы в Петербурге в свободное от их непосредственных обязанностей время были заняты не только выполнением казенных нарядов. До заведения регулярной армии в России стрельцы, как известно, занимались самыми разнообразными ремеслами, обслуживая городское население. Вряд ли этот обычай мог исчезнуть сразу же после начала существования регулярного войска. Если к тому же принять во внимание, что солдатское ремесленничество было явлением, широко распространенным в течение всего XVIII и части XIX вв., то нет оснований предполагать существование такой строгой профессионализации у петровских солдат и матросов, которая исключала бы возможность для них заниматься посторонними делами. Надо думать, что солдаты петербургского гарнизона, так же как и матросы Балтийского флота, всегда находили возможность приработка, выполняя для быстро растущего населения города разнообразные ремесленные работы.

Нужно заметить, впрочем, что материально-бытовое положение солдат и матросов вряд ли было таково, чтобы вопрос о необходимости приработка приобретал для них особую остроту. Правда, жилищные условия в Петербурге были очень плохи и не всегда солдат и матросов удавалось обеспечить даже землянка-

ми. В письме вице-адмирала К. И. Крюйса олонецкому коменданту И. Я. Яковлеву от 17 апреля 1705 г. из Петербурга говорилось о том, что он из-за отсутствия корабельных припасов был вынужден ломать избы и заборы, а потому люди, «которые ко флоту надлежат, под небесною кровлею спят». Но относительно снабжения военнослужащих нельзя сказать, чтобы оно было слишком скудным. Сведений о солдатском пайке в нашем распоряжении нет, но о продовольствовании матросов сохранились точные данные (надо полагать, что оно немногим отличалось от солдатского). Месячный паек матроса выражался в следующих цифрах (они округлены): ветчины 8 фунтов, коровьего масла 4 фунта, рыбы 3 фунта, около 3 бутылок уксусу и около 1 бутылки вина (норма хлебной дачи не указана). Эти данные позволяют установить резкое различие в материально-бытовых условиях между работными людьми и военнослужащими.

С самого же начала существования Петербурга Петра заболтал вопрос о переселении в Петербург купечества и дворянства. Трудно было рассчитывать на то, что представители этих сословий сами будут стремиться переехать в город, основанный в каком-то диком, заброшенном месте, город, над которым постоянно висит угроза неприятельского разорения, о котором никто ни в России, ни в Европе никогда не слыхивал, к которому и дороги-то не найдешь. Поэтому Петру по отношению к купечеству и дворянству пришлось прибегнуть по началу к таким же принудительным мерам, как и по отношению к работным людям. В 1710 г. были назначены к переселению из Москвы в Петербург многие купцы, из которых некоторые принадлежали к числу видных купеческих фамилий, например Иван Филатьев, Семен Панкратьев, Илья Исаев (последний в 1723 г. был назначен вице-президентом Главного магистрата).

Необходимость присутствия именитых купеческих людей в Петербурге диктовалась и тем международным торговым значением, которое начинала приобретать новая столица. В 1711 г. Петр потребовал присылки из Москвы «из гостей и из иных лучших купцов» 4—5 человек, осведомленных о купеческих делах и о пошлинном сборе. Эти люди нужны в Петербурге потому, что английский посол и голландский посланник предлагают начать переговоры о заключении торгового соглашения, а при переговорах присутствие «о купечестве сведомых людей» необходимо. Сенат постановил послать для этой цели в Петербург 6 человек: И. Филатьева, С. Панкратьева, И. Исаева, И. Стрежнева, И. Саватеева и М. Гусятникова. Как видно, именитое купечество, несмотря на его самую близкую заинтересованность в развитии балтийской торговли, не слишком торопилось переселяться в Петербург, — Филатьев, Панкратьев и Исаев задержались в Москве на целый год.

По мере роста петербургского порта потребность в людях,

имеющих солидный коммерческий опыт, увеличивалась. Этим, очевидно, можно объяснить появление указа 29 января 1714 г., повелевавшего в петербургскую таможню брать на службу только таких торговых людей, которые раньше бывали «у городской ярманки в головах, в бурмистрах, в ларечных у таможенных сборов». Опытные в коммерческом деле люди были вместе с тем и наиболее крупными купцами. Именно в таких купцах Петр испытывал особенную нужду. Населять новую столицу мелкими розничными торговцами в его глазах не имело смысла; они, конечно, появились бы там сами собой, без всякого понуждения. Людей же, производивших крупные оптовые операции, заполучить в Петербург было не так легко. Ими Петр интересовался в первую очередь. Указ 20 ноября 1717 г. предписывал при посылке купецких и ремесленных людей в Петербург выбирать их бурмистрам и «выборным людям меж собою самим» из числа первостатейных, а также из средних, но «добрых и пожиточных», которые имели бы торги и промыслы или заводы, «на маломочных не посягая отнюдь». Указ запрещал губернаторам, ландратам и ландрихтерам вмешиваться в выборы посылаемых.

Что касается дворянства, то оно переселялось в новую столицу так же туго, как и купечество. По отношению к нему приходилось применять те же меры понуждения. В 1712 г. Чарльз Уитворт писал из Петербурга в Англию, что Петр отправил в Москву приказание значительному числу местных жителей выехать в Петербург с семьями и строиться в нем. Для домов дворян отведено особое место: от царского дворца вверх по Неве. Последующие указы Петра подтверждали его намерение населить возможно быстрее новую столицу представителями первенствующего сословия. Указ 4 декабря 1713 г. повелевал «царедворцам и прочих чинов людям» строить в Петербурге дома. Когда они будут вызваны в Петербург, «тогда б им мочно куда приехать и чтоб в то время неведением никто не отговаривался.» Указ 17 марта 1714 г. еще раз напоминал о необходимости дворянам и купцам озаботиться постройкой домов в Петербурге. Не прошло и трех месяцев после издания этого указа, как Петр 3 июня 1714 г. опять потребовал под угрозой штрафа, чтобы «палатные люди, царедворцы, гости, люди из гостиной сотни, мастеровые» строили дома в Петербурге летом и осенью этого года, а к зиме переехали.

О далеко идущих заботах Петра по поводу переселения в Петербург лиц, принадлежащих к дворянскому сословию, говорит сенатский приговор от 4 августа 1712 г. По этому приговору Сенат утвердил список 1212 человек бояр, окольных, ближних и думных людей, стольников, дворян московских, дьяков, жильцов, генералов, полковников, офицеров, комиссаров, подлежащих поселению в Петербурге и на Котлине после окон-

чания войны. Этим лицам следовало начинать строиться, чтобы немедленно после окончания войны они могли бы переехать в Петербург. Список должен был быть оглашен с Красного крыльца в Москве и разослан по губерниям для оповещения под расписку всех, кто в списке поименован.

С 1719 г. дела по переселению в Петербург дворян, купцов и ремесленников были поручены ведению Сената и коллегий. В Сенате учреждался особый стол для заведования делами по переселению царедворцев; переселением купцов ведала Коммерц-Коллегия, ремесленников — Мануфактур-Коллегия. Вместе с тем в этом же году была устранена часть тех стеснений, каким подвергалась жизнь переселенных в Петербурге. Очевидно, к 1719 г. надобность в прежних понуканиях и запрещениях прошла, и, по крайней мере в отношении дворян и купцов, были допущены некоторые послабления. Указом 23 марта 1719 г. предписывалось царедворцев, имеющих менее ста дворов и не построившихся в Петербурге, «от Санктпетербургского жития уволить». Всем петербургским жителям дозволялось уезжать из города по своим делам «с запискою из Сената, только чтоб не более 5 месяцев». Купецких людей, предназначенных по прежним указам к переселению, но не выехавших в Петербург, не высылать. Живущие в Петербурге купцы, но не обзаведшиеся домами, торговыми или какими-либо предприятиями, могут из Петербурга уехать. «Пожиточные» же должны оставаться в городе. Всякий, кто по своей воле пожелает жить в новой столице, может переехать туда безвозвратно.

Говоря о населении Петербурга в первые годы его существования, нельзя не упомянуть об иностранцах, составлявших, как можно думать, довольно значительную его часть. Видимо, больше всего их было на мануфактурах Петербурга, где они работали и вместе с тем обучали русских рабочих людей. Как известно, «мастера-иноземцы» широким потоком хлынули в Россию, привлеченные всевозможными льготами, предоставляемыми им Петром. Щедрость царя и его иной раз совершенно неоправданное пристрастие к иностранцам манили их в Россию. Немало иностранцев служило в армии и особенно во флоте. Значительная часть иностранцев привлекалась Петром для выполнения самых разнообразных поручений: архитекторы, живописцы, садоводы, переводчики, актеры, государственные служащие, врачи, ученые и представители многих других специальностей находили в России широкое поле для своей деятельности. Нет ничего удивительного в том, что в Петербурге они встречались на каждом шагу. Здесь всё, начиная от кораблей Балтийского флота и кончая цветниками Летнего сада, заводилось на широкую ногу. Иностранцы в Петербурге чувствовали себя как дома. Ни о какой обособленности их здесь не могло быть и речи. Они сливались с массой петербургского

Палаты Меншикова.

Гравюра на меди А. Зубова из его же „Панорамы Петербурга“. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

населения в единое целое, своим присутствием внося в него тот особенный колорит, какой был свойственен только Петербургу петровского времени.

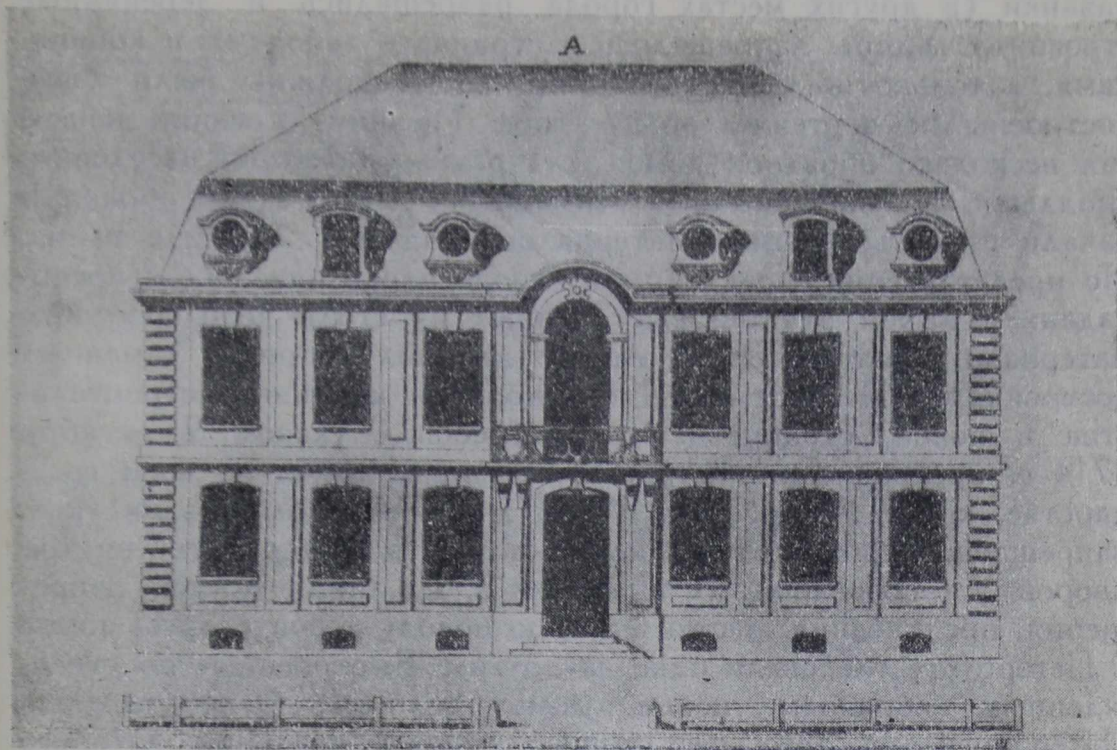
Если о быте основной массы петербургского населения петровских времен — рабочих людей, ремесленников, солдат, матросов — мы, как уже было сказано, знаем очень мало, то зато о быте дворянского Петербурга сохранились подробные сведения. Их сообщают законодательные акты, письма Петра и его ближайших сотрудников и другие аналогичные документы. Немало данных можно почерпнуть из современной литературы — научной, публицистической и отчасти художественной. Много интересного и ценного рассказывают в своих записках современники. Все вместе представляет собой материал, изучение которого может создать затруднения, проистекающие скорее от его изобилия, чем от недостатка.

Совершенно очевидно, что в петербургском быту, как и в жизни всего Русского государства первой четверти XVIII в. в целом, старое и новое тесно переплеталось и находилось в постоянном взаимодействии друг с другом.

В чем проявилась новизна петровского Петербурга? Прежде всего во внешнем облике его. Петра очень заботила мысль о создании на невских берегах регулярного города. Развитие Петербурга не могло происходить стихийно, его нужно было подчинить какому-то определенному плану, в результате реализации которого он должен был стать действительно регулярным городом, столицей регулярного государства. Уже в 1709 г. была учреждена в Петербурге Канцелярия строений, руководившая делом планировки и застройки города. Канцелярия находилась в ведении У. А. Сенявина, осуществлявшего в первые годы Петербурга надзор за всеми строительными работами. Что Петр имел в виду строительство Петербурга подчинить единому плану, устранив в процессе его роста элементы случайности и стихийности, видно из письма царя Меншикову в 1716 г., которым он извещал его о приезде в Петербург Леблона. «Объяви всем архитекторам, — писал Петр, — чтоб все дела, которые вновь начинать будут, чтоб без его подписи на чертежах не строили, также и старое, что можно еще исправить».

Но действительность оказалась сильнее планов русского царя. Ни существование Канцелярии строений, ни требования Петра, чтобы ни одна постройка в Петербурге не производилась без санкции Леблона, ни отдельные указы, регулировавшие постройку города, не могли остановить его стихийного роста, совершавшегося вопреки всем наставлениям и запрещениям. За тринадцать лет своей жизни Петербург принял такой вид, что «нерегулярность» его была очевидна. Если бы планы Петра и Леблона были осуществлены, пришлось бы слишком много

Образцовый дом для строящихся на набережной.

Проект Доменико Трезини. Гравюра на меди А. Ростовцева. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

ломать в Петербурге, а это, в связи с грандиозными новыми сооружениями на Васильевском острове, проектировавшимися Леблоном, потребовало бы громадных затрат.

Но все же Петербург по своей планировке более или менее приближался к тому идеальному регулярному городу, который рисовался в воображении Петра. Прямые улицы, пересекающиеся под прямым углом, широкие площади, регулярные сады и парки — всё это наметилось уже при Петре и оставалось в течение всей последующей жизни Петербурга. В этом была большая доля новизны, которая не могла не броситься в глаза каждому новому жителю города. Многие, вероятно, ощущали эту новизну непрерывно и не могли к ней привыкнуть: ведь недаром же после смерти Екатерины I Петербург, покинутый двором во главе с новым императором Петром II, пришел в запустение и только приход к власти Анны Ивановны возродил его к прежней жизни.

Стремление к тому, чтобы придать Петербургу вид регулярного города, сказалось не только в проектах планировки города. Оно нашло отражение и в постройках городских зданий. Указ Петра 1714 г. «О мазанках и деревянном строении» предписывал на Городском и Адмиралтейском островах и на набережных прекратить постройку деревянных зданий, а строить

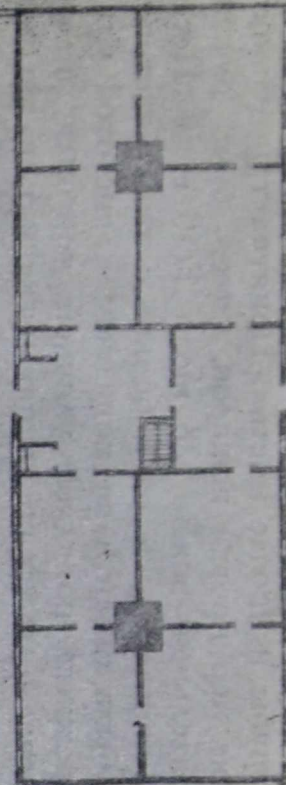
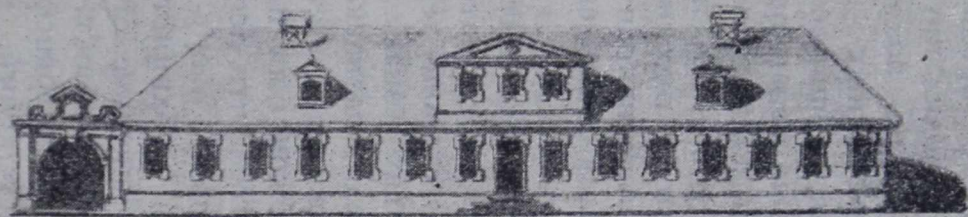
мазанки (в других местах города разрешались и деревянные строения). Улицы запрещалось застраивать заборами и конюшнями, а только жилыми зданиями. Дома должны были быть построены по чертежам архитектора Трезини. Трезини начертил несколько образцов домов для разных категорий населения: «подлых», «зажиточных» и «именитых». По этим образцам начали строиться дома. Материалом для них служила глина. Но представление о регулярном городе плохо вязалось с преобладанием в нем зданий, выстроенных из столь недолговечного материала. Поэтому Петра сильно занимал вопрос о каменных постройках в Петербурге. Для ускорения каменного строительства в новой столице Петр потребовал указом 9 октября 1714 г. прекращения постройки каменных домов во всем государстве, кроме Петербурга. В том же 1714 г. был издан указ, запрещавший возведение жилых домов в Петербурге внутри дворов, а требовавший их постройки вдоль линии улицы. Запрещения, предписания, наставления по поводу строительства домов в Петербурге следовали одно за другим. Выстроенные по утвержденным образцам новые дома должны были придать Петербургу вид того регулярного города, создания которого Петр добивался с обычными для него упорством и стремительностью. Правда, и сюда действительность внесла свои коррективы: постройка домов по утвержденному стандарту продолжалась, видимо, недолгое время. Если на гравюре Зубова жилые дома в общих чертах совпадают с трезиниевскими проектами, то изобразительный материал последующего времени уже не сохранил следов «высочайше апробованных» построек.

Новизна внешнего облика петровского Петербурга не исчерпывалась «регулярностью» его планировки и построенных в нем зданий. Петр стремился своему «парадизу» придать черты европейски благоустроенного города. В Петербурге — первом из русских городов — было заведено уличное освещение фонарями, изготовленными на ямбургских заводах Меншикова по рисункам Леблона. В Петербурге было начато мощение улиц камнем, для чего потребовалось ввести даже особый налог: каждый извозчик при въезде в город должен был доставлять на возу по три камня. Для поддержания порядка устанавливалось дежурство жителей в помощь полиции. В 1718 г. в Петербурге впервые в России была учреждена генерал-полицеймейстерская канцелярия во главе с А. Э. Девьером, для которого Петр составил особую инструкцию. Она представляет собой любопытный документ, показывающий, насколько Петр был озабочен приданием Петербургу облика европейского города.

Инструкция Девьеру предусматривала все мелочи полицейской службы города. Полиции вменялось в обязанность принимать противопожарные меры, заключавшиеся в том, что надлежало «ведра, топоры, войлочные щиты, лестницы деревянные.

Кто пожеланию своему возметъ дворовое строеніе цѣлое мѣсто то есть 50 сажень
 длины 25 поперегъ. ѿномъ надлежитъ снѣговымъ маниромъ построить сего тѣмъ.
 Домъ какъ спереднаго лица по улице таиъ иназадѣ подобнымъ образомъ длиною
 онои зданіе имѣетъ бытъ на 22 саженьхъ. А 3 сажени оставшихся употре:
 бить наворота.

А ежели кто пожелаетъ домъ сего лучше сего построить шномъ надлежитъ
 майца уархитектора тресина итребовать рисунки каиного самъ похочетъ таиже
 бѣде уиного сааго лѣтчей рисункъ есть ииномъ надлежитъже тотъ рисунокъ овѣ:
 лить Архитекторѣ ипотомъ противъ шного строитца

Образцовый дом для дворового участка.

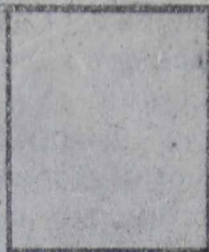
Проект Доменико Трезини. Гравюра на меди А. Ростовцева. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

трубы, а в некоторых сборных местах крюки и парусы и большие водоливные трубы и прочее иметь». Понятна тщательность Петра в разработке мер против пожаров, этого бича русских городов. Опустошительный пожар 28 июля 1710 г. в Петербурге мог усилить внимание Петра к борьбе с этим бедствием. Полиция должна была следить за мощением и чистотой улиц, укреплением набережных, порядком уличной торговли, благопристойным поведением людей на улицах и т. д. и т. п. Не были забыты в инструкции и меры полицейского надзора. О каждом вновь приезжающем и отъезжающем хозяева обязаны сообщать полиции, за невыполнение этого пункта — галеры и конфискация всего имущества. Руководствуясь царской инструкцией, Девьер принялся издавать одно постановление за другим. Среди них особенно интересно запрещение иметь в избах курные печи. Наказания за невыполнение постановлений Девьера были назначены жестокие: штраф, кнут, каторга и даже смертная казнь.

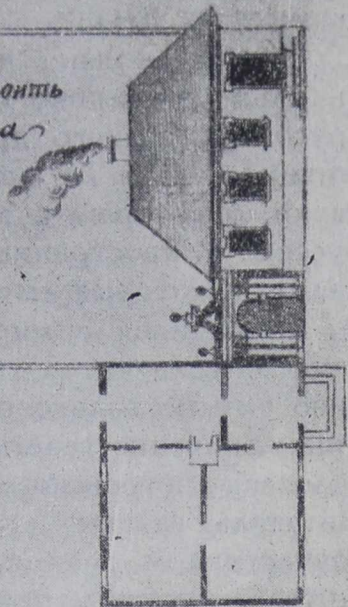
Таковы были петровские мероприятия по созданию первого в России регулярного города. По внешнему облику Петербург действительно не походил ни на один из старых городов. Прямые и широкие улицы, покрытые булыжником и освещенные фонарями, обилие водных протоков и каналов, служивших путями сообщения, обширные сады, выстроенные в линию фасады каменных и мазанковых строений, порядок и чистота на улицах, хотя и поддерживаемые, как можно предположить, с немалым трудом, — все это придавало Петербургу черты, отличающие его от старых русских городов. Как же жили в нем те люди, которые давали направление всей материальной и духовной жизни города, являясь его хозяевами и распорядителями его судьбами?

Источники, рисующие быт дворянского Петербурга петровских времен, дают много материала, относящегося преимущественно к внешней стороне дела. Из записей современников мы во всех подробностях узнаем о том, как жители Петербурга одевались, ели, пили, развлекались, как на Неве устраивались фейерверки, как выглядел Летний сад, как происходил спуск нового корабля, каков был придворный церемониал и многое, многое другое из того, что легче всего было заметить не всегда пытливого и острому взору современника. Законодательный материал, письма, публицистика, художественная литература рисуют не только внешние стороны быта, но и то, что скрывается за этой внешностью, т. е. новую политическую идеологию и психологию людей петровского времени вообще и, в частности, жителей Петербурга. Если при изучении дворянского быта новой столицы отправляться от его внутреннего содержания, то вопрос о его внешних формах разрешается просто. При этом условии может быть установлена закономерность изменения внешних форм быта, ибо совершенно очевидно, что

Кто пожелает имѣть шестую часть полянаго
мѣста котораго имѣеъ быть длиною, 26. сажень.
поперекъ, 8. и 1 Аршинъ ономъ нѣлѣжнѣ нанвѣ. Сиде
вымѣ себѣ маніромъ пострѣить длиною поулице оное
зданіе 5 $\frac{1}{2}$. сажени бстатноу же Упорѣбитца наворѣда.

А ежели кто пожелаетъ домъ себѣ лѣтнее сего пострѣить
ономъ нѣлѣжитъ идитца Уархитептора тресина
ипребовать рисинио наного самъ похоще тѣ
танже бѣде Уного Самого лѣтчен рисинио
естъ јѣному нѣлѣжнѣ тотъ рисинио бавитъ
архитептору јпотѣ прашнѣ оного стрѣить

Образцовый дом для беруших шестую часть участка.

Проект Доменико Трезини. Гравюра на меди А. Ростовцева. Государственный Эрмитаж. Галлерея Петра Великого.

эти формы возникали не сами по себе и не в силу механического заимствования только, а в результате изменений в общественном сознании. К этим изменениям и следует обратиться в первую очередь.

Дворянин, обитавший в петровском Петербурге, был человеком новой эпохи. Если исключить из петербургского дворянства тех обывателей, которые руководствовались в своей жизни единственным принципом — выполнять волю царя, не пытаться проникнуть в смысл происходящих перемен, то останется немалая часть людей, старавшихся не только осмыслить новые формы государственного и гражданского бытия, но и принять в созидании их активное участие. В Петербурге жили такие выдающиеся люди петровского времени, как Меншиков, Толстой, Апраксин, Ягужинский, Шафиров, Макаров, Неплюев, Феофан Прокопович и многие другие. Эти люди были проникнуты ясным сознанием необходимости тех преобразований, какие

произошли в первой четверти XVIII в. Они были преданными помощниками Петра, поддерживая всеми доступными им средствами его начинания. Их мысли, взгляды, убеждения являлись образцами для той массы прогрессивного дворянства, представители которой в силу разных обстоятельств не только не могли добиться широкой известности, но даже не оставили своих имен в летописях петровской эпохи. Точно так же стремилась эта масса идти вслед за виднейшими сотрудниками Петра и в отношении быта, внимательно присматриваясь к внешним формам их жизни.

Просвещенный житель Петербурга петровского времени являлся человеком, кругозор которого был значительно шире кругозора всякого другого городского жителя. Петербургский житель учился во вновь заведенных школах, где постигал такие науки, о которых и не слыхивали до Петра на Руси. Он читал русские и иностранные книги (последние иногда даже в оригинале), в которых ему открывался неведомый доселе мир: в них он знакомился с мировой историей и литературой. Петербургский житель читал газету, издававшуюся в столице и сообщавшую ему не только отечественную, но и иностранную информацию. Значение газеты в формировании общественного сознания человека петровского времени было исключительно велико. Читатель газеты становился пусть пассивным, но все же соучастником дела преобразования государства. Петербургский житель посещал театр, каждый раз уходя оттуда с новым запасом знаний и впечатлений. Он не оставлял своим вниманием Кунсткамеру, обозрение экспонатов которой давало ему больше, чем самые увлекательные книги. В кругу просвещенных людей он вел разговоры на литературные, научные и политические темы, как это было, например, в салоне Феофана Прокоповича. Если житель Петербурга выходил на улицу, он видел строившиеся мануфактуры, присматривался к кипевшей работе в Адмиралтействе, со стапелей которого сходили все новые и новые корабли Балтийского флота, встречался с многочисленными иностранцами, вступая с ними иногда в беседы и узнавая от них массу всяких любопытных вещей.

Все эти впечатления, накапливавшиеся изо дня в день, меняли духовный облик просвещенного жителя Петербурга. Обитатель петровского «парадиза» духовно развивался с быстрой, находившейся в полном соответствии с темпами перестройки всего государства в целом и роста новой столицы в частности. Конечно, он должен был искать новые формы быта, соответствовавшие его измененному общественному сознанию. По мере того как оно ломалось, ломались и формы быта. Правда, случалось и так, что бытовые перемены возникали не в силу их внутренней необходимости, а в результате соображе-

ний, привнесенных извне. Но в целом процесс создания новых форм быта являлся величиной производной, а не образующей. Каковы же были эти новые формы?

Наиболее замечательной особенностью быта петербургского дворянства была новая форма общения людей друг с другом. В допетровской Руси представители господствующего класса общались редко, да и самый круг этих людей был очень ограничен. Близкие ко двору люди встречались в царском дворце, в церкви, на охоте, дома. Вся остальная масса боярства и дворянства жила замкнуто и во всяком случае не общалась с людьми, принадлежавшими к другим сословиям. В Петербурге было не то. Ассамблеи, маскарады, всевозможные празднества на Неве, театр, приемы иностранных гостей, смотры флота — все это разбивало прежнюю замкнутость и значительно увеличивало круг людей, находившихся друг с другом в длительном или коротком общении. В домах жителей Петербурга, на его улицах, площадях и набережных встречались не только близкие к царю лица. Здесь можно было увидеть и думного дворянина, и сенатского чиновника, и офицера, и купца, и иностранного шкипера, и знатного иностранца, сопровождаемого целой свитой. Сословная замкнутость нарушалась: в дворянский круг входили люди, доселе не имевшие туда доступа. В свою очередь, люди недворянского сословия, исключая, конечно, «подлых», получали возможность общаться с дворянами. Так создавалась та «людскость», которая составляет характернейшую черту петербургского быта петровского времени. Впоследствии, по мере общего культурного развития страны, «людскость» стала таким упрочившимся явлением быта, что она стала казаться свойством, искони ему присущим.

Петр прекрасно понимал, что вытащить человека из привычного домашнего уединения не так легко. Не все люди петровского времени испытывали органическую потребность в общении друг с другом. Было немало таких, пассивное, а иногда и активное сопротивление которых новым формам быта приходилось преодолевать. Трудно себе представить, чтобы далеко не всегда по собственной охоте поселившиеся в Петербурге дворяне и купцы сразу же сами начали ломать устоявшиеся формы быта. Как и во многих случаях, пришлось и здесь прибегнуть к принуждению. 26 ноября 1718 г. был издан указ об ассамблеях. Что Петр придавал ассамблеям значение государственного мероприятия, призванного внести серьезные изменения в общественный быт, видно из разъяснительной части указа. В ней говорилось, что ассамблеи устраиваются не только для забавы, но и для дела, «ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается». Указ устанавливал регламент ассамблей, разработанный с обычной в петровских указах тщательностью. Любо-

пытно отметить, что Петр, видимо, считал необходимость регламентирования ассамблей мерой временной, будучи уверен в том, что скоро ассамблеи привьются и тогда предписывать порядок их проведения будет излишне. Об этом говорят слова указа: «А каким образом оные ассамблеи отправлять, определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай не войдет».

В указе об ассамблеях примечательно то, что правом посещения их пользовались люди «с высших чинов до обер-офицеров и дворян», знатные купцы и приказные и даже «начальные» мастеровые. Сословного признака в подборе гостей не устанавливалось. Только лакеям и служителям вход был воспрещен (относительно солдат и матросов запрещения не было). На ассамблеях изгонялось чинопочитание и устанавливалась полная свобода поведения. Обязанности хозяина не шли дальше предоставления гостям помещения и приготовления напитков и настольных игр. Женщины имели право посещать ассамблеи наравне с мужчинами. Все это было настолько большой новостью, что становится понятной необходимость издания особого указа по поводу ассамблей: среди петербургских жителей не так уже много нашлось бы охотников пускать в свои дома посторонних людей, да еще не принадлежащих к их кругу.

Берхгольц в своем дневнике сообщает несколько дополнительных данных к указу об ассамблеях. По его словам, в Москве комендант, а в Петербурге генерал-полицеймейстер перед концом ассамблеи объявляют гостям, у кого им собираться в следующий раз. Выбор места определяется либо царским повелением, либо добровольно выраженным согласием кого-нибудь из гостей. «Что мне не нравится в этих ассамблеях, — замечает Берхгольц, — так это, во-первых, то, что в комнате, где дамы и где танцуют, курят табак и играют в шашки, отчего бывают вонь и стукотня, вовсе неуместные при дамах и при музыке, и, во-вторых, то, что дамы всегда сидят отдельно от мужчин, так что с ними не только нельзя разговаривать, но не удастся почти сказать и слова. Когда не танцуют, все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга». Видимо, не легко было привыкнуть женщине к обстановке, столь резко отличавшейся от обстановки боярского терема.¹

Ассамблеи, как и рассчитывал Петр, привились. В петербургское время уже не приходилось прибегать к понуждениям для того, чтобы заставить жителей Петербурга делать у себя

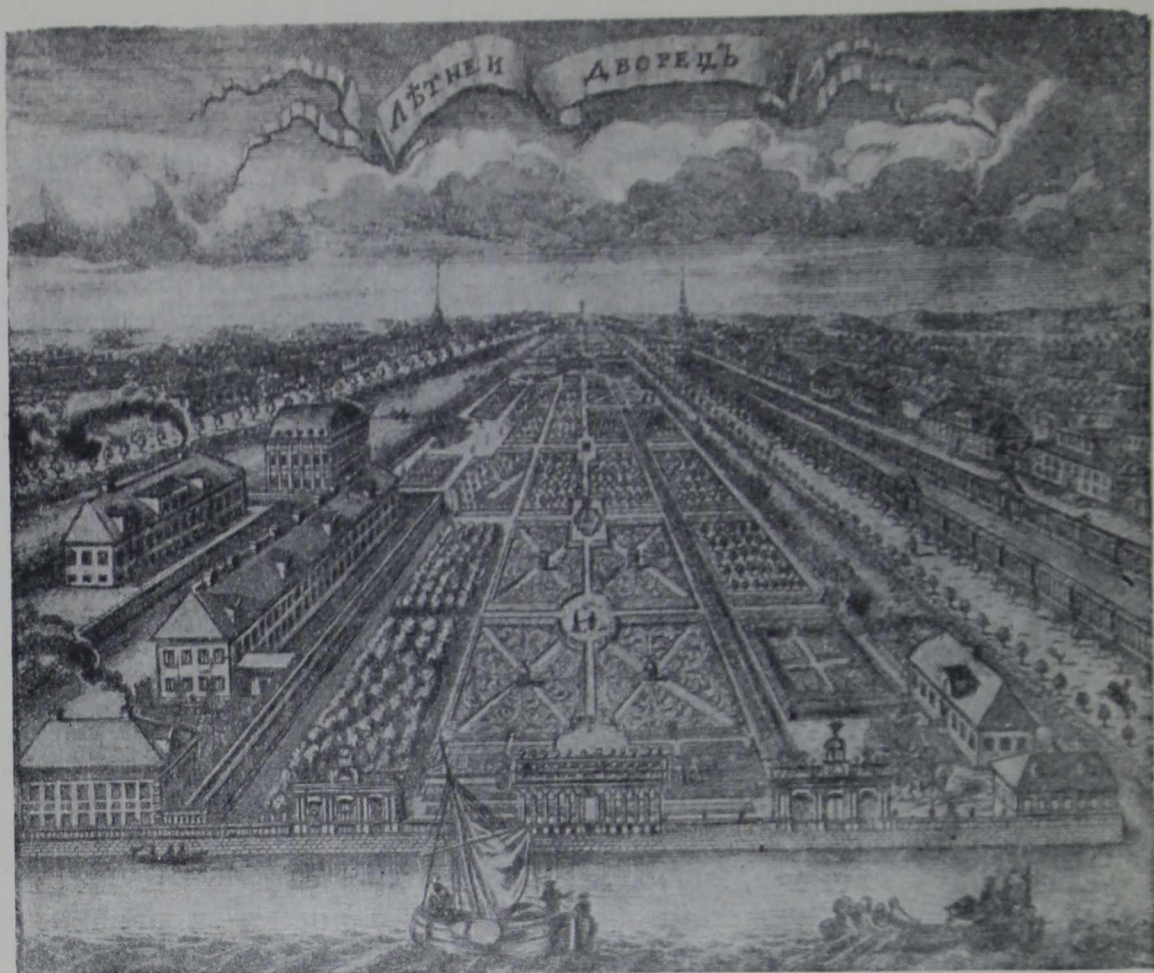
¹ В 1723 г. был издан указ первоприсутствующего в Синоде об устройстве ассамблей в московских монастырях. 29 декабря 1723 г. по этому указу состоялась первая ассамблея у архимандрита Донского монастыря, на которой присутствовали президент Синода, архимандриты московских монастырей и чиновники Синодальной канцелярии и Монастырского приказа. Сведений об устройстве ассамблей в Александро-Невском монастыре в Петербурге не сохранилось.

приемы с танцами, играми и другими развлечениями. Но свобода и непринужденность, за соблюдением которых следил сам царь, исчезли, уступив место этикету, правила которого оказались куда более устойчивыми, чем петровский ассамблейный регламент. Исчезла также и пестрота состава гостей на ассамблеях. Дворянство изгнало из своей среды купцов и разночинцев и замкнулось в совершенно обособленный круг. Более того, процесс дифференциации внутри дворянства привел к созданию в его среде отдельных групп, самая аристократическая из которых зорко следила за тем, чтобы внутрь ее не проникал никто посторонний. Примат заслуги перед породой — принцип, которому следовал Петр и одним из выражений которого было издание табели о рангах, — оказался нарушенным как в государственной, так и в бытовой практике послепетровского времени.

Общение жителей Петербурга осуществлялось не только на ассамблеях. Гораздо более широкий, но в то же время не столь интимный характер оно имело на многочисленных петербургских праздниках, устраивавшихся под открытым небом. Петр, повидимому, очень любил такого рода праздники и старался приохотить к ним население столицы. В Летнем саду устраивались ассамблеи, когда время года позволяло это. Петр уделял Летнему саду весьма большое внимание и превратил его в одно из самых красивых и благоустроенных мест Петербурга. Берхгольц оставил подробное описание Летнего сада. Он удивлялся его размерам, планировке (сад был разбит по проекту Леблона), статуям, фонтанам, зверинцу, птичнику, беседкам, гротам и прочим атрибутам благоустроенного парка. Ассамблеи в Летнем саду проходили так же, как и зимою, с тою только разницей, что роль хозяина исполнял сам Петр да гости чувствовали себя вольготнее под открытым небом, чем в тесных домах трезиниевской постройки.

Очень часто устраивались в Петербурге всевозможные потехи, зрителями которых являлись все жители столицы. Одной из первых, если не первой, по времени такой потехой была свадьба карликов, происходившая в 1710 г. Для этой свадьбы были выписаны в Петербург 72 карлика, принимавшие активное участие во всех перипетиях брачной церемонии, начиная от шествия в церковь и кончая свадебным пиром. Гюйсен, посвятивший описанию свадьбы особую главу в своей книжке, замечает, что шествие жениха и невесты в церковь сопровождалось толпой посторонних зрителей. Пир происходил в присутствии специально приглашенных лиц. «Все гости, — пишет Гюйсен, — в особенности же царь, не могли довольно тем навеселиться и, смотря на коверкание и ужимки этих 72-х уродцев, хохотали до упаду. У иного были коротенькие ножки и высокий горб, у другого — большое брюхо, у третьего — ноги кривые

Летний дворец Петра Первого.

Гравюра на меди А. Зубова из его же „Панорамы Петербурга“. Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

и вывернутые, как у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой рот и длинные уши, или маленькие глазки и расплывшееся от жира лицо и т. д.»

Такое же потешное зрелище представляли собой похороны карлика, свадьба которого была описана Гюйсеном. Похороны происходили в 1724 г. Впереди похоронной процессии шли 30 мальчиков-певчих в сопровождении самого маленького по росту священника, которого только удалось найти. На санях, запряженных шестью крошечными лошадьми, находился гроб. За гробом шествовал карлик, исполнявший роль маршала, а за ним в длинных черных мантиях карлики и карлицы. По обеим сторонам процессии шло несколько десятков громадного роста гвардейских солдат с факелами. «Такую странную процессию, — замечает Берхгольц, наблюдавший всю церемонию, — не в России едва ли где-нибудь придется увидеть». После похорон происходили поминки во дворце Петра, для чего была заказана специальная мебель, соразмерная росту гостей.

Вид ка Петропавловскую крепость.

Гравюра на меди А. Зубова из его же „Панорамы Петербурга“. Собрание Музея истории и развития Ленинграда.

Если в таких затеях жители Петербурга принимали хотя и широкое, но все же пассивное только участие, то в других потехах они выступали уже в качестве действующих лиц. Тут их общение друг с другом принимало более широкие и свободные формы, чем на ассамблеях. В Петербурге часто устраивались маскарады — одна из наиболее любимых забав царя. Едва ли не самым пышным, многолюдным и продолжительным маскарадом был тот, который Петр устроил в сентябре 1721 г. Программа праздника была выработана заранее, при чем, как сообщает Берхгольц, в этом деле принимал какое-то участие сам царь. За два дня до маскарада в доме Меншикова была устроена репетиция маскарадной процессии. В назначенный для маскарада день участвующие собрались по сигналу на площади перед Сенатом и Троицкой церковью (теперешняя площадь Революции); одеты они были в плащи. Особо назначенные маршалы расставляли их по группам в том порядке, в каком

они должны были следовать в процессии. Царь и знатнейшие вельможи находились в это время в церкви, где происходило венчание князя-папы П. И. Бутурлина с вдовою его предшественника на посту главы «всешутейшего собора». После окончания бракосочетания царь вместе с придворными вышел из церкви и, как заранее было условлено, ударил в барабан. Тотчас все маски сбросили плащи, и площадь запестрела разнообразными костюмами: здесь были римские воины, китайцы, турки, аббаты, арлекины, пастушки, нимфы, бояре, корабельщики, рудокопы и множество других масок. Началось гулянье. Вечером все дома были иллюминированы. Восемь дней длился маскарад, сопровождавшийся разнообразнейшими забавами, играми, танцами, пирами и всякими другими развлечениями. Празднество было особенно пышным и продолжительным, так как за несколько дней до его начала было получено известие о заключении мира с Швецией. Впрочем, Ништадтский мир был отпразднован особо.

Если такие явления нового быта, как ассамблеи, маскарады, гулянья и пр., служили приобретению столь недостававшей петербургскому дворянину «людскости», то некоторые другие имели уже иную функцию: они устраивались с агитационно-пропагандистской и просветительной целью. Таковы были, например, маневры Невского флота, порядок проведения которых устанавливался указом 12 апреля 1718 г. «Разных чинов» людям в Петербурге были даны парусные и гребные суда, «дабы у всякого оные были вечно, то-есть, ежели какая трата на какое судно придет, повинен он такое ж вновь сделать». «Понеже не все еще обыкновенны к плаванию и содержанию оных судов, того ради ниже сего определяются пункты». Далее в указе были изложены правила, как смолить и конопатить суда, как обращаться с парусами, как поддерживать чистоту и т. д. Хозяевам судов предписывалось ежесубботно являться на учение, отменявшееся только в случае восточного ветра. Хозяева могут отсутствовать на учениях не более двух раз в месяц, но тогда они посылают вместо себя детей, родственников или слуг. Одно из таких учений, имевшее характер водной прогулки, описал Берхгольц.

Несомненное агитационное значение имели торжества, устраивавшиеся при спуске всякого нового корабля Балтийского флота. Петр старался привлечь к этому делу всеобщее внимание, что, видимо, ему удавалось. Берхгольц, присутствовавший на одном из таких празднеств, говорит о большом количестве народа, наблюдавшего за спуском корабля и шумно выражавшего свое одобрение. Резидент Вебер также однажды был свидетелем спуска корабля, построенного, по его словам, одними русскими мастерами настолько хорошо, что это вызывало всеобщее удивление. Вебер указывает, что на торжестве присутствовало более 20 тысяч человек.

Адмирал К. И. Крюйс
Работа неизвестного художника I четверти XVIII в.
Государственный Эрмитаж. Галерея Петра Великого.

С особой торжественностью была отмечена в Петербурге Гангутская победа. Ее значение в ходе Северной войны в судьбе Петербурга было так велико, что Петр не мог упустить случая как можно ярче его подчеркнуть. 9 сентября 1714 г. корабли, принимавшие участие в Гангутском сражении, вошли в Неву. Приветствованные салютом Петропавловской крепости и Адмиралтейства, они остановились у Троицкой площади. Здесь экипажи кораблей сошли на берег и направились к зданию Сената. Процессия, среди участников которой находились и пленные шведы, прошла через специально выстроенные триумфальные ворота. Царь вручил сенаторам донесение о победе. Посоветовавшись между собой и задав ему несколько вопросов, они провозгласили его вице-адмиралом (до сих пор царь имел чин контр-адмирала). Поблагодарив за оказанную ему честь и приняв поздравления от иностранцев, Петр вернулся на свою шлюпку, на которой был поднят вице-адмиральский флаг. Торжество, по обычаю, закончилось пиром во дворце Меншикова.

Выше было отмечено, что общение жителей Петербурга в петровское время происходило в такой обстановке, которая нарушала сословную замкнутость. Это определяло простоту и непринужденность поведения участников всяких публичных собраний. Те тысячи всевозможных санкций и запрещений, которые в послепетровские времена создали придворный и «светский» этикет и тем самым сковали свободу поведения человека, при Петре отсутствовали. Но эта простота порождалась, конечно, не какими-либо новыми социальными отношениями, — они не подверглись никаким изменениям, официальное признание примата заслуги перед породой не меняло существа социальных отношений. Простота общественного быта господствующих сословий в петровские времена определялась в известной мере поведением самого царя, отнюдь не склонного к соблюдению правил придворно-боярского этикета. Дело было тут не только в личных вкусах и привычках Петра, сколько в характере эпохи: грандиозность и универсальность работы по строительству нового государства в соединении с краткостью сроков ее выполнения влекли за собой известное нарушение сословной замкнутости населения, что не могло не вызвать некоторого опрощения быта. Петр, принимавший самое активное участие в строительстве нового государства и более всех стремившийся придать этому строительству универсальный характер, понимал, что следование сословно-бытовым канонам московских времен или немедленная замена их новыми могут только помешать делу. Такое умонастроение порождало и личный быт царя, и его поведение по отношению к другим людям. Его примеру следовали те, кто разделял его взгляды и поддерживал все его начинания. Так создавалась группа людей, принадлежавших

к господствующим сословиям, которая задавала тон общественно-бытовой жизни страны и прежде всего Петербурга. Масса петербургского дворянства и купечества шла за этой возглавляемой царем группой. Дело коренным образом переменялось в послепетровские времена, когда дворянское государство настолько укрепилось, что темпы его перестройки могли быть значительно снижены. Напряженность петровской эпохи осталась позади. Теперь господствующий класс мог зажить относительно спокойной жизнью. Тогда-то дворянскому быту и стали присущи те свойства, которые определяли его характер для всего XVIII в.: пышность, роскошь, строжайшая сословная замкнутость, до мелочей разработанный этикет. В создании канонов дворянского быта петербургскому дворянству, конечно, принадлежала первенствующая роль.

Русская культура первой четверти XVIII в. имела одну особенность, весьма характерную для петровского государства: она была лишена того богословского духа, который пронизывал ее в предшествующее время. Сознание передового человека петровской эпохи уже не было в такой степени, как раньше, подчинено религиозно-церковным догматам. Оно приобретало все более светский характер. Эта новая особенность сознания людей петровского времени не замедлила сказаться и в их быту. Быт передового дворянина в царствование Петра в гораздо меньшей степени был окрашен в религиозно-церковный цвет, чем в Московской Руси. Это нашло свое отражение во многих фактах и явлениях как общерусской, так и петербургской жизни.

В библиотеке просвещенного жителя Петербурга было мало богословских книг, научные и технические сочинения в ней преобладали. В петербургских учебных заведениях преподавание богословских наук занимало мало места. Праздники, устраивавшиеся в Петербурге, носили совершенно светский характер. Спектакли, разыгрывавшиеся в петербургском театре, были свободны от религиозно-церковного элемента. В домашнем быту петербургского дворянства церковь перестала играть прежнюю роль (количество церквей в Петербурге было незначительно). Руководители петербургского духовенства во главе с Феофаном Прокоповичем являлись людьми, в мирозерцании которых было много светского. Все вместе придавало петербургскому быту черты, значительно отличавшие его от быта Москвы даже совсем недавнего времени.

В своем стремлении высвободить жизнь государства из-под церковного влияния Петр прибегал к самым разнообразным мерам, начиная от учреждения Синода и кончая сочинением регламента для «всешутейшего собора». Этот «собор» призван был играть агитационно-пропагандистскую роль. Вся деятельность его носила пародийный характер. В этом хорошо разобрался еще И. И. Голиков, писавший, что Петр назвал главу

? | «всешутейшего собора» Зотова папою, «дабы мечтаемую папою власть над христианством и самую особу папы привести у подданных своих в презрение... Равным сему образом приводил царь мало помалу в неуважение патриарха российского». Шумные и зачастую непристойные забавы «собора», по мнению Петра, должны были развеять всесильный авторитет церкви и патриарха. Источники, рисующие жизнь «собора», не дают материала для решения вопроса о том, в какой мере Петру удалось разрешить эту задачу. Едва ли, однако, «всешутейший собор» был наиболее действенным средством из всех, примененных Петром в его желании «привести в неуважение» главу российской церкви. После смерти Петра «собор» сразу прекратил свое существование. Но в быту петровского Петербурга он играл не последнюю роль, внося в жизнь новой столицы весьма своеобразный колорит.

171 | Как было отмечено выше, в быту петербургского дворянства новое и старое тесно переплетались. Немало было в Петербурге людей, которые смотрели не только на все новости столичного быта, но и на самую столицу глазами, в которых читалось нескрываемое осуждение. Далеко не всегда это осуждение оставалось безмолвным. Стоит только вспомнить дело царевича Алексея, показавшее, как много было врагов у Петра. Тайная канцелярия в 1718 г. была переведена из Москвы в Петербург, где продолжался розыск по делу царевича. С этого времени она стала вершить розыскные дела в столице и, как известно, упрека в бездеятельности у современников и у потомства отнюдь не вызывала. Конечно, быт людей, попадавших в поле зрения Тайной канцелярии, в основе своей оставался неизменным, и если эти люди брили бороды, носили европейское платье, участвовали во всевозможных потехах, придумываемых неистощимой фантазией царя, то делали это только потому, что боялись государева гнева. Много времени понадобилось, чтобы сознание этих людей переработалось и чтобы они сроднились с формами нового быта.

!! | Но пассивные и активные противники Петра не были единственным препятствием в деле утверждения нового быта в Петербурге. Не надо упускать из виду, что в сознании очень многих самых искренних и деятельных друзей и единомышленников Петра было еще много от московской старины в ее наиболее отсталых формах. Общественное сознание человека петровского времени выработалось не вдруг, и над ним тяготела масса непреодоленных традиций. Ликвидировать эту косность было, быть может, труднее, чем обезоружить сознательное сопротивление. Общительность уживалась с такими нравами, которые отдавали самой затхлой стариной. Нельзя пройти мимо того безудержного пьянства, о котором единодушно свидетельствуют наблюдатели жизни петровского Петербурга. Правда,

Дворец князя А. Д. Меншикова в 1720 г.

С рисунка Хр. Марселиуса, 1720 г. Фотоснимок в собрании Музея истории и развития Ленинграда.

на пирах, как рассказывают те же наблюдатели, происходили иной раз сцены, полные глубокого смысла и значения. Одним из наиболее впечатляющих эпизодов такого рода была известная речь Петра, обращенная к присутствовавшим на спуске корабля и записанная Вебером. С чувством законной гордости Петр говорил об успехах, достигнутых Россией за последние тридцать лет, и предсказывал возможность такого ее дальнейшего развития, какое создаст величайшую славу русскому имени. Конечно, такая речь не могла бы быть произнесена перед аудиторией, потерявшей способность слушать и понимать.

Плохо гармонировали с европейским «политессом» выходки присутствовавших на ассамблеях и праздниках шутов, повидимому, никого не шокировавшие. Обычным делом были драки и потасовки во время общественных собраний. Далекое не утонченные шутки и проказы, участником которых бывал зачастую и сам царь, сплошь и рядом врывались в беседы на политические и научные темы. В домашнем быту петербургского дворянства очень многое осталось неизменным не только в петровские, но и гораздо более поздние времена: попрежнему дворяне собирали оброк с своих крестьян; как и раньше, крепостная челядь заполняла их дома; порядок в доме по отношению к домочадцам и слугам поддерживался старыми методами, среди которых физическому воздействию отводилась первенствующая роль. От петровского времени остался красочный

бытовой памятник — «Юности честное зерцало», напечатанное по личному повелению Петра. В рекомендациях и запрещениях этого руководства «хорошего тона» полно и ярко отразились те бытовые черты, которые остались от прежнего времени.

И все же в петровском Петербурге основы нового быта были положены прочно. И новое государство, и новая столица выдержали все испытания, выпавшие на их долю. Петербург стал столицей обновленного государства, и люди, жившие в нем, были в основе своей людьми новых взглядов, привычек, вкусов. Много еще предстояло сделать для дальнейшего развития материальной и духовной культуры только что возникшего города, но то, что оказалось сделанным, давало все основания предвидеть могучий рост его. Ближайшие десятилетия вполне оправдали эти надежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

Кроме литературы, указанной в тексте статей, при написании их были использованы следующие издания:

В статье А. В. Предтеченского — Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого... СПб., (без года); Письма и бумаги Петра Великого, тт. II, III; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, тт. 14, 15; Н. Устрялов, История царствования Петра Великого, тт. II, IV; Фокеродт, Россия при Петре Великом („Чтения в импер. обществе истории и древностей российских при Московском университете“, 1874, кн. 2); Ф. Ф. Веселаго, Очерк русской морской истории, ч. I, СПб., 1875; Д. Ф. Масловский, Записки по истории военного искусства в России, вып. I, СПб., 1891; Г. И. Тимченко-Рубан, Первые годы Петербурга, СПб., 1901; А. И. Гиппинг, Нева и Ниеншанц, СПб., 1909 и др.

Статья В. Г. Геймана является переработкой статьи того же автора, помещенной в сборнике „Петр Великий“, М.—Л., 1947 и написана главным образом на основе архивных материалов, хранящихся в разных архивах Москвы и Ленинграда. Были использованы следующие архивные фонды: Адмиралтейской канцелярии, Адмиралтейской Коллегии, Берг-Коллегии, Штаба генерал-фельдцейхмейстера, Мануфактур-Канторы, Комиссии о Коммерции, Государственного архива, Канцелярии графа Апраксина.

Кроме того, были использованы следующие основные печатные труды: Н. Т. Федотов, Исторический очерк развития военных портов в России, Л., 1940 (машинопись); В. Родзевич, Историческое описание С.-Петербургского Арсенала за 200 лет его существования, 1712—1912 гг., СПб., 1914; Н. Бранденбург, Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701—1720), СПб., 1876; К. Каменев, Историческое описание Охтенского порохового завода, СПб., 1891; Е. И. Заозерская, Мануфактура при Петре I, М.—Л., 1947, и др.

В статье И. И. Любименко — K. Marx, Secret diplomatic history XVIII c. London, 1890; М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, тт. 1—21, СПб., 1781—1788; А. Семенов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, т. III, СПб., 1850; Г. А. Немиров, Опыт истории С.-Петербургской биржи, СПб., 1889; [И. К. Кириллов] Цветущее состояние всероссийского государства... М., 1831; Н. А. Попов, Татищев и его время, СПб., 1861; П. Н. Столпянский, Петербург. Как возник, основался и рос С.-Петербург, П.; 1918; И. М. Кулишер, История русской торговли, П., 1923; Д. Бабурин, Очерки по истории Мануфактур-Коллегии, М., 1939; Т. К. Крылова, Торговая политика Петра I в странах Юго-Запад-

ной Европы (Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. Герцена, XXIX, 1939) и др.

В статье И. И. Любименко и Г. М. Тонковой — С. В. Рождественский, Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. I, СПб., 1912; М. Ф. Владимирский-Буданов, Государственное и народное образование в России XVIII века, СПб., 1874; П. Ф. Каптерев, История русской педагогики, СПб., 1910; Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I и II, СПб., 1862; Ф. Веселаго, Очерк истории Морского кадетского корпуса, СПб., 1852; Липский, Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования, СПб., 1913; И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, СПб.; П. Пекарский, История императорской Академии наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870; И. И. Любименко, Просвещение и наука при Петре I и основание Академии наук (Известия Академии наук СССР, серия Истории и философии, 1945, № 3) и др.

В статье А. В. Предтеченского — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, т. I, II; Письма и бумаги Петра Великого, т. IV; Материалы для истории русского флота, ч. I, IV; Полное Собрание Законов, №№ 2747, 2788, 2877, 3118, 3193, 3198, 3246, 3320, 3339; Петербург в 1720 году. Записки поляка очевидца («Русская старина», 1879, № 6); М. В. Клочков, Население России при Петре Великом, СПб., 1911; Дневник камер-юнкера Берхгольца, М., 1902; И. Грабарь, История русского искусства, т. III; М. М. Богословский, Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века, изд. 2, П., 1918 и др.

Здесь же по форватурам Е. Ф. М. значится
 в глубине фута; а мерила в такую же
 воду, что провалять означенной плоской
 Д. была вилке.

Облагоденном плане написано тако:
 выше объявлено место, коимъ мѣръ описо-
 ванъ мичманомъ Игнатіемъ Племянниковымъ
 иривалъ въ 1725^{мъ} году Октября дня.

скала наросты и малахитъ
 объявленъ въ ордере въ журналъ, который руга въ септ. 1826 г.

Приводимая копия плана Петербурга работы Игнатия Племяникова 1725 г. публикуется впервые. Копия эта обнаружена в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве (фонд 192, картографический отдел библиотеки МГА МИД, № 33). Копия выполнена черной тушью на небольшом листе пшечей бумаги. Ни даты, ни подписи автора, свивавшего копию, не обнаружено. В папке, где хранится план, вложен

небольшой листок белой бумаги, на котором сделана следующая надпись: „План С.-Петербурга, сочиненный мичманомъ Игнатіемъ Племянниковымъ 1725 г. и значащийся по реестру, Географическимъ Атласамъ, картам, планамъ и пр. С.-Петербургской губернии подъ № 33, находится у Государя Императора, какъ о томъ извѣщено отъ 28 сент. 1826 г. Граф[ом] Нессельродомъ“.

Подобная копия этого плана хранится в Музее истории и развития Ленинграда (Архив Майера, часть I, разряд III, № IX). Подлинник приводимого плана находится в Центральном Государственном военно-историческом архиве Москвы (ВИА) № 22 423). Р. Золотницкая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>А. В. Предтеченский</i> . Основание Петербурга	3
<i>В. Г. Гейман</i> . Мануфактурные предприятия Петербурга	49
<i>И. И. Любименко</i> . Торговля в Петербурге	73
<i>И. И. Любименко и Р. М. Тонкова</i> . Культурная жизнь Петербурга .	93
<i>А. В. Предтеченский</i> . Население и быт Петербурга.	125

Редактор К. П. Серов
Техн. редактор Л. Г. Левоневская
Корректор А. Г. Ткалич

Подписано к печати 12 июля 1948 г.
Форм. бум. $60 \times 92\frac{1}{16}$. Объем 10 п. л.
Уч.-изд. л. 10,14. Колич. тип. зн.
в 1 п. л. 37.174. Тираж 10.000.
Изд. № 459. М—12643. Цена 9 р.
Зак. № 93

Типография им. Володарского

